КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

1899 г.

ІЮНЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
И. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXV.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 31 мая 1899 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 65-го:

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1899.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II.

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга третья—Іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II-й.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

Кіевскіе и мнимокіевскіе памятники XI—XV вѣка.

(Продолженіе [1]).

6) *Архангельское евангеліе.* Извѣстно, что въ немъ (изъ 178 листовъ) надо отличать: а) вторую часть, писанную въ 1092-мъ (или 1097-мъ) году двумя писцами—Мичькою и пресвитеромъ ...томіемъ (л. 77—176) и б) первую часть (л. 1—76), писанную по разслѣдованію академика Бычкова, „въ концѣ XII-го, если не въ XIII вѣкѣ“ [2]). Болѣе древнюю часть (1092 года) г. Соболевскій признаетъ за новгородскую [3]), а болѣе позднюю часть (XII—XIII в.) предлагаетъ считать за кіевскую и включаетъ въ число источниковъ для изученія старокіевскаго говора [4]). Діалектологическихъ описокъ Архангельское евангеліе XII—XIII в. даетъ слишкомъ мало: среди церковнаго языка

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1899 г., январь, стр. 9—29.

[2]) Сборникъ Акад. Наукъ, т. 17-й, стр. XXXV. Мнѣ доступно было еще „Описаніе еванг. 1092-го г.“ архим. Амфилохія (М. 1877). Двѣ страницы посвящено этому евангелію у Воскресенскаго: „Евангеліе отъ Марка“ (Сергіевъ Посадъ, 1894. стр. 15).—Кромѣ названныхъ двухъ частей, рукопись имѣетъ въ концѣ еще два листка, принадлежащіе опять другимъ писцамъ.

[3]) Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варш. 1881, стр. 2.—Г. Колесса не обратилъ на это вниманія и старается доказать (стр. 500), что въ этой (новгородской!) части есть малоруссизмы.

[4]) Ж. М. Нар. Пр. 18 5, февраль, стр. 356.

и церковнаго правописанія попадаются, конечно, руссизмы, но все такіе, которые одинаково встрѣчаются и въ малорусскихъ, и въ бѣлорусскихъ, и въ великорусскихъ памятникахъ; характернѣе прочихъ чертъ—смѣшеніе ѣ и н [1]),—черта, которая дѣйствительно была свойственна старому Кіеву (какъ видно изъ Святославовыхъ сборниковъ), но и она мало характерна, потому что, кромѣ Кіева, она была свойственна и Галичинѣ, и Волыни, и сѣверной Руси. На рукописи Архангельскаго евангелія нѣтъ ни одного замѣчанія, говорящаго о Кіевѣ. Быть можетъ, оно какъ разъ галицкое! (Антималоруссизмовъ въ немъ нѣтъ).

---

7) *Румянцевская лѣствица XII—XIII в.* О ней Срезневскій говоритъ: „Это—произведеніе, важное потому, что въ немъ русскій переписчикъ *сохранилъ древнее правописаніе* нерусскаго подлинника“ [2]). Другими словами, для русской діалектологіи этотъ памятникъ вообще не пригоденъ. О Кіевѣ въ немъ ничто не говоритъ, и мы низачто не могли понять, почему это г. Соболевскій можетъ считать данный памятникъ за кіевскій, если бы самъ г. Соболевскій не потрудился объяснить того принципа, которымъ онъ руководится при классификаціи рукописей. Вотъ его точныя слова: „Для знакомства съ древнекіевскимъ говоромъ могутъ служить тѣ рукописи XII—XIII вѣка, которыя не имѣютъ въ своемъ правописаніи ни новгородскихъ, ни галицко-волынскихъ особенностей“ [3]). По этому интересному принципу можно искать кіевскія черты въ памятникахъ бѣлорусскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, московскихъ, а затѣмъ, на основаніи ихъ, смѣло заявлять, что старокіевскій говоръ былъ великорусскій.

---

[1]) По описанію архим. Амфилохія можемъ отмѣтить: вндѣла (стр. 9, вм. вѣдѣла), ѣ (αὐτόν, стр. 10), гадарѣньскоу (стр. 17), въ црквѣ (стр. 19); впрочемъ, быть можетъ, эта послѣдняя форма произведена отъ имен. пад. падежа „цьрква“).

[2]) Древніе памятники русскаго письма и языка, 2-е изд. Спб. 1882, стр. 121.

[3]) Ж. М. Нар. Пр. 1885 февр., стр. 356.

8) *Сказаніе Ипполита объ Антихристѣ XII—XIII* в. [1]). Въ настоящее время рукопись находится въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, а попала туда не позже, чѣмъ при Димитріи Донскомъ [2]). На оборотѣ перваго листа помѣщено, съ церковью въ рукахъ, изображеніе святого псковскаго князя Всеволода-Гавріила [3]), строителя многихъ церквей въ Новгородѣ и Псковѣ, умершаго въ 1132-мъ году; въ 1192-мъ году обрѣтены его нетлѣнныя мощи [4]). И эту то рукопись, явно относящуюся къ произведеніямъ Новгорода или Пскова и ничего не говорящую о Кіевѣ, г. Соболевскій считаетъ критеріемъ для сужденія о кіевскомъ говорѣ [5])!

---

9) *Евангеліе Церковно-археологическаго музея* при Кіевской духовной академіи, XIII в. Болѣе короткое его названіе—*Оршанское евангеліе*. Пожертвовано оно въ музей помѣщикомъ Меленевскимъ, которому оно досталось изъ разнаго хлама церковныхъ вещей и бумагъ, выброшенныхъ французами изъ монастырей г. Орши Могилевской губерніи послѣ разграбленія этихъ монастырей въ войну 1812—1814 года [6]); значитъ, найдено оно въ Бѣлоруссіи. Палеографическія особенности Оршанскаго еван-

---

[1]) Издано Невоструевымъ: „Слово святаго Ипполита объ Антихристѣ" (М. 1868) и Срезневскимъ въ „Отчетѣ о 15-мъ присужденіи наградъ графа Уварова". (Спб. 1874, стр. 140—362).

[2]) См. приписку, сообщенную у Невоструева, стр. 3.

[3]) Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки, т. I, № XIV, стр. 47. Невоструевъ, стр. 2—3.

[4]) Невоструевъ, стр. 3.

[5]) Г. Соболевскій, какъ на образецъ чертъ кіевскаго говора, указываетъ въ Словѣ Ипполита на три особенности. (Ж. М. Н. Пр. 1885, февраль, 356). Но эти всѣ три особенности отмѣчены бывали самимъ г. Соболевскимъ и въ псковскихъ памятникахъ, а именно: 1) *е* вм. *я* и наоборотъ самъ г. Соболевскій включилъ въ число „видныхъ псковскихъ особенностей" (Очерки, 145); 2) *и* вм. *ѣ* отмѣчается г. Соболевскимъ почти въ каждой псковской рукописи (Очерки 120, 123, 126, 129, 133, 137, 141); 3) *о* вм. *е* послѣ шипящихъ и *ц*—также (Очерки 130, 133).

[1]) Г. Крыжановскій: Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Кіевъ 1889, стр. 3.

гелія, по наблюденію г. Крыжановскаго, приближають Оршанское евангеліе къ новгородской Кормчей около 1281 года, рязанской Кормчей 1284 года, западно-русской Псалтири 1296 г. Патерику Скитскому 1296 года, грамотѣ смоленскаго князя Александра 1297—1298 г., рядной грамотѣ Тѣшаты до 1299-го года и друг. [1]), т. е. къ памятникамъ, далекимъ отъ Кіева. „Изслѣдуя языкъ Оршанскаго евангелія“, говоритъ г. Крыжановскій, „мы видимъ въ немъ множество руссизмовъ, но недостаточно опредѣленныхъ. Преобладающій элементъ, впрочемъ, великорусскій (сѣверно-русскій или вѣрнѣе — бѣлорусскій“ [2]). Въ немъ есть аканье [3]), но „прежде всего обращаетъ на себя вниманіе употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и наоборотъ“ [4]),—черта, неизвѣстная кіевскимъ изборникамъ Святослава. Г. Крыжановскій добавляетъ наконецъ, что противъ южно-русскаго происхожденія Оршанскаго евангелія говорятъ и календарныя особенности рукописи: „Нужно замѣтить, что мѣсяцесловъ Оршанскаго евангелія—одинъ изъ полнѣйшихъ между древними русскими мѣсяцесловами. Не смотря на это, въ немъ не упоминаются многіе изъ такихъ южныхъ праздниковъ и святыхъ, которые часто встрѣчаются въ памятникахъ не только южно-русскаго, но и сѣверно-русскаго письма. Такъ, въ немъ не упоминаются: Ѳеодосій, игуменъ печерскій (3 мая), Перенесеніе его мощей (31 мая), Освященіе храма пресвятой Богородицы въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ (12 мая), Кириллъ, учитель славянскаго языка (14 февраля). Память Кирилла и Меѳодія не показана въ мѣсяцесловѣ ни разу, а праздникъ въ честь кн. Владиміра, опущенный въ текстѣ, дописанъ потомъ сбоку, на полѣ (15 іюля). Напротивъ, въ мѣсяцесловѣ упоминается *Обрѣтеніе честнаго телесе св. Леонтія, епископа Ростовскаго* (24

---

1) Тамъ же, стр. 22.

2) Стр. 24.

3) Со араматы, Ареста. Натания. См. назв. изслѣдованіе г. Крыжановскаго, стр. 24.

4) Назв. сочиненіе, стр. 24. Можно пожалѣть, что г. Крыжановскій не позаботился, для большей наглядности, перечислить случаи такого смѣшенія шипящихъ.

мая),—праздникъ, установленный, можно думать, въ концѣ XII в., но во всеобщее употребленіе вошедшій много спустя, такъ-какъ, по свидѣтельству историковъ, первоначально имѣлъ только мѣстное значеніе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мѣсяцеслововъ Московской Синодальной библіотеки, Румянцевскаго музея и другихъ книгохранилищъ этотъ праздникъ упоминается только въ двухъ: въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи XVI в. Москов. Синод. библіотеки [1]) и при Апостолѣ XVI в. той же библіотеки [2]). Естественно поэтому думать, что Оршанское евангеліе писано гдѣ нибудь на сѣверѣ или сѣверо-западѣ въ XIII вѣкѣ" [3]).

Обратимся наконецъ къ десятой рукописи, къ той рукописи, которую г. Соболевскій относитъ къ числу *„самыхъ авторитетныхъ"* [4]) памятниковъ кіевскаго говора домонгольскаго періода. Это—

10) Новгородская *Тріодь Моисея Кіянина* XII—XIII в. Слово „Кіянинъ" можетъ имѣть два значенія: во-первыхъ, оно можетъ означать „кіевлянинъ", во-вторыхъ, оно можетъ быть именемъ не то некалендарнымъ личнымъ (равносильнымъ крестному „Иванъ", „Петръ", „Моисей"), не то прозвищемъ или именемъ фамильнымъ у людей, которые вовсе и не жили въ Кіевѣ [5]). Такъ какъ Моисей (это видно изъ записи) былъ нов-

[1]) Описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки, отд. I, стр. 339.

[2]) Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV вѣка.—Воскресенскаго, стр. 179.

[3]) Крыжановскій, названное сочиненіе, стр. 26—27.

[4]) Лекціи, изд. 2-е, стр. 40.

[5]) У сѣверскаго князя Святослава Всеволодовича былъ бояринъ, по имени Кіянинъ, и только подъ этимъ однимъ именемъ, безъ прибавки всякаго другого имени, онъ упоминается (Ипат. лѣт. 341) въ перечнѣ пословъ, гдѣ остальные послы названы Гаврило, Онофрій, Жирославъ и т. п.;—ясно, что и Кіянинъ было здѣсь имя личное, изъ разряда т. н. некалендарныхъ, вродѣ Черемисинъ Ивановичъ, Чувашинъ Мироновичъ и т п.—Когда устанавливалась Русская Правда дѣтьми Ярослава, тогда на съѣздѣ былъ переяславецъ Микыфоръ Кыянинъ; это „Кыянинъ" очень похоже на имя фамильное или на прозвище (или опять таки на личное, некалендарное имя), и въ указателѣ къ „Древнимъ памятникамъ" Срезневскаго оно появляется не подъ буквою *м* или *н* (не на ряду съ другими Никифорами), а подъ буквою *к* („Кіянинъ Никифоръ, бояринъ"). У Андрея Боголюбскаго, не терпѣв-

городскимъ старожиломъ и притомъ обнаружилъ въ своей рѣчи яркое смѣшеніе *ч* и *ц* (характерную черту новгородскую, неизвѣстную Кіеву), то является основаніе подумать, что „Кіянинъ“ есть другое имя Моисея или его прозвище, которое еще не означаетъ непремѣнно кіевскаго происхожденія Моисея Кіянина. Но г. Соболевскій, кажется, не желаетъ даже того, чтобы подобное соображеніе приходило въ голову читателю: въ своихъ „Лекціяхъ“ [1]) онъ избѣгаетъ названія „Кіянинъ“ и титулуетъ Моисея не иначе, какъ „кіевляниномъ“. Въ статьѣ же „Источники для знакомства съ кіевскимъ говоромъ“ онъ увѣряетъ, что хотя Моисей „жилъ, вѣроятно, въ Новгородѣ, но говорилъ по-кіевски“ [2]). Посмотримъ же на запись, которую сдѣлалъ Моисей на Тріоди [3]): „**Съконьчашася книгын сиꙗ мцͣа генъвра кв стго апла Тимофеꙗ, ѕнмѣ. А Стефанъ далъ лежень, стымъ [мчнцамъ?] и (бр)атии своего дѣла спсениꙗ и всѣхъ стыихъ. А лежалъ сорокъ лѣтъ. А вдалъ стыимъ мчнцамъ двери да блаждорезъ кованъ, а Бга дѣлꙗ. И бѣше Мариꙗ бгобоꙗзнива и хлюбива, боꙗщаса Бга, пре-**

шаго кіевлянъ, былъ (въ Суздалѣ) любимый слуга Кузмище Киянинъ (Ипат. лѣт. 400 и слѣд.),—можно здѣсь очень сомнѣваться въ кіевскомъ происхожденіи Кузмища и видѣть въ „Кіянинъ“ прозвище, вовсе не означающее, что Кузмище былъ родомъ изъ Кіева. Какой былъ смыслъ этого прозвища, теперь рѣшить трудно; по мнѣнію Н. Н. Харузина (который читаетъ этнографію въ Московскомъ университетѣ и Лазар. институтѣ и спеціально занимался некалендарными именами древней Руси), „Кіянинъ“ могло бы обозначать что-нибудь вродѣ „искусникъ“ (въ противность именамъ типа „Черемисинъ“, „Чувашинъ“, которыя давались, какъ личныя кореннымъ русскимъ, должно быть, за отрицательныя качества). Не надо также забывать, что иной человѣкъ, въ томъ числѣ и Моисей, писецъ Тріоди, могъ быть прозванъ Кіяниномъ просто въ силу какой-нибудь спеціальной причины, о которой теперь мы и догадываться не можемъ вслѣдствіе ея случайности.—Отмѣтимъ еще близкую къ „Кіянинъ“ фамилію „Кіяниновъ“; Гаврилой Кіяниновымъ назывался какой-то вліятельный человѣкъ въ Новгородѣ XIII вѣка,—туземецъ, который былъ однимъ изъ первыхъ пріятелей тысяцкаго Ратибора и оказался зачинщикомъ въ мятежѣ противъ князя Ярослава Ярославича (упомянутъ подъ 6778 годомъ=1270 г.).

[1]) 1-е изд., стр. 12 и 36; 2-е изд., стр. 13 и 40.

[2]) Ж. Мин. Нар. Просв., 1885, февр., стр. 355. Въ „Лекціяхъ“ ужъ нѣтъ ни слова о томъ, что Моисей былъ новгородцемъ.

[3]) Приводимъ эту запись изъ Срезневскаго: „Древніе памятники русскаго письма и языка“. Спб. 1882, стр. 77—78.

бывающа съ страхомь и Бга боащася по вся днии, а za миръ молаща" (далѣе подпись Моисея „**Моиси псалъ, грѣшьныи Кіянинъ**"). Въ тонѣ этой записки такъ и чувствуется человѣкъ, издавна жившій въ Новгородѣ и знакомый съ разными мелкими обстоятельствами мѣстной жизни; поэтому, если бъ Моисей родился даже въ Кіевѣ [1]), то долгое пребываніе въ Новгородѣ все равно измѣнило бы его языкъ на новгородскій ладъ и затерло бъ особенности кіевскія. И дѣйствительно въ Тріоди мы видимъ антикіевскую, новгородскую черту: смѣшеніе *ч* и *ц* (величающе, уценици и т. д.). Какой же это „самый авторитетный" источникъ для изученія рѣчи кіевской!

Г. Соболевскій, чтобы подорвать значеніе вышеотмѣченной новгородской черты и сдѣлать языкъ Моисея критеріемъ для сужденія о *кіевской* рѣчи, говоритъ, будто Тріодь Моисея Кіянина распадается на двѣ части: на первую (до листа 222-го), гдѣ (будто бы) нѣтъ смѣшенія *ч* и *ц*, и на вторую (л. 222—257), гдѣ такое смѣшеніе есть; каждая часть писана, будто бы, разнымъ почеркомъ. Вторую часть, по мнѣнію г. Соболевскаго, писалъ какой-то новгородецъ [2]), и только первую половину да запись написалъ Моисей „кіевлянинъ" [3]). Но, во-первыхъ, Срезневскій, съ которымъ въ дѣлѣ палеографіи трудно спорить, никакихъ *двухъ* почерковъ въ Тріоди не замѣтилъ, хотя, по увѣренію г. Соболевскаго, они якобы „*ясно* различаются". Во-вторыхъ, признавши за Моисеемъ только первую часть и запись, г. Соболевскій проявилъ съ своей стороны большую небрежность: запись („Моиси псалъ Киянинъ") помѣщена не въ первой части Тріоди, а на листѣ 257-мъ [4]), т. е. какъ разъ *во второй* части (которая, по признанію самого г. Соболевскаго писана *по-нов-*

---

[1]) Во избѣжаніе неразрѣшимыхъ споровъ мы охотно готовы и это принять.

[2]) Интересно однако, что въ „Лекціяхъ" (1-ое изд., стр. 12; 2-е изд., стр. 13) г. Соболевскій не включаетъ этой второй части Тріоди въ списокъ источниковъ для ознакомленія съ новгородскимъ нарѣчіемъ, а всю Тріодь цѣликомъ приписываетъ Моисею „кіевлянину", безъ раздѣленія на какія бы то ни было части.

[3]) „Источники", стр. 355.

[4]) См. Срезневскаго: „Древніе пам. р. письма", стр. 77. А г. Соболевскій утаиваетъ отъ читателя этотъ фактъ.

городски)! И притомъ въ записи вполнѣ точно указано, что Моисей Кіяининъ довелъ переписку Тріоди *до конца* („*съконьчашася* книгыи сия")!

Какъ видимъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Моисею принадлежитъ не только первая половина Тріоди, а сполна *вся* Тріодь, со второй частью, новгородскій языкъ которой не оспаривается и г. Соболевскимъ. Но для лучшей характеристики интересныхъ научныхъ особенностей г. Соболевскаго не мѣшаетъ еще упомянуть, какъ онъ препарируетъ первую часть Тріоди. Дѣло въ томъ, что и въ первой части также есть новгородское, антикіевское смѣшеніе *ч* и *ц*; такъ, на л. 21 об. написано: „о(ть)*ц*ьнями млъниими". Г. Соболевскій упоминаетъ объ этомъ фактѣ какъ бы не придавая ему значенія, мимоходомъ, въ сноскѣ [1]) и старается его затушевать особымъ образомъ. Именно, рядомъ съ „о(ть)*ц*ьними млъниими" онъ пишетъ по-гречески „ταῖς τῶν πατέρων ἀστραπαῖς" и заявляетъ, что повидимому Моисей сперва хотѣлъ поставить родительный падежъ множественнаго числа (о(ть)ць), а ужъ потомъ измѣнилъ родительный падежъ существительнаго на прилагательное, причемъ *ц* такъ и осталось. Значитъ, Моисей не просто списывалъ Тріодь, а переводилъ вновь?! Онъ зналъ греческій языкъ?! Да кто далъ право г. Соболевскому на эти гипотезы? И какъ же понимать въ такомъ случаѣ его же утвержденіе, высказанное и неоспоримо доказанное всего двадцатью строчками выше: „оригиналъ у Моисея былъ поздній церковно-славянскій"?—или мы должны предполагать такую мудреную вещь, что полуграмотный Моисей, переписывая „поздній церковно-славянскій" текстъ, свѣрялъ его съ греческимъ оригиналомъ?! И можемъ ли мы приписать такое тщаніе именно Моисею, о которомъ и г. Соболевскій (на той же страницѣ) констатируетъ, что „Моисей работалъ чрезвычайно небрежно"?!

Таковъ то „*самый авторитетный*" источникъ г. Соболевскаго для знакомства со старо-кіевскимъ говоромъ. Онъ не

---

[1]) Ж. М. Нар. Пр., назв. статья, стр. 355.

можетъ выдержать легчайшаго прикосновенія критики: сразу же выясняется, что эта новгородская Тріодь Моисея Кіянина такой же неавторитетный источникъ, какъ и девять предыдущихъ (тоже преимущественно новгородскихъ), и даже, пожалуй, еще неавторитетнѣе [1]). Г. Соболевскій, на основаніи ихъ, „счелъ для себя возможнымъ остаться при своей гипотезѣ о большей близости древнекіевскаго говора къ говорамъ великорусскимъ, чѣмъ къ малорусскимъ“ [2]). Выраженіе „о большей *близости*“ является со стороны г. Соболевскаго даже уступкой: изучая кіевскій говоръ не по кіевскимъ, а по завѣдомо новгородскимъ памятникамъ, онъ могъ бы выразиться и посмѣлѣе, т. е. могъ бы прямо сказать, что кіевскій говоръ есть *чисто* великорусскій.

Дѣйствительно авторитетными кіевскими памятниками домонгольскаго періода являются исключительно Святославовы сборники 1073-го и 1076-го года, и въ нихъ, какъ мы видѣли, не только нѣтъ ничего антималорусскаго, но, напротивъ, въ нихъ достаточно ясно отразилась сквозь церковно-славянскую кору рѣчь малорусскихъ предковъ, мыслимая въ XI вѣкѣ. Съ большей ясностью малорусскія черты проявляются въ кіевскихъ памятникахъ послѣмонгольскихъ. Но г. Соболевскій и тутъ постарался надѣлить Кіевъ некіевскими рукописями. Произведемъ же обзоръ ихъ.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Объ Архангельскомъ евангеліи XIII в., безъ кіевской даты, но и безъ черть противокіевскихъ, еще можно сомнѣваться, галичаниномъ ли, новгородцемъ или кіевляниномъ оно переписано. А на счетъ Моисеевой Тріоди никакое сомнѣніе немыслимо: она то безусловно (новгородскій памятникъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

[2]) Ж. М. Н. Просв., назв. статья, стр. 357.

Просимъ исправить пропуски и опечатки въ предыдущей статьѣ (январь 1899).

На стр. 9, строка 12 снизу, напечатано: собственно должно быть: собственно,

„ — 8 „ обособленія обособленіи

„ 12, къ отдѣлу а) нужно добавить: печара—у Франка („Зъ вершинъ и низынъ“ Львивъ 1893, стр. 176).

„ 14, строка 3-я напечатано: *халята* должно быть: *халяпа*

„ 15, къ отдѣлу ж) добавить: скрябатися—у Мордовцева (Саратовскій литерат. сборникъ, 1859, стр. 178).

„ 17, строка послѣдняя—напечатано: Андріи должно быть: Андрія

„ 19, строка 4-я „ 1976 „ 1076

„ 17, (строка 14), стр. 18 (строка 1 и 15) и стр. 19 (строка 7, второе слово) напечатанъ юсъ малый вмѣсто юса большого

„ 19, строка снизу 8-ая, напечатано: постанить должно быть: поставитъ

„ 20-ой, 21-й, 24-й и 25-ой напечатана церковнославянская буква И вм. Н

„ 21, (строка 9) напечатано: про должно быть: что

„ 20, строка послѣдняя „ „ видинiѥ, нисть

„ 23, строка 23 „ Пансіевомъ „ „ Паисіевомъ

„ 24, строка снизу 6-ая „ ѩ братнѣ „ „ ѩ: братнѣ

„ 28, въ поправкѣ на стр. 259-ой напечатано: Болеславъ вмѣсто: Бориславъ.

ПИДПАНКЫ.

Драма въ 5 діяхъ и 7 одминахъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Фылымонъ, дворецькый.
Гаврюшка, козачокъ.
Атаманъ.
Экономъ.
Дуняшка, горнышна.
Домаха, удова
Васылына, іи дочка.
Софронъ, іи чоловикъ.
Карпо, товарышъ ёго.
Соломія, ёго жинка.
Чоловикъ 1.
Чоловикъ 2.
Гаврыло.
Аврамъ, старый дидъ.
Молодыци, дивчата, чоловикы.

ДІЯ І.

Одмина перша.

Покой у велыкимъ панськимъ будынку, въ котримъ мистытся бухветъ.

Ява І.

Фылымонъ. (*Ходыть по покою*). И якъ воно сталось? (*Набывае люльку зъ довгымъ чубукомъ*). Гаврюшка! (*Входыть Гаврюшка*). Дай огню! (*Закурюе*). Клыкавъ эконома?

Гаврюшка. Клыкавъ. Заразъ прыйде.

Фылымонъ. (*Маха рукою, Гаврюшка выходыть*). Безъ дозволу таку гарну дивчыну звинчалы! Хе! Може нимець самъ давъ дозвилъ. Винъ тутъ недавно, звычаивъ не знае. Гаврюшка! И якъ же я ранійше не бачывъ ціеи дивчыны? (*Входе Гаврюшка*). Атамана не бачывъ?

Гаврюшка. Тилько що пишовъ у застольну.

Фылымонъ. Чого жъ це нимець не иде? (*Дзвинокъ*).

Гаврюшка. Дзвонять.

Фылымонъ. Не твое дило. (*Дзвинокъ*). Ну, роздзвонывся! Якъ прыйде нимець, нехяй мене пидожде. (*Пишовъ у покои*).

—

Ява II.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Чого-сь Фылымонъ Сыдоровычъ зъирытбвани. Цикаво! Треба пидслухать, я страсть люблю пидслухувать, щобъ усе знать. (*Входе экономъ*).

Ява III.

Экономъ и Гаврюшка.

Экономъ. Каспадынъ у себья?

Гаврюшка. Фылымонъ Сыдоровычъ? Воны заразъ выйдуть, пождить тутъ.

Экономъ. Я тебья спрашивайтъ о каспадынъ, а не о Фылымонушка! Ты эти... эти шутки зо мною не шуты... Потому я хляднокровый и тому подобіе...

Гаврюшка. Та я Богданъ Богдановычъ не шуткую, ей Богу. Васъ клыкалы не панъ, а Фылымонъ Сыдоровычъ!

Экономъ. Фылымонушка? зашемъ самъ Фылымонушка не пошёль на контору?!.. Эти... Грюбо, не диликатно, я эти... эти не будить позволяйтъ. Я экономъ, а не какой-нибудь сякой такой и тому подобіе! Я слюжитъ каспадыну помѣщикъ, а не дворецкому Фылымонушка! Фылымонушка эти... Хвылка, а я Богданъ Богдановычъ! Я не будитъ слюжитъ Хвылка... Я хляднокровый и тому подобіе, але я можу розсердыться и тогда будить выходить што-нибудь полюче. (*На выходи*). Мушикъ.. (*Выйшовъ*).

—

Ява IV.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Дывы, якъ нимець росходывся! Стривай, ты ще не знаешъ Фылымона Сыдоровыча, булы й кращи та слухалы його й боялыся. (*Входыть Фылымонъ*). Тилько що прыходывъ нимець...

—

Ява V.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. А де жъ винъ?

Гаврюшка. Пишовъ. Тутъ розгнивався бида якъ, що вы його поклыкалы до себе, а не сами пишлы до нёго. Фылымонушка, каже, Хвылька, а я Богданъ Богдановычъ!.. Такый!

Фылымонъ. Бачъ бисова ковбаса яку пыху заломывъ. Колы такъ, нехай же Богданъ Богдановычъ зостанется теперъ зъ одною тыжнёвкою. Нехай Королына Адамовна сама засукуе рукава. Бижы, скажы Мыкыти, що винъ нуженъ мени въ двори, нехай покыне заразъ экопома и йде на свое мисце—обійдется Богданъ Богдановычъ и безъ лакея, не велыкый панъ... Та перше поклычъ мени атамана (*Гаврюшка пишовъ*). Побачымо, що вимець засппвае, якъ одныму лышнёго слугу та не дамъ зъ панського погреба то сёго, то того—нехай попостыть. Бачъ, Хвылька! Та знаешъ ты, нимче, що Хвылька змалку биля панивъ образувався, мае благородну натуру и вже давно Фылымонъ Сыдоровычъ! Теперъ Хвылькы уси боятся, бильшъ нижъ пана, бо панъ, колы що, то й помылуе... Тилько скрывывся хто, годи! А передо мною нехай не тилько крывытся, хочъ нехай скорчыть усёго, а колы мени треба, щобъ було по моёму, не помылую и що я скажу, те й панъ скаже. А чимъ до всёго дійшовъ? Знаю панову думку: винъ подума тилько, а я вже й зробывъ... Отъ и сёгодня. (*Оглядается*). Панъ спытавъ мене,—чыя це така красыва дивчына винчается, де вона взялася, що я іи не бачывъ? Отъ винъ тилькы спытавъ та й годи, а я заразъ и на усъ закрутывъ: треба услужыть, сурпрызъ зробыть!.. (*Входыть атаманъ*).

Ява VI.

Фылымонъ и атаманъ.

Атаманъ. Добрыдень Фылымонъ Сыдоровычъ! Клыкалы?

Фылымонъ. Клыкавъ. Скажы на мылость, якъ це такъ сталось, що Домашыну дочку Ярыну сёгодня звинчалы безъ дозволу?

Атаманъ. Ни, по квитку?

Фылымонъ. Колы жъ ій квитокъ далы, хто давъ? Я іи не бачывъ, у двори вона не була, дозволу не просыла. (*Гаврюшка выглянувъ у двери и сховався*).

Атаманъ. Та вы саме тоди въ городъ йиздылы, якъ Домаха просыла дозволу.

Фылымонъ. Ну?

Атаманъ. На тымъ тыжни... Та такъ, на тимъ. Прыйшовъ у вечери я за прыказаніемъ, а мене й позвалы до пана... Пытають мене, яка вона выходыть на масть... А я сплутавъ іи зъ Ярыною Лозовою, що свыней позаторикъ пасла, памьятаете? Та й кажу: поганенька, кажу, таранкувата, и очи лыбонь закысають, вона, кажу, свыней позаторикъ пасла,—панъ скрывылыся, наче зелену слыву роскусылы, и звелилы дать квитокъ.

Фылымонъ. Буде жъ тоби кыслоока!

Атаманъ. А хиба що?

Фылымонъ. А то, що панъ іи бачывъ сёгодня и звеливъ дознаться, хто давъ квитокъ? (*Дзвинокъ*). Чуешъ? Це вже за неи знову спытае. Пожды жъ, я заразъ. (*Пишовъ у покои*).

—

Ява VII.

Атаманъ. (*Одынъ*). Отъ тоби й маешъ! Збрехавъ на свою голову... Часто бувае, зовсимъ не знаешъ або забудешъ яке дило, то тилькы глянешъ на стелю, мовъ прыгадуешъ и брешешъ абы до ладу, бо атаманови не прыходытся сказать—не знаю, треба все знать, на все одповидь давать. Погано. И на стелю глянувъ и збрехавъ не до ладу. Красыву дивку назвавъ кыслоокою... Кепсько! (*Входыть Фылымонъ*). А що Фылымонъ Сыдоровычъ?

—

Ява VIII.

Фылымонъ и атаманъ.

Фылымонъ. Та отъ що: трохы пизнійше... (*Оглядается. Гаврюшка выглянувъ у двери и сховався,—Фылымонъ крутнувъ головою*). Визьмешъ Софрона зъ весилля у буцыгарню, а до Васылыны я пошлю посла... Тилько гляды, визьмы Софрона въ свій часъ, не прогавъ! Розуміешъ?

Атаманъ. А звисно, розумію... До вечора треба взять, розумію.

Фылымонъ. Иды жъ. На твоій спыни окошытся всяка невдача.

Атаманъ. (*На выходи зитхнувши*). Ну й жыття атаманьске! (*Выйшовъ*).

—

Ява IX.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Теперъ Самійла налякавъ, изъ шкуры вылизе, щобъ угодыть! Дума панови годыть, а винъ мени на корысть служе, бо панъ ничогисенько не знае про мои замиры... Гаврюшка! (*Входыть Гаврюшка*).

—

Ява X.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. (*Бере Гаврюшку за ухо*). Ты чого заглядавъ? Пидслухавъ?

Гаврюшка. Ей-Богу, побый мене Богъ, хрестъ мене накажы, не пидслухавъ. Я хотивъ увійты, та побачывъ, що вы не одни—не посмивъ.

Фылымонъ. Брешешъ вытушка! Знаю я. (*Выпускае ухо*). Гляды жъ мени, щобъ було усе шыто-крыто. Безъ мого дозволу не впускать никого въ горныци, хочъ бы до самои Дуняшкы йшовъ, и Матюшци скажы, щобъ Боже сохраны никого зъ сельськыхъ не впустылы—чуешъ? А то обомъ лобы забрыю! А Мыкыту взявъ видъ эконома?

Гаврюшка. Взявъ. Нимець крычавъ, плювався, зъ жинкою сварывся, тилько не розберешъ ничого, все по своёму мовъ гусы герготалы.

Фылымонъ. Ага! Поставъ же тутъ кого-небудь, а самъ пиды знайды Соломію и шепны ій, щобъ прыйшла сюды, та гляды, щобъ хто не почувъ. (*Гаврюшка пишовъ*). Проворный вражый сынъ! Скризь пролизе, пидслухае—права рука. Зъ нёго колысь буде гарный дворецькый. (*Входыть экономъ*).

Ява XI.

Экономъ и Фылымонъ.

Экономъ (*чоломкаючысь*). Моргенъ, майнъ либеръ! А за шемъ Фылымонушка вы эти... взяль одъ мене Мыкыту? Вы зердыца на мене хочите? За шево? Хе, хе, хе! Эти... эти не корошо, зовсемъ не корошо!.. И я, и моя Каролина и усо семейство васъ такъ уважайтъ.

Фылымонъ. Та Мыкыта, бачыте, потрибенъ у двори...

Экономъ. За шемъ? У васъ много людей... и тому подобіе... Вы огорчилъ моя Каролина... дама огорчилъ, она плячить... Эти... эти не хорошо и тому подобіе...

Фылымонъ. Знаете, Богданъ Богдановычъ, що я вамъ скажу: рука руку мые! Вы мени уважыте, я вамъ що-небудь зроблю. Вы тутъ въ новости. Я васъ поклыкавъ, а вы на мене розгнивалысь... Ну, думаю соби, колы Богданъ Богдановычъ не хоче мени угождать, гордуе протывъ мене, не буду жъ и я ёму угождать... А якъ будемо йты одынъ проты другого, то разъ-у-разъ такъ буде.

Ну, ну будимъ забывайтъ эти... эти... будимъ загласно жыть: вы мене послюжитъ, я вамъ послюжитъ. Дѣлайте дама одольженіе, посылайте Мыкытку зейчасъ; потому знаете, у мене эти... эти десяйтъ дѣтушекъ и тому подобіе и зъ одною тыжніёвкою ошынь трюдно бѣдной Каролини.

Фылымонъ. Такъ мыръ?

Экономъ. (*Трусыть руку*). И зоюзъ, и зоюзъ!.. Кажите, за шымъ присылали и я зичасъ усо будить дѣляль для васъ.

Фылымонъ. Теперъ покы що, ничого не треба, я вже веливъ атаманови. (*У двери*). Скажы тамъ Мыкыти, щобъ ишовъ до эконома заразъ! А колы що треба, Богданъ Богдановычъ, чы рыжу, чы озюму, чы кохвію, чы тамъ що иньче—можна дать, прысылайте.

Экономъ. Ихъ данке, ихъ данке, майнъ либеръ! Ну до звиданія зъ вамы! Заходите до мене; будымъ играть зехсъ ундъ зехцикъ и тому подобіе... Я васъ будить учить, хе, хе, хе!..

Ява XIII.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Ха, ха, ха! Отъ тоби й Хвылька! Вси слухають!.. Прыятно!.. Дуняшка иноди у печинкахъ сыдыть... Забрала паню въ рукы, и не боится мене, клята! Хиба женытся на ній, то й вона буде трусыться? Колы жъ погана? Та що мени Дуняшка? Плювать! Треба тилько панови супрызъ уміючы пиднесты... Знаю, що буде доволенъ... и подякуе, або коня подаруе, або сотняжка прылыпне до моихъ рукъ. (*Вбигае Дуняшка*).

—

Ява XIV.

Фылымонъ и Дуняшка.

Дуняшка. (*Ще зъ дверей*). На якимъ такимъ повнимъ прави, Фыломонъ Сыдоровычъ, вы не звелилы пропускать до мене никого? Що це за мода така? Всихъ позапыралы тутъ и держыте, мовъ пидъ замкомъ. Що вы тутъ таке? Не велыка птыця дворецькый! Я барыни пожаліюсь.

Фылымонъ. Не гарячиться, не быйте подоломъ объ сухи колина, бо плаття посичется! Першъ усёго скажить мени, на якимъ прави вы требуете видъ мене одчота? Идить жалійтесь; а я скажу, що у мене посуда и столове бильё зъ бухвета пропадае и ни на кому спытать, бо до васъ лазыть усяка свынота.

Дуняшка. Яка? Яка свынота лазыть! Хиба паламарша свыня? У, безсовисный,—вона жъ и вамъ кума!

Фылымонъ. Паламарша не въ щотъ; я паламаршу звелю пускать, а вы зазываете ворожокъ: Кулыну, Горпыну, цыганокъ заклыкаете и дида Аврама, щобъ ворожылы вамъ,—чы скоро замижъ пидете. А що? почервонилы! Ха, ха, ха!

Дуняшка. Я? Я, ворожокъ?.. Писля такыхъ вашыхъ словъ, вы, Фылымонъ Сыдоровычъ, дуракъ!

Фылымонъ. Авдотья Даныловна! Идить у свою гардеропну, перетрусюйте плаття! Я до васъ не хожу, а вы до мене не ходить, бо якъ будете гарчать, то на цепъ посадю.

Дуняшка. Такъ я собака по вашому?

Фылымонъ. По моёму вы стара дивка, а стари дивкы зли якъ собакы! А вы краще не сердьтесь, жывить зо мною въ злагоди, то буду сватать, хе, хе, хе!

Дуняшка. Вы псарь, а не дворецькый! Вы ніякого обхожденія не понимаете? Прахвостъ вы, Фылымонъ Сыдоровычъ!

Фылымонъ. А вы чахоня.

Дуняшка. Мерзавець вы, Фылымонъ Сыдоровычъ!

Фылымонъ. А вы—селёдка!

Дуняшка. Я вамъ такои обиды по смерть не забуду (*Выбигае*).

Фылымонъ. (*У слидъ*). Ха, ха, ха!..

Зависа.

Одмина друга.

У Домахы въ хати. Довгый стиль, покрытый товстою скатертью. Кругомъ лавкы. За столомъ сыдять густо люде. На столи гыльце, мыскы зъ стравою, наризано хлиба. Людей у хати багато: и стоять, и сыдять, на печи и прыпичку диты стоять. Музыка. Молоди на посади.

Ява I.

Дивчата. Изъ-за горы гуска летила,
Зъ перцемъ капуста кыпила.
Хочъ зъ перцемъ, не зъ перцемъ,—
Просымо зъ щирымъ серцемъ
Йижте, бояре, ложкамы,
Бо въ насъ капуста дижкамы,
Бо въ насъ Васылына садыла,
Бо въ насъ капуста вродыла.
Вы, бояре, вы чужосторонци
Та не берить по повній ложци,
А берить по половынци,
Щобъ стало всій родынци.

Мыръ мыромъ
Пырогы зъ сыромъ,
Вареныкъ въ масли
Дружечкы прекрасни,
Просымо васъ.
Ни бояре, йи
Цилого вола зйилы
На столи ни рисочкы
Пидъ столомъ вси кисточкы;
Йилы, дружечкы, йилы
Пивъ голубчыка зйилы,
Пидъ столомъ ни рисочкы
На столи вси кисточкы

(*Весильна писня зъ козачкомъ*).

Ой зъ-за горы чорни хмары
Та рано, рано.
Ой зъ-за горы чорни хмары
Та ранесенько.
То жъ не хмары, молоди бояры,
Та рано, рано.
Молоди бояры киньмы гралы
Та ранесенько.
Нахмарылы жупанамы
Та рано, рано.
Нахмарылы жупанамы
Та ранесенько.
Выяснылы сонце шабелькамы
Та рано, рано.
Выяснылы сонце шабелькамы
Та ранесенько.

(*По скинченню писни танцюють дивчата, потимъ два парубкы; тымъ часомъ за столомъ йидять и пьють. Колы танецъ скинчытся, Софронъ и Васылына встають. Васылына засоромылась*).

Домаха. Пора вже тебе въ дорогу выряжать, дытыно моя... Слухай свекрухы, угождай свекрови... Не пидтопчы ма-

тери пидъ ногы, та любиться, якъ Богъ веливъ, и будете щаслывы!

Дружкы. Покирлыве то деревце похыляется.

(*Васылына кланяется матери*).

Ой прыступы ты, Васылыно, та щей блыжче,
Поклоныся неньци своій та ще й ныжче
Тай огляныся ты, Васылыно, назадъ себе,—
Стоить твоя родыпонька кругомъ тебе.

(*Староста бере платокъ и очипокъ, кладе на коровай, потимъ коровай кладе на голову, несе до столу*).

Ой глянь, Васылыно,
Кризь калачъ
Карымы очыма
Та й заплачъ.
Ось твій иде,
Розмай несе
Розмай косу
Згубывъ красу.
Все забере.
Ой глянь на поригъ дыво
Несуть твое дило,
Якъ снигъ билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
Биле извывання,
Вичне покрывання
Изъ билого цвиту,
Есть его по всимъ свиту,
Биле не лынюще,
Всимъ дивкамъ не мынуще

(*Сваха надивае Васылыни платокъ на голову*).

Що жъ бо ты, свашко, робышъ,
На що жъ ты кисоньку ломышъ?
Що жъ бо ты изробыла—
Кисоньку поломыла!

(*Васылына скыдае платокъ и кыдае на землю*).

Искынь, искынь, бо не годытся:
Краще дивка, якъ молодыця;
Искынь, искынь: бо не подоба,
Не прыстае очипокъ до лоба.

(Свашка знову надиває очипокъ Васылыни на голову. Спивають тужъ писню. За третимъ разомъ очипокъ остается на голови. Покы писня спивается третій разъ, одна свашка стае зъ одного боку Васылыны, друга зъ другого, здіймають зъ неи квиткы, одна сваха надиває на себе квиткы, а друга шапку молодою, беруть хустку и віють нею надъ головою Васылыны. Васылына плаче).

Сваха. Покрыватка плаче,
Чогось вона хоче,
Чепчыка кытаечкы
На свою головочку.

(Свахы покрывають Васылыни хусткою голову и лыце и звъязують зъ-заду стричкою. Входыть атаманъ).

—

Ява II.

Ти-жъ и атаманъ.

(Атаманъ одзывае Домаху на бикъ и тыхо балакае зъ нею).

Свахы. Я тебе, сестрыце, покрываю
Щастямъ здоровьямъ надиляю...

Разомъ { Домаха. Охъ Боже мій, охъ Боже мій...
Свахы. Щобъ була здорова (*писня урывается*).

Вси. Що тамъ? (*Васылына зрывае зъ себе хустку*).

Домаха. Що жъ це за напасть? Люде добри, чы чулы вы? Велено заразъ зъ весилля взять Софрона у двиръ.

Софронъ. Мене? За вищо?

Атаманъ. Тамъ скажуть.

Карпо. Отъ тоби й весилля!

Соломія. (*Карпови тыхо*). Я тоби казала.

Атаманъ. Ходимъ, Софроне! (*Васылына хвата Софрона за руку, нибы не пускае. Вси здывовани, потеряни. Картына*).

Зависа.

ДІЯ II.

Пуста хата; лежать дви велики колоды, по середыни стовпъ. До стовпа и до колодъ прыроблено зализни ланцюгы. Въ кутку солома; на соломи лежыть дидъ Аврамъ.

Ява I.

(*Входыть Гаврюшка*).

Гаврюшка. Здрастуйте, диду!

Аврамъ. (*Прыдывляется*). Здрастуй. А хто це?

Гаврюшка. То я, Гаврыло, зъ двора

Аврамъ. Ага.

Гаврюшка. И охота вамъ, диду, по добрій воли сыдить у темныци?

Аврамъ. Кому, сыну, темныця, а мени свитлыця.

Гаврюшка. Идить у людську.

Аврамъ. Мени й тутъ добре.

Гаврюшка. Сюды, бачыте, прыведуть одного розбышаку, посадять на цепъ, такъ Фылымонъ Сыдоровычъ веливъ, щобъ вы йшлы у людську.

Аврамъ. Де вже мени межъ людьмы сыдить. Може видъ мене якый духъ иде та будутъ сердыться. (*Пиднымается. Гаврюшка ёму помогаé*). Я пиду у кузни переночую. Отакъ дожывы, сыну, на старисть! Бувъ вильный—закрипостылы. Утикъ. Що жъ? Покы молодый бувъ, ховався видъ облавъ, а лита насунулысь, піймалы зъ дыткамы малымы, якъ вильну птыцю въ пташенятамы, прыборкалы и прывелы у село. Тилькы жъ не довго диты тутъ нудылыся: крыльця пидрослы, и воны порозлиталыся на шыроки степы, де я ихъ вывивъ шукаты воли. Стара померла, хата розвалылась, мене жъ люде боятся прыйнять, бо вже смертію тхне видъ мене, и нема де прытулыться, никому йисты зварыть; лежу тутъ у буцыгарни, та смерти выглядаю, а вона не йде! Давыть купцивъ багатыхъ, панивъ роскишныхъ, дитей малыхъ, а за мене й забула! Чы вона боится пощербыть свою гостру косу объ мою жылаву суху шыю, чы не знайде мене у цій свитлыци, а вже й дожыдать надойило.

Гаврюшка. Лыбонь ведуть! Ходить, диду!

Аврамъ. А кого жъ тутъ посадять?

Гаврюшка. Я й самъ не знаю. (*Входять атаманъ и Софронъ.*) Ходимъ, диду, мерщій.

Ява II.

Атаманъ, Софронъ, Аврамъ и Гаврюшка

Аврамъ. (*Прыглядается*). Здается, Софронъ Коваливъ? За вищо жъ це? Дыво. Казалы сегодня звинчався...

Атаманъ. Идить, идить! Чого тамъ розглядать... Идить зъ Богомъ!..

Аврамъ (*про себе*). Пиду на село розпытаю, що винъ зробывъ. (*Выйшовъ*).

Гаврюшка. (*До Атамана*). Казавъ Фылымонъ Сыдоровычъ, щобъ вы зайшлы до нёго.

Атаманъ! Я заразъ. (*Гаврюшка пишовъ*).

Ява III.

Софронъ и атаманъ.

Софронъ. Скажить же мени, дядьку — видъ чого така напасть на мене звалылась? Вы жъ повынны знать... Може я ненарокомъ въ чымъ провынывся? Хочъ знатыму—легше мини буде.

Атаманъ. Я ничого не знаю. Велено взять тебе и прыпнуть.

Софронъ. И прямо зъ весилля видъ молодои.

Атаманъ. Якъ бачышъ!

Софронъ. Такъ за що жъ, за що? Що я кому лыхого зробывъ? Чы я пьяныця, чы я злодій, чы я ледарь, що мене хотять зъ свита звесты, у москали виддать? О, Боже мылостывый! Чымъ же я согришывъ передъ Тобою? Здается, старшыхъ слухавъ, батька-матиръ почытувавъ, никого не скрывдывъ; за що жъ Ты мене караешъ такъ тяжко?

Атаманъ. Та не вбывайся, я пошуткувавъ, що тебе у москали виддадуть. Може тилько переночуешъ, а завтра й выпустять, отъ и мынется твое горе—побачышъ!

Софронъ. Такъ що жъ це вы? За выграшку маете нашъ шлюбъ, що такъ знущаетесь надъ намы, чы якъ? Та ще не выдано и не чувано, щобъ такъ законъ ламалы, щобъ молодыхъ сыломиць розризнялы въ такый часъ для потихы! Мы жъ не на смитныку, а въ Божимъ храми винчалысь! Грихъ вамъ, дядьку, сміяться!

Атаманъ. Та хиба жъ я по своій воли... чудный!

Софронъ. Знаю, що вы не вынни тутъ... Простить мене за такы речы!... Я одуривъ... У мене розумъ одбыло, не тямлю, що балакаю!... Зглянытесь, дядьку, надъ намы, це въ вашій воли: пустить мене крадькома до дому тилько на сёгодня...

Атаманъ. Схаменысь! Ты зовсивъ божевильный! Чого ты видъ мене хочешъ? Тебе пустыть, то самому треба тикать свитъ-за-очы.

Софронъ. Я жъ не втечу; нехай мене заразъ земля проглыне, колы самъ въ ранци не прыйду сюды, и тоди робить, що хочете зо мною, а сёгодня дайте намъ закинчыть весилля по закону, пустить мене, нихто не буде знать опричъ людей, а люде жъ панови не скажуть.

Атаманъ. Молодый ты ще мене вчыть! Тебе кортыть до жинкы,—це я розумію, и ты не знаешъ, що балакаешъ, а мене не кортыть пидставлять за тебе спыну! Що звелилы, то й роблю... Не моя воля! Сидай лышъ, я тебе прыпну за ногу до колоды...

Софронъ. Я соби смерть заподію!

Атаманъ. Не выгадуй бисъ-батька-зна чого, сидай! (*Софронъ сида на колоду, атаманъ наклада зализо на одну ногу и замыкае*). Кожный чоловикъ дума, що винъ найбильше мучыться. Ты думаешъ, мени легко тебе прыпынать? Що жъ маю робыть —не моя воля! У вечери сторожа прыйде, щобъ ты не сумовавъ одынъ. (*На бикъ*). Щобъ и справди здуру ще чого соби не заподіявъ.

Софронъ. Дядьку, пустить мене! На вашу душу ляже грихъ: покы сторджа прыйде, я задавлюсь...

Атаманъ. Я тоби кажу, що завтра тебе выпустять. Сыды смырно, не вбывайся даремно, чуешъ? (*Выйшовъ*).

—

Ява IV.

Софронъ (*одынъ*). Завтра выпустять!.. О, будь ты проклятъ зъ такою утихою! Ще жъ це зо мною роблять? Тилькы що бувъ щаслывый, радистю былось мое серце и не сподивалося воно для себе такого горя... А теперъ? Зъ жывого чоловика жыве серце обценькамы выйнялы! (*Входыть Карпо*).

—

Ява V.

Софронъ и Карпо.

Карпо. Ты тутъ, Софроне, и никого нема?

Софронъ. Карпо! Тебе за сторожа прыслалы?

Карпо. Ни. Я прокрався сюды, щобъ тебе побачыть и довидаться, що тутъ зъ тобою роблять.

Софронъ. О, спасыби тоби, брате! Ты звидтиль, зъ весилля? Боже, зъ весилля... зъ похоронъ скорійшъ! Що тамъ робытся, кажы, що Васылына?...

Карпо. Люде зъ-де-бильшого розходятся, де-котри ждуть... Васылына плаче!..

Софронъ. Горлычко моя! А я—дывы! На цепу, якъ злодій, и самъ не знаю за-що? Скажы, ты не чувъ, що люде балакають, яка цёму прычына?

Карпо. Жинка у тебе дуже гарна.

Софронъ. Жинка гарна, такъ що?

Карпо. А хиба ты не знаешъ, що теперъ у насъ такъ: хто хоче маты чесну жинку—нехай бере погану дивку?

Софронъ. Я знаю одно, що Васылына—чесна дивчына.

Карпо. Оце жъ то й есть твое и іи горе.

Софронъ. Що ты хочешъ сказать?

Карпо. Сёгодня якъ стоялы пидъ винцемъ, панъ бачывъ Васылыну, отъ тебе и взялы въ весилля, щобъ не суперечывъ.

Софронъ. А Васылыну въ двиръ взялы, до пана? Чого жъ мовчышъ? Кажы! Такъ? Взялы?

Карпо. Ще рано... Може у ночи й визьмуть, а може й сама пиде—хто жинку розгада!

Софронъ. О... (*Сида на колоду*). Ни, Васылына не пиде...

Карпо. А якъ не пиде, то тебе у москали забрыють.

Софронъ. Мени однаково, хочъ и на каторгу, абы Васылына не зрадыла...

Карпо. Прызвычаешся!.. И я, братъ, лютувавъ, и те, и друге хотивъ зробыть, и душу хотивъ занапастыть, и надъ жинкою знущався, а теперъ бачу, що й жинка невынна! Отъ хочъ бы й твоя Васылына, ну чымъ вона буде вынна, колы захоче выкупыть тебе на волю?

Софронъ. Цыть! Бодай тоби заципыло! Не говоры мени цёго. Я не хочу ни воли, ни жыття не хочу за таку цину!..

Карпо. Не хоче коза на торгъ, та ведуть!

Софронъ. Сатана ты, а не чоловикъ, колы можешъ сміяться надъ тымъ, видъ чого серце кровью облывается!

Карпо. Бачъ! Не любышъ? А якъ ты сміявся надо мною въ такимъ самимъ прыпадци...

Софронъ. Простып! Я знаю, що и въ тебе серце наболило такъ саме, якъ и въ мене теперъ болыть... Просты мене, я выненъ передъ тобою... (*Стае навколишкы*). Не докоряй, не смійся, пожалій мене! Не кажы ничого бильше, не будь моимъ ворогомъ, стань моимъ братомъ, просты...

Карпо. (*Пиднима его*). Богъ тебе простыть... Я вже не сердюсь. Хотивъ посміятысь та ще гирше зворушывъ свое серце, дывлячысь на твое горе.

Софронъ. Поможы мени вырваться звидциля, и мы сёгодня спалымъ палацъ,—нехай згорыть жывымъ безчесныкъ.

Карпо. Ты хочешъ зъ одной биды у другу бильшу вскочыть. Краще будемо тикать теперъ у-двохъ въ несходымп степы, въ пущы, на Бесарабію, до моря. Розсказувалы дидъ Ав

рамъ, що тамъ и воля, и прыволля, и шляхъ я знаю—у дида жъ роспытавъ.

Софронъ. Та хочъ на край свита я утикать готовъ, абы на волю! Тилько якъ зъ цепу зирватыся?

Карпо. Я заразъ прынесу долото, и цепъ у двохъ мы перервемъ.

Софронъ. Мерщій же, мерщій, покы сторѓжа не прыйшла!

Карпо. Не спишы. Треба, щобъ добре стемнило, бо по выдному тикаты небезпешно, а за сторѓжу не турбуйся, прыйдуть пизно, я тутъ не разъ сыдивъ—знаю!

Софронъ. Забижы жъ заразъ до Васылыны и ій шепны, нехай збирается.

Карпо. Покынь ты думку про Васылыну утечемо попереду сами, бо зъ бабою такъ заразъ зловлять. Васылыну потимъ визьмешъ!

Софронъ. Ни за що въ свити! Мени безъ неи воля буде важча, нижъ неволя. Не одговорюй мене,—Васылыны я тутъ не покыну... Иды за долотомъ мерщій!... Я боюся, що сторѓжа скоро прыйде... Вже сонце зайшло.

Карпо. Робы, якъ знаешъ, я заразъ. (*Выйшовъ*).

—

Ява VI.

Софронъ. (*Тяжко зитхае*). Охъ... Видъ думкы одпои, що утечемо на волю, легше стало, наче тепломъ обвіяло всёго, и серце радисно тремтыть у грудяхъ! Поможы Господы! А тамъ... Десь далеко въ степу, на чужыни, надъ моремъ, въ пущи, въ яру глыбокимъ, куды и воронъ ничыеи кости не занесе, збудуемо соби зъ Васылыною хату и будемъ жыть до смерти; нихто не знайде насъ, бо тилько витеръ знатыме, де мы!.. Боже, яка думка!.. Що, колы Карпо тилько посміявся надо мною и не прыйде? Отъ-отъ сторожа буде... Вже смеркае, а ёго нема... Може винъ тилько поманывъ мене волею, щобъ тимъ зробыть ще тяжчою неволю? Душа холоне!.. Ни, я вырвуся на волю самъ! (*Обмотуе рукы шапкою и крутыть ланцюгъ; черезъ хвылыну въ знеможенню опускае рукы*). А на двори

темніе, а Карпа нема... О нимый и глухый ланцюгъ! Ты не знаешъ и не чуешъ—яку ты муку людямъ робышъ, а колы бъ знавъ, давно бъ тебе видъ жалю иржа поточыла, якъ людей, прыкованыхъ до тебе, слёзы точать! Пусты, пусты мене! (*Бере знову ланцюгъ*). Зглянься жъ, ниме зализо! порвысь видъ мого горя тяжкого, бо до тебе ще не прывьязувалы на таку муку, якъ моя; пусты мене на волю! (*Крутыть*) Немае сылы! Невже жъ Карпо обмане? Невже жъ мои мріи про волю розвіются, якъ пылъ? Боже! Зъ высокого неба тоби все выдко! Подывысь же на мене—яке я горе терплю, що зо мною роблять! Мы зъ Васылыною, якъ мали перепелята, у котрыхъ матиръ вбыто и гниздо дощемъ змыто... Рятуй же насъ безпомощныхъ! Дывысь! Мене заперлы въ клитку, а Васылына на своимъ весилли рыдае якъ на похоронахъ. А може... Ни, страшно подумать! Не хочу думать! (*Входыть Карпо*). Сторожа! Пропалы вси замиры!

—

Ява VII.

Карпо и Софронъ.

Карпо. Отъ и я!

Софронъ (*Переводыть духъ*). Слава Богу! Давай мерщій долото!

Карпо. Я шворинь прынисъ,—мицнійше.

Софронъ. А я вже трохы розхытавъ зализо. (*У двохъ одкручують*). Зализо триснуло. Теперъ тилько треба зъ ногы збыть... Васылыну бачывъ?

Карпо. Ходимъ на двиръ. Тутъ заразъ бурьяны и ривъ. Тамъ мы ёго здіймемо зъ чоботомъ. Закруты добре биля ногы, щобъ не брязчало.

Софронъ. (*Пидбырае*). Чомъ же ты не кажешъ—Васылыну бачывъ?

Карпо. Я не заходывъ, николы було; побачышъ самъ.

Софронъ. (*Обкрутывшы ланцюгъ биля ногы*). Ходимъ. (*Идуть*).

Голосъ атамана (*за кономъ*). Та мерщій! Мы тутъ пидождемо.

Софронъ. Стривай! Чуешъ? Голосъ атамана и люде зъ нымъ—це сторожа... Попалысь... Карпо! Мени однаково, давай шворинь, я прокладу соби шляхъ на волю, хто бъ на нёму теперъ не стоявъ.

Карпо. Цыть! На биса тутъ шворинь? Ты балакаешъ, якъ божевильный. Тутъ розуму треба, а не запалу: въ запали ничого путнёго не зробышъ! Мовчы!

Софронъ. Я упаду...У мене серце розрывается. Чого жъ стоишъ?

Карпо. Воны балакають на однимъ мисци... Иды за мною, тилько тыхо, не брязчы.

Софронъ. Куды жъ ты мене ведешъ? Хочешъ виддать атаманови прямо въ рукы?

Карпо. Та не въ рукы, а въ сины ходимъ. Слухай мене, бо ты дурный сёгодня. Прысядьмо въ синяхъ, тамъ темно. Воны сюды, а мы на двиръ. (*Зныкають*).

Ява VIII.

Атаманъ и сторóжа.

Атаманъ (*за кономъ*). Тамъ у стани визьмы лихтарь, а я потимъ звелю прынесты сюды свитла, а лихтарь тоди однесешъ. (*Входять*). Бачъ, якъ темно, ще колы бъ лоба не набыть! Здоровъ, Софроне! Отъ я й людей тоби прывивъ, а щобъ не такъ було скучно, заразъ прынесуть свитла... Софроне! Не чуть щось його. Ты спышъ, Софроне? Ще, бороны Боже, удавывся! Крыкны лышъ, щобъ нисъ мерщій свитло. (*Иде тыхо*). Здается, тутъ колода... Софроне! Може ты йисты хочешъ? (*Вносять лихтарь*). Де жъ винъ? Нема! Хлопци, чы я слипый, чы його нема?

Гаврыло. Опричъ двохъ колодъ та стовпа, нема тутъ ничого.

Атаманъ. Невже утикъ (*Кыдается до колоды*). Свиты! (*Свитять*). Одкрутывъ ыродъ ланцюгъ! Отъ и встеригъ Васылыну! Теперъ винъ певно справыть весилля,—буде жъ мени!

Бижы, Петро, визьмы ще трёхъ чоловикъ: бачъ, зализо ламае, то зъ нымъ не справышся абы-якъ! А ты, Гаврыло, зайды до эконома, скажы, що Софронъ утикъ; я забижу до Фылымона Сыдоровыча на хвылыну, а потимъ зберемося вси биля Сыдоровои хаты... та не гвалтуйте, мы его піймаемо биля жинкы.

Гаврыло. Та на биса тоби здався Софронъ? Утикъ—утикъ! Мало ихъ повтикало...

Атаманъ. Балакала покійна... Хто-бъ ёго хотивъ чужои биды? Та ба!.. Ходимъ! Ну й проклятe жыття атаманське! Краще чортамъ табаку молоть, нижъ атаманувать.

Зависа.

ДІЯ III.

У Домахы на подвирьи. Хата выступае прычилкомъ до половыны на конъ. Двери выдко зрытелю. До хатнихъ дверей треба йты у ворота.

Ява I.

Зъ хаты выходять люде—и дивчата, и молодыци, и чоловикы, и розходятся у ризни бокы.

Чоловикъ 1. Та вже певно, що Софрона не выпустять сёгодня. Ходимъ! Ждалы, ждалы, вже й вечиръ, а ёго нема. И скучно стало: молода зъ матирью плачуть, вси сумують,—Богъ зъ нымъ зъ такымъ весиллямъ!

Чоловикъ 2. Яке вже тамъ весилля безъ молодого.

Чоловикъ 1. И то ты подумай, яка напасть на бидного парубка... И такъ ни зъ сёго, ни зъ того.

Ява II.

Домаха, Соломія и Васылына.

Домаха. Та хочъ не плачъ вже, дочко...

Васылына. Охъ, мамо! Якъ ёго не плакать,—колы сами слёзы льются?

Соломія. Вы бъ, титко, сами пишлы у двиръ, упалы панови въ ногы, може винъ змылуется, видпустыть Софрона.

Васылына. Идить, мамо, идить заразъ!

Домаха. Та колы бъ же мене допустылы; буду просыть, у ногахъ лазытыму, щобъ не сыротывъ насъ! Не сумуй тилькы такъ тяжко, дытыно моя, не сушы себе! Соломіе, останься хочъ ты биля неи; бачъ, вси розійшлыся, а я пиду у двиръ попробую щастя. (*Пишла*).

—

Ява III.

Васылына и Соломія.

Соломія. (*На бикъ*). Пишла, мени цёго тилько й треба. Розскажу Васылыни, якъ вырятуваты Софрона. (*До Васылыны*) Охъ, сестро, я знаю, що маты не вблагае пана, а отъ колы бъ ты сама пишла...

Васылына. Такъ чомъ же ты не сказала? Я дожену матиръ, воны не далеко—и пидемъ разомъ.

Соломія. Ни, сестро, такъ ничого не поможе!

Васылына. Що жъ ты мене морочышъ?

Соломія. Слухай: пизнійше, якъ уси ляжуть спать, за тобою прыйде Гаврюшка. А тамъ тебе проведуть до пана, такъ, щобъ нихто не бачывъ... И завтра выпустять Софрона. Добре? Я заразъ побижу скажу, що ты згожуешся.

Васылына. И де твій соромъ, Соломіе? И якъ ты не подавылась такымы речамы? Мени гыдко тебе слухать, мени соромно въ вичи тоби глянуть писля цёго!

Соломія. Чудна ты та ще й дурна! Наче я видъ себе; я сказала те, що мени звелилы. Не одъ мене, то одъ Фылымона черезъ яку хвылыну почуешъ це саме. Прощай! (*На выходи про себе*). Побижу у двиръ, скажу, що й на мову не дается... Прынцеса, куды жъ пакъ! Якъ губу закопылыла! Я не гирша за тебе, та не мынула мене лыха годына, не втечешъ и ты видъ неи. (*Пійшла*).

Ява IV.

Васылына (*одна*). Праведный Боже! И у неи языкъ повернувся посылаты мене на такый грихъ велыкый, на таке безчестя! Та скорій умру, нижъ тебе послухаю. Утечу заразъ, и покы не выпустять Софрона, нихто мене не побаче (*Иде; назустричъ Софронъ*). Софроне! (*Кыдается до него*). Тебе выпустылы?

Ява V.

Васылына и Софронъ.

Софронъ: Я ланцюгъ одирвавъ и прыбигъ до тебе, моя голубко!

Васылына. То тебе тутъ знайдуть, піймають, тикаймо видциля мерщій!

Софронъ. Я жъ тилько за тымъ и прыйшовъ, щобъ взяты тебе та хлиба, скилько е, и въ мандры! Ходимъ мерщій збираться! (*Хутко пишлы у хату*).

Ява VI.

Карпо (*зъ клункомъ за плечыма*).

Карпо. Въ хати темно (*Пидходыть до викна*). Софроне! Ты дома? Це я, Карпо! Не чуть. (*Иде хутко въ двиръ до хатнихъ дверей*) Заперто зъ середыны! Огъ навиженый, одчай-голова! Зрадивъ, що биля жинкы, и за все забувъ! Чуете! Чы вы померлы? Софронъ!

Голосъ Софрона. Мы заразъ!

Карпо. Почувъ, слава Богу! Поспишайте, бо атаманъ збирае людей, отъ-отъ сюды прыйдуть, и прощай тоди воля на викы (*Выбига за ворота, выгляда на улыцю*). Темно, хочъ око выколы! Никого не выдко! Стій... Гомонять! Такъ и е! це атаманъ зъ людьмы! Що ты будешъ зъ нымъ робыть? Попадется знову (*Иде хутко у двиръ*). Та швыдче збирайтесь!

Голосъ атамана. Ну-жъ, ну-жъ! Лизете, якъ тры дни не йилы!

Карпо. Софронъ! Идуть сюды, вже недалеко, не выходь у двиръ, щобъ не стрився; лизь кризь стриху або кризь верхъ, та памьятай, що зъ того боку недалеко прычилка борона; гляды не окаличся, якъ будешъ скакать! Колыбъ ще й самому не влопаться! Куды жъ ёго сховаться! У хливъ. Ни, въ хливи ще застукають и визьмуть, якъ курку на сидали. Перебижу на другый бикъ вулыци. (*Зныкае*).

—

Ява VII.

Атаманъ и люде (зъ дрючкамы и виревкою).

Атаманъ. Гаврыло! Иды ты попереду: клычъ Домаху,— прыйшовъ мовъ за старою, щобъ ишла бабувать.

Гаврыло. Ни, вже иды ты! Зацьковувать не штука. Я въ сины, а винъ гепне чимъ по голови, та й со духы праведны. Я ще не сповидався.

Атаманъ. Чортъ-зна що выгадуе! Ты тилько спытай, бо мени не прыходытся—пизна по голосу.

Гаврыло. Спытать я спытаю, а питы не пиду. (*Пидходыть до викна*). Домахо, а Домахо, ты дома? (*До атамана*) Мовчать. Домахо!.. Мовчать.

Атаманъ. Чы не змандрувавъ? Идить сюды (*Идуть у ворота, пидходять до дверей*). Одчыняй хто небудь двери.

Чоловикъ 1. Моторошно.

Атаманъ. Такъ що жъ мы будемо стоять тутъ два дни?

Гаврыло. Про мене хочъ и тыждень, абы за панщыну! Такъ то й видчыняй. Вже колы ты збиравъ на одного чоловика стилько людей, то мабуть и самъ добре знаешъ, що небезпечно лизты. Може, винъ тамъ жде тебе, а я зъ добра-дыва пидставлю свою голову.

Атаманъ. Яке мени дило! Велено—и голову пидставляй! Гей, хлопци! Хто смилывый? на кварту заробе!

Чоловикъ 1. Нема щось охоты за кварту помырать.

Ява VIII.

Ти-жъ и экономъ зъ лихтарчыкомъ.

Экономъ. Ифанъ!

Атаманъ. (*Пидбигъ*) Самійло, пане.

Экономъ. Свына!

Атаманъ. Де?

Экономъ. Мольчать!

Атаманъ. Слухаю.

Экономъ. Пошему ты не ухватылъ самъ, зашемъ растрифожиль усо моя семейство? Каролина лакаласъ, Гансъ лакаласъ, Фрицъ лакаласъ! Эти... Я хляднокровый и тому подобіе, але я можу разсердыця и тогда будить чево нибудь полюче! Давай Зофрона сюда, мы ему будемъ брить голева.

Атаманъ. Нихто не хоче иты у хату.

Экономъ. Зашемъ не хочитъ? Хто не хочитъ? Пошёль самъ!

Атаманъ. Страшно!

Экономъ. Зашемъ страшно? Я не боюсь! (*Иде до дверей*). Ну ошинай!

Гаврыло. Одчыняйте, вы смиливійши, а мы боимося— може у него коса въ рукахъ.

Экономъ О—о! Ты зашымъ мене лакаешъ?

Гаврыло. Та вы жъ не боитесь.

Экономъ. Я не боюсь, але я лакаюсь! Ты не шуты, потому эти... Я хляднокровый и тому подобіе, але я можу разсердыца и тогда будить (*бье ногою у двири*) выходыть (*бье*) чево нибудь полюче! (*Люде пидважують двери дручкамы, воны одчыняются; зъ другого боку на прычилку хаты пиднимается солома на покривли и вылазыть Софронъ*).

—

Ява IX.

Ти-жъ и Софронъ (на хати)

Софронъ. Васылыно, мерщій! Берысь за верёвку, берысь! (*Прислухается*).

Экономъ. Давай сюда эти разбойныкъ, будимъ его форостыть.

Атаманъ. (*до 1-го чоловика*). Иды!

Чоловикъ 1. (*до Гаврыла*). Идить!

Гаврыло. Иды!

Экономъ. (*Штовхае атамака*) Иты! (*Одъ штовханця атаманъ опыныея въ синяхъ; штовхае такъ само двохъ прыговорюючы кожень разъ „Иты!" Останни люде идуть сами, за нымы экономъ*). Я эти... хляднокровый и тому подобіе (*зныкае за дверыма*)...

Софронъ. (*Зискакуе зъ хаты. Карпо пидбига до него*) Що намъ робыть? Щабель въ драбыни зламався, Васылына не поспила вылизты за мною.

Карпо. Першъ усёго заховаймось.

Сфронъ. Воны іи визьмуть у двиръ.

Карпо. (*Тягне его на другый бикъ вулыци*). Та цыть, не гомоны—побачымо, що дали буде (*зныкають*).

Ява X.

Атаманъ и люде.

Атаманъ. Винъ тутъ десь, тилько-що выскочывъ; самъ чувъ, якъ гупнуло,—шукайте!

Гаврыло. Де жъ ты ёго будешъ шукать? Бачъ, якъ на двори темно, хочъ око выколы! То жъ не мишокъ, що упавъ зъ воза та й лежыть на тимъ самимъ мисци, а жывый чоловикъ.

Атаманъ. Добре, що хочъ Васылыну успилы захопыть, а то и вона лизла вже на горыще (*Выходыть экономъ и Васылына*)

Ява XI.

Ти-жъ, экономъ и Васылына.

Экономъ. Така хорошенька малядычка плячить за грубымъ мушикомъ! Фу! (*Бере іи за бороду*) Зашымъ плячишъ? Ты будешь его скоро забывайтъ (*На бикъ*). Эти мужичка, какъ пер-

сыкъ (*До Васылыны*) Зашемъ не говоришь де эти... твой мушикъ Софронка? Плячишь? Ну, (*бере іи пидъ руку*) будимъ дѣлять пріятного прогулка.

Васылына. Софроне, мій голубе сывый, рятуй мене, пропала я на викы!

—

Ява XII.

Ти-жъ и Домаха (*вбигае*).

Домаха. Боже мій, що тутъ?

Васылына. (*Вырываетсн и бижыть до матери*) Мамо, ховайте мене, не виддавайте мене на поталу!

Домаха. Змылуйтесь надъ намы! Зглянътесь хочъ надъ моею старостью. Буде вже зъ васъ Софрона, на що жъ ще й іи сердешну мордуете! Заспокойся, доню, бо я й сама умливаю видъ горя и ногы мои ледви держать, вже зъ сылы выбылась... (*Обнима Васылыну и заспокоюе іи*).

Экономъ. (*До атамана*). Ну?

Атаманъ. Слухаю.

Экономъ. Больванъ! и тому подобіе... Софронъ уходилъ, она плячить, бабка плячить, а ты слюхаю! Эти... эти скушно! Зичасъ бери маляцичку!

Атаманъ. (*Одводыть его на бикъ и тыхо*). А знаете, Бовтанъ Бовтановычъ, що я оце прыдумавъ? Не будемо брать Васылыну, бо й Фылымонъ Сыдоровычъ не велилы: вона гвалтуватыме и потривожыть паню. Нехай зостанется пры матери, то Софронъ сёгодня у ночи прыйде до неи безпреминно, бо винъ тутъ десь недалеко, а я зъ людьмы засяду у Сыдоровій клуни, и тилько винъ у хату—и мы у хату, та й на вирёвку его. Отакъ краще буде.

Экономъ. У тебья весь мовокъ идетъ у голова, когда ты лакаиса! (*До Васылыны*). Ну будить плячить, я тебья не будить забирайтъ. А ты, бабка, гляди своя дочка, а будить эти... уходить... будить худо, слишь? (*Иде, атаманъ за нымъ и люде*) Потому я хляднокровый и тому подобіе... (*Зныкають*).

Ява XIII.

Домаха и Васылына.

Домаха. Софронъ утикъ, винъ и тебе выкраде, то й будете жыть де-небудь до смерты. Заспокойся, моя дытыно!

Васылына. Охъ, мамо, мамо! Чы знаете вы, мамо, видъ чого така бида скоилася? Мени Соломія казала таке, що соромъ и переказуваты.

Домаха. И не переказуй, дытыно моя! ты чы знаешь, а я одъ-разу догадалась. У горныци мене не допустылы—тамъ Хвылька всёму голова, бодай на нёго Господня кара лягла за наши мукы; це все винъ, дочко. Колы бъ пани якъ переказать,—вона бъ ёго провчыла. (*Тымъ часомъ якъ Васылына зъ Домахою балакають, Софронъ и Карпо крадучысь пидійшлы до ныхъ.*)

—

Ява XIV.

Ти жъ, Софронъ и Карпо.

Софронъ. Не лякайтесь, цытьте, це мы...

Васылына (*тыхо*). Софроне, серденько, мылый! Колы бъ хто не побачывъ, не почувъ гомону...

Карпо. Та ничого бавыться; за клункы и гайда! (*хутко идуть у хату*).

—

Ява XV.

Атаманъ и люде.

(*Зъ-по-за хаты атаманъ выводыть людей, розставляе де-якыхъ, щобъ стерегылы, а чоловика килько зъ атаманомъ мовчкы идуть у хату*).

Чоловикъ I. Отъ колыбъ тамъ бисового сына прыглушывъ Софронъ!

Гаврыло. Якого бисового сына?

Чоловикъ I. Та атамана.

Гаврыло. А ты жъ хиба и не такый, якъ и атаманъ!

Чоловикъ I. Я?.. А хиба я...

Гаврыло. Краще мовчы, колы дурный.

Ява XVI.

Ти-жъ, Атаманъ, Домаха и Васылына.

(Зъ хаты выводять Софрона и Карпа звъязаныхъ).

Карпо. Піймалы, якъ курей на сидали, а все черезъ тебе! Тикалы бъ сами,—ни, жинкы заманулося...

Атаманъ. Ты жъ чого сюды вплутався, Карпо?

Карпо. Одна бида людей една!

Васылына (*выбига*). Не пустю, не пустю тебе видъ себе! (*Обнима Софрона, тулытся до него*).

Атаманъ. Иды, иды въ хату! Ну жъ, стара, визьмы іи... Отъ життя атаманське!

Домаха. Васылыно, дочко!

Васылына.. Мовчить, мамо! Я никуды не пиду видъ Софрона, я хочу разомъ зъ нымъ мучыться. Нехай у купи звьяжуть и мучать обохъ...

Софронъ. Пусты мене, Васылыно, нехай роблять зо мною що хотять, а ты молыся Богу и памьятай свою прысягу. Прощай!

Васылына. Я зъ тобою пиду, мени страшно безъ тебе!

Софронъ. Визьмить іи, мамо, бо я, здается, тутъ зомлію, такъ мене вымучылы... Ходимъ!

(Домаха бере Васылыну, Софронъ иде. Васылына порывается за нымъ, маты іи не пускае).

Атаманъ (*идучы*). Охо-хо-хъ! Ну, й жыття атаманське! (*Вси выйшлы*). Натомывся, ледве ногы волочу.

—

Ява XVII.

Домаха и Васылына.

Васылына. (*Падае матери на плече и рыда*). О, мамо, мамо! Краще бъ вы похороны надо мною справылы, нижъ таке весилля!

Зависа.

ДІЯ IV.

У Домахы въ хати.

Ява I.

Домаха (одна, биля викна).

Домаха. Пишла сердешна дытына. Чы допустять же іи побачыться въ Софрономъ? (*Входыть Аврамъ*).

Ява II.

Аврамъ и Домаха.

Аврамъ. Здрастуй! Насылу додыбавъ... Вже й ходыть важко, а йисты все жъ такы хочется. Днивъ два нейимъ, а на третій хочется. Оце прыйшовъ до тебе, дай будь ласка хлиба та водыци... розмочу, то може проковтну...

Домаха. У мене йе кваша.

Аврамъ. Кваша? Голубко моя! Давай... Кваша це саме йида наша!...

Домаха (*подаючы квашу, на бикъ*). Може винъ що порадыть: винъ ворожбытъ, характерныкъ!

Аврамъ (*йисть*). Ну й кваша! Давно такого добра нейивъ... Пошлы тоби Боже здоровья.

Домаха. Ой, диду! Вымоталы зъ мене й те здоровья, що було—теперъ ледве хожу... Чулы, що тутъ трапылось?

Аврамъ. Эй, чувъ, чувъ! Я вже и глухый, и ничого не бачу, а твое горе голосне—почувъ и я. Все то Хвылька орудуе.

Домаха. Думала, дочку виддамъ замижъ, заспокою свою старисть, та замисць радощивъ и спочивку тилько горя соби прыдбала.

Аврамъ. На вику горя—море, а радощи—и въ ложку заберешъ! Та й де ти радощи визьмутся у крепака?... Отъ и пиджывывся днивъ на два.

Домаха. Заходьте завжды до мене, чимъ Богъ пославъ подилюсь.

Аврамъ. Спасыби тоби! Ну й кваша, якъ бессарабське выно!

Домаха. Диду! Що бъ я васъ попросыла? Вы чоловикъ тямущый, вы скризь по свиту побувалы, все знаете,—будьте ласкави, поворожить, чы не можна довидаться яка доля жде мою Васылыну, и порайте, що намъ робыть? Одвернить видъ насъ лыху напасть, нашлить іи на ворога нашого.

Аврамъ (*подумавшы*). Не можу. Радъ бы, та не можу.

Домаха Вы же, кажуть, до всёго знаете...

Аврамъ. Та щожъ, що знаю, колы боюся! Чого-сь розсердывся на мене, колы бъ ще й самого не скрутывъ.

Домаха. Хто? Панъ чы Хвылька?

Аврамъ. Хе-хе! Хвылька, тилько другый, не нашъ... Розсердывся... боюся! Ото якось ходывъ пидъ лотокы, хотивъ про дитей своихъ роспытать,—такъ штовхнувъ и засмердивъ смолою, не злюбывъ. Я почавъ у церкву ходыть и табаку покынувъ нюхать, а винъ и не злюбывъ.

Домаха (*про себе*). Охъ, мени лыхо, якъ страшно! Мовъ жаромъ посыпало по спыни... То винъ и справди наклада зъ нечыстымъ.

Аврамъ. А ось яку я тоби дамъ пораду. Ты знаешъ Явдоху, покоивку панину, Дуняшку?

Домаха. Знаю, якъ не знать?

Аврамъ. Отъ же слухай! Вона ненавыдыть Хвыльку, а Хвылька іи: одно другого ненавыдять и грызутся, якъ два коты въ однимъ мишку! Кожному, бачъ, хочется буть старшымъ и за старшынство готови одно другого въ ложци воды утопыть; винъ паномъ крутыть якъ хоче, а вона панею. Отъ и треба Явдоси сказать, що мовъ Хвылька такъ и такъ зробывъ, то Явдоха, абы нашкодыть своёму ворогови Хвыльци, заразъ прыбавыть въ-десятеро и розскаже пани, а та, звисно, знае, що таки дила водылыся, зразу повирыть, и пиде колотнеча, то може й выпустять твого зятя! Оце тоби моя порада, а ворожыть боюся.

Домаха. Якъ же ёго зробыть, щобъ побачыть Дуняшку? У двиръ до пана, чы й такъ у горныци, мымо Хвылькы нихто

не пройде, а вінъ мене не пустывъ и на поригъ,—я вже ходыла, и теперъ не пустыть.

Аврамъ. И цёму дилови можна помогты. Ты пиды до паламаршы; воны дружать зъ Дуняшкою, то паламарша доступыть до неи, позве Дуняшку до себе, а ты ій тамъ все розскажешъ. Тилькы нехай паламарша шепне Явдоси, що про Хвыльку йе недобри переказы, то вона й прыбижыть заразъ; та що й казать! якъ бы на ланцюгу сыдила,—ланцюгъ бы перегрызла, щобъ тильки Хвыльку утопыть.

Домаха. (*Кланяючысь ему у ногы*). Спасыби жъ вамъ, диду! По викъ вишный не забуду вашои порады, не знаю чымъ я вамъ и оддячу.

Аврамъ. Квашею нагодуешъ та й годи! Иды жъ заразъ, не гайся! Прощай! (*Уходыть*).

Домаха. (*У слидъ*) Идить здорови! Вы мене зъ труны пиднялы своею радою. (*Одна*). Що то, Господы, розумъ, до смерты бъ не прыдумала того, що дидъ порадывъ! Пиду жъ заразъ до паламаршы; я у неи бабувала, вона для мене повынна зробыть ласку. (*Входыть Васылына*).

—

Ява III.

Васылына и Домаха, а потимъ Соломія.

Домаха. А що, дытыно моя, бачыла Софрона?

Васылына. Не допустылы.

Домаха. Не сумуй, не сушы себе, може це лыхо пиде за водою. (*Входыть Соломія*) Отъ и спасыби, що зайшла, може чимъ розважышъ Васылыну, а я пиду до паламаршы,—чогось прысылала за мною. (*Выйшла*).

—

Ява IV.

Васылына и Соломія.

Соломія. Ачъ, яке выдумалы тикать! Насъ кыдають, а сами тикають, другыхъ жинокъ захотилось пошукать.

Васылына. Видъ такои мукы и кризь землю бъ провалывся и въ пекло бъ утикавъ.

Соломія. Це все черезъ тебе! Мене дывуе твій дурный розумъ,—и чого бъ то ерепеныться? Наче ты цяця така? Кращи за тебе булы тай то...

Васылына. Мовчы, не мучь хочъ ты мене!(*Входыть атаманъ*).

—

Ява V.

Атаманъ, Соломія и Васылына.

Атаманъ. Ага! Обыдви вкупи. Здрастуйте, молодіи вдовы! Объ чимъ рада?

Васылына. И цей прыйшовъ мучыть.

Соломія. Утишаю іи, розважаю, а вона и слухать не хоче.

Атаманъ. Ты іи утишаешъ, а я тебе утишу: твого Карпа вже выпустылы—иды лышъ до дому, витай ёго.

Соломія. На мою голову выпустылы! Покы ёго не бачу, доты й кисткы одпочывають.

Атаманъ. Хиба и доси бье?

Соломія. Ще й прывьязуе, щобъ не втикала.

Атаманъ. Ачъ юродивъ сынъ,ніякъ не вгамуется! Халява и вередуе! Иды жъ, иды! Пожалій ёго, прыголубъ, то й быты не буде.

Соломія. (*На бикъ*). Выпровожае. Крыются видъ мене. Певно, Васылына не хоче, щобъ я знала.

Атаманъ. Бачъ якъ любыть чоловика! Не дурно жъ винъ тебе бье. Чого стоишъ? Може винъ, сердешный, йисты хоче, а ты цындрышъ!

Соломія. И справди треба иты! (*На бикъ*). Видъ мене не сховаетесь, я й потимъ довидаюсь про все. (*На выходи*). Прощайте!

—

Ява VI.

Атаманъ. (*До Васылыны*). А я тоби прынисъ весильный подарунокъ.. Отъ глянь, бачъ яка хустка—на!

Васылына. Цуръ ій!

Атаманъ. Чого жъ ты цураешся видъ подарунку? Его дарують тоби видъ щыросты... видъ добросты... Весильного подарунку не взять—обыдыть... Визьмы.

Васылына. (*Зкоса погляда*). Шовкова, ажъ очи въ себе вбырае!.. Не хочу, заразъ уси подумають...

Атаманъ. Дурна, ей-Бугу дурна! Хиба до тебе хто въ скрыню заглядавъ? Хто знае, що тамъ у тебе е? А ось глянь, яке добре намысто: червоне, мовъ калына... На, носы на здоровья...

Васылына. (*Бере въ рукы и розгляда*). Яке гарне. И де воно таке хороше зроблено? Мабуть дороге...

Атаманъ. Звисно, не дешеве. У кыивського крамаря куплене. Ще й перстинь, ось и сережкы!

Васылына. Охъ, яки жъ блыскучи! Ажъ сяють...

Атаманъ. (*На бикъ*). Клюе! Що то жиноча порода! ну й зна жъ ихъ Фылымонъ Сыдоровычъ. (*До Васылыны*). Та ты якъ уберешся въ це убрання, то вдвое будешъ краща! Та въ цимъ убранни тебе ще бильше любытыме Софронъ.

Васылына. Софронъ?.. Охъ Боже мій! Що жъ це я роблю? Цуръ ёму, цуръ! (*Кыда хустку и намысто на лаву*).

Атаманъ (*на бикъ*). Зирвалось!

Васылына. Одведы мене Господы! Це сатана заслипывъ мени очи, спокушае мене. Не хочу, ничого не хочу! Урижте мене, дядьку, не визьму... покы не выпустыте Софрона! Сёгодня не пустылы мене й глянуть на него.

Атаманъ. Та не Софронъ тутъ прычына, а ты... Я жъ тоби казавъ.

Васылына. И вы Бога не боитесь такъ балакать зо мною? Я жду видъ васъ рады, якъ одъ ридного батька, а вы глумытесь надо мною.

Атаманъ. Ну й чудна ты! якои жъ тоби ще рады? Ты не по добрій воли... И Богъ простыть, и Софронъ выбачыть, бо черезъ твою упертисть ему мука... Та мени такъ жаль Софрона, ей правду кажу, що колы дальше будешъ спрытчаться, сылою поведу тебе.

Васылына. Берить, берить! Ведить мене, тягнить мене! Рижте мене! Я буду крычать на все село, на весь двиръ, на вси горныци! О, краще бъ я вродылася каликою, безъокою, горбатою, крывою, краще бъ виспа скаличыла мій выдъ, нижъ мала уродытыся хорошою на муку соби! (*Зъ одчаемъ*). Не треба мени моеи вроды, не треба! Чуете? Я соби весь выдъ подряпаю, отъ побачыте... Я скаличу себе. (*Плаче*).

Атаманъ (*на бикъ*). А лыха годына! Умовъ, каже, щобъ сама прыйшла, щобъ не плакала; отъ и умовывъ! (*До Васылыны*). Ну, годи тоби, не плачъ, а то лычко змарніе.

Васылына. (*Плаче дужче, а потимъ помалу стыхае зовсимъ*). Не треба мени мого лыця, не треба! Я ничого не хочу... Я не пиду, не пиду... Одчепиться видъ мене.

Атаманъ. Та чого ты? Хиба я тебе веду чы що? Ото! Я такъ тилько сказавъ жартомъ, що поведу. Заспокойся, не плачъ! (*На бикъ*). Пиду до Фылымона Сыдоровыча за прыказаніямы. (*До Васылыны*). Я тебе не сылую ни до чого, робы якъ знаешъ. (*На бикъ*). И ихъ жаль, и себе жаль... Охо-хо—хъ! Ну, жыття атаманське!.. Прощай, Васылыно. (*Иде; Васылына встае, вытырае очи рукавомъ, иде за атаманомъ; провившы атамана у сины, вертается*).

—

Ява VII.

Васылына (*одна*). Пишовъ. Наче каминь зъ серця зсунувся. Чого жъ це матери немае такъ довго? Самій сумно. (*Углядившы на лави хустку и намысто*). Дывы! На що жъ це винъ покынувъ тутъ хустку и намысто? (*Дывытся и усмихается, а потимъ плюе*). Тьфу! Тьфу! Ще хто побачыть, спытае; що я скажу! (*Пидходыть*). Що зъ нымъ робыть? Выкыну заразъ въ огородъ до бабы Сыдорыхы,—нехай воно тамъ потліе (*Бере хустку и намысто жужмомъ, иде хутко до дверей и видчыня вже ихъ, а дали стае, помалу прычыня двери, обертается лыцемъ до публикы; подумавшы, усмихается*). Стривай, дома нема никого, прымиряю, подывлюся—чы гарно мени, а потимъ закыну. (*Повязуется*). До лыця! (*Чыпляе намысто*). И не пизнавъ бы

Софронъ! Ачъ яке гарне, червоне та блыскуче. Якъ убрання красыть чоловика. (*Зитхае*). Пиду жъ закыну къ бисовому батькови, щобъ воно мене не спокушало... Гляну ще разъ на себе и закыну (*заглядa у дзеркало, вмазане у стину*). И справди гарно: очи блыщать и выдъ веселый, ясный... Отъ якъ бы свое таке було! На що жъ его выкыдатъ? Виддамъ дядькови Самійлови, а то ще найде хто и буде носыть, буде красувать, або ще яка бида зъ того выйде (*Входыть Соломія*). Охъ, Боже мій, Соломія, а я въ такимъ убрани.

—

Ява III.

Соломія и Васылына.

Соломія. А де дядько Самійло, пійшовъ уже? Ачъ якый чмутъ! Чы ты знаешъ, що винъ обманывъ мене? Карпа не выпустылы.

Васылына. Не выпустылы? (*На бикъ*). Що мени робыть? скынуть?

Соломія. Тилько даремно пробигалась... И на що винъ протурывъ мене видсиля?

Васылына. Не знаю. (*На бикъ*). Не буду скыдать убрання може вона не прымитыть.

Соломія. Бачъ, якъ прыбралась, що це за знакъ? Та яка гарна въ тебе хустка.

Васылына. (*На бикъ*). Що ій сказать? (*До Соломіи*) Це ще бабына.

Соломія, И новисенька! А намысто, намысто яке хороше, мовъ жаръ горыть! Ты кого ждешъ, чы куды пидешъ?

Васылына. И никого не жду, и никуды не пиду. Такъ прымиряла бабыне убрання. (*Скида хустку и хова въ скрыню; на бикъ*) И на що я збрехала?

Соломія. (*На бикъ*). Бреше! Выходыть—згодылась, колы подарункы прыйняла. (*Входыть атаманъ*).

Ява IX.

Атаманъ, Соломія и Васылына.

Атаманъ. (*До Соломіи*). Ну, тебе де не посій, тамъ и вродышся!

Васылына. (*На бикъ*) Боже мій! (*Хутко повъязуется своею хусткою, а потимъ хоче развъязать намысто, поспиша и ніякъ не може*).

Атаманъ. (*До Соломіи*). Що въ тебе роботы нема? Ишла бъ соби та сыдила дома. (*До Васылыны*). Заразъ прыйде Софронъ.

Васылына. Софронъ! (*Рве намысто, воно посыпалось.*

Соломія. Боится, щобъ Софронъ не побачывъ подарунку. (*Пидбирае намысто*).

Васылына. Охъ Господы, якъ сердце забылось! Его выпустылы? Кажить же, дядьку, выпустылы Софрона?

Атаманъ. Де тамъ! Видпросывся... Зайде попрощатысь: велено завтра у прыёмъ везты—здать у москали. (*На бикъ*) Побачымо, що теперъ скаже. Бабы московщыны боятся.

Васылына. У прыёмъ... у москали?

Атаманъ. (*Тыхо*) Отъ до чого ты его довела.

Соломія. (*На бикъ*). Эге-ге! Подарункы прыйняла, а чоловика у москали, розумію. Ачъ яке намысто, якъ горохъ, а ще й бреше, що бабыне. (*Входыть Софронъ*).

—

Ява X.

Ти-жъ и Софронъ въ кайданахъ; сторожа.

Васылына. *Зачувшы брязкитъ заливза, опамьяталась. Бижыть назустричъ, въ дверяхъ кыдается Софронови на шыю*). На кого жъ ты мене покыдаешъ?

Софронъ (*Веде іи на передъ кону до лижка*). Годи, Васылыно, годи моя мыла, не плачъ! Такъ Богу, значить, угодно. Сядь. (*Садовыть іи и самъ сидае*).

Атаманъ. Не бався, Софроне, мерщій балакай. А мы, братци, ходимъ у сины, нехай соби побалакають на самоти.

(*До Соломіи*) А ты, віялко, чого стоишь? Иды! (*Вси выходять. На выходи*) Ну, життя атаманське!

—

Ява XI.

Софронъ и Васылына.

Софронъ. Дай на тебе надывыться! жыття мое... Мене виддають у москали зъ помсты за те, що ты не зрадыла мени, и я тебе за це безъ миры кохаю! Мукы наши скинчатся скоро... Ты будешъ московкою, будешъ вильна, а я буду служыть вирою и правдою Богу и Государю, и въ служби нихто не посміе мене даремно зобыждать, якъ тутъ зобыждають. Спершу я самъ сумовавъ. Мени тяжко було покыдать тебе, ридне село батька, матиръ, а сёгодня зайшовъ дидъ Аврамъ—винъ все знае—и, спасыби ёму, розсказавъ, що я й тебе можу взять зъ собою, хочъ и на Кавказъ. (*Голубыть іи*). Прыгрій мене своимъ ласковымъ поглядомъ... Я вси мукы забувъ; такъ мени заразъ любо, такъ мени весело биля тебе. Краще, здается, заразъ умерты, нижъ розризныться.

Васылына. Мылый мій! (*Обнимаются палко*).

—

Ява XII.

Ти-жъ, атаманъ, Соломія и сторожа.

Атаманъ. А ну, ходимъ, хлопче!

Софронъ. Заразъ, дядьку! Пиды жъ, скажы батькови и зберы на завтра всю одежу свою и мою. Де-що продамо та батько дасть—и грошы будуть на дорогу.

Соломія. Та ось цила жменя доброго намыста, и ще й хустка шовкова е, грошей буде якъ за пару воливъ...

Атаманъ. (*Шарпа Соломію*). Не вьязны, бо по потылыци выштовхаю. Люде прощаются, а вона зъ выхылясамы.

Софронъ. Яке намысто!

Атаманъ. (*Досадлыво*). Та що ты іи слухаешъ?... Пишла геть! Тутъ серце болыть, що ты пидешъ на чужу чужыну, а вона...

Софронъ. Ну, прощай Васылыно! (*Обнима и цилуе іи*). Не сумуй же!

Атаманъ. Де вже тамъ не сумовать.

Софронъ. Теперъ я тилько одного боюся,—боюся, щобъ не забракувалы, щобъ не прыйшлося сюды знову вертаться на муку. Ну, та Богъ мылостывый! (*Выходыть, за нымъ Васылына и сторожа*).

Атаманъ. Проведу трохы и вернуся, побачу, що Васылына скаже. Здается, вона не такъ радіе, якъ Софронъ. Ну, жыття атаманське! (*Побачывъ Соломію, показуе ій кулакъ*). Гляды мени! (*Выйшовъ геть*).

—

Ява XIII.

Соломія. (*Одна*). Теперъ зовсимъ переконалася, що намысто и хустка—панськый подарунокъ. Якъ бы бабыне, кынулася бъ збирать, и атаманъ такъ бы не розсердывся на мене. (*Кладе намысто на столи*). Певно згодылася, щобъ перше здыхаться Софрона, а винъ радіе здуру. Якъ бы ёму шепнуть про се? Ажъ ось колы Карпо не буде мене бильше быть, помырытся зо мною. (*Иде, назустричъ Васылына*). Прощай, сестро! (*На выходи*). А зъ тебе я такы очей не спускатыму.

—

Ява XIV.

Васылына (*сама*).

Васылына. (*Довго мовчыть*). Московка! Та ще чы й визьме? Чы дозволять? Чомъ же другыхъ чоловикы не беруть, колы можна взять? Ни, винъ утишавъ тилько мене, щобъ не журылась... У москали! Боже, та це все одно, що винъ умре и я ёго поховаю, жывого поховаю... И въ самотыни буду вьянуть... старить, ждать смерты! Охъ, тяжко мени, тяжко!.. И що робыть не знаю!.. Що робыть? Мылый черезъ мене погыбае, а я пытаю,—що робыть? Рятувать! Серце шепче мени: рятуй, рятуй его мерщій, а я думаю-гадаю, чы рятувать? Буду жъ рятувать! Пиду! Теперъ я не боюся ничого,—упаду панови въ ногы, буду

плакать кривавымы слёзамы, винъ не душогубъ, винъ самъ заплаче, стины ними заплачуть зо мною разомъ! Я ростоплю ёго своимъ горемъ, хочъ бы винъ бувъ зъ релиза. Винъ змылуется надъ намы, винъ самъ не захоче мого нещастя,—пиду! (*Входыть атаманъ*). Отъ и поводарь! Дядьку (*Здержуе рыданя*)... Ходимъ, ходимъ у двиръ!

—

Ява XV.

Атаманъ и Васылына.

Атаманъ. Отакъ бы й давно! Нехай же пизнійще...

Васылына. Заразъ... Заразъ ходимъ! (*Одягается*).

Зависа.

ДІЯ V.

Одмина перша.

(*Декорація I одмины I діи*).

Ява I.

Гаврюшка. (*Одынъ*). (*Иде тыхо навспынячкы до дверей*) Що воно за оказія, ніякъ не розшолопаю. Пани сердылася на пана, крычала, плакала, а потимъ поклыкалы Фылымона Сыдоровыча, послалы за экономомъ. Теперъ панъ крычыть на Фылымона Сыдоровыча... Не чуть всёго... О! наче щось про Васылыну... Не розберешъ, а цикависть все бильше й бильше росте. Отъ колы бъ шапка невыдымка—проскочывъ бы туды... Усе бъ знавъ... Дуняшка щось балакае! Ну, голосокъ, наче пыщыкъ зъ болыголовы. (*Входыть экономъ. Гаврюшка одскакуе видъ дверей*).

—

Ява II.

Гаврюшка и экономъ.

Экономъ. Эти... эти и тому подобіе... Ты шево тутъ дѣлялъ?

Гаврюшка. Я? Замокъ обтыравъ, Богданъ Богдановычъ.

Экономъ. Ну эти... А Фылымонушка гдѣ?

Гаврюшка. Воны тамъ у пана... И васъ клыкалы заразъ туды... до пана... у горныци. Идить, Богданъ Богдановычъ, васъ тамъ ждуть.

Экономъ. Ты зашимъ эти... эти зтрифожился?

Гаврюшка. Панъ сердятся... крычать...

Экономъ. О—о? Я лакаюсь и тому подобіе! Я не будитъ ходиль эти... эти безъ докладу.

Гаврюшка. Велено, щобъ заразъ, тужъ хвылыну, якъ тилько прыйдете, ишлы до пана.

Экономъ. А ты, гулюбушка, эти... Гавруха, не знаешъ за чево каспадынъ сердылся? А?

Гаврюшка. Не знаю, Богданъ Богдановычъ! Заразъ писля чаю таке пиднялось у горныцяхъ, що страхъ; я й самъ боюся, ажъ трусюся увесь.

Экономъ. (*Иде на вспынячкахъ до дверей. Передъ дверыма стае, берется за серце*). О, мейнъ готъ... и тому подобіе! (*Пишовъ въ покои. Гаврюшка, якъ экономъ одчынывъ двери, позадъ его стае навспынячкы и заглядае*)

—

Ява III.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Такъ и е, що клята видьма Дуняшка заварыла якусь кашу, бо й вона доси тамъ стоить. А Фылымонъ Сыдоровычъ мовчыть, бидный, и голову повисывъ. И щобъ воно таке? (*Ковыряе пальцемъ вухо*). Чортъ ёго знае, що це зъ моимъ вухомъ сталось? наче заклало: ничого не чую. (*Слуха пидъ дверыма*). Нимець щось балака. Его й такъ не розберешъ, а черезъ двери здается, що хто-небудь у пустый глечыкъ палычкою стука. (*Въ горныцяхъ чуты ляскъ*). Ой! (*Одхыляется*). Це такъ панъ Фылымона у пыку затопывъ! Ну, оказія. (*Знову пидставля до дверей вухо, Фылымонъ одчыня двери и натыкается на Гаврюшку*).

Ява IV.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. Ты зачимъ глядивъ, иродивъ сыну?

Гаврюшка. (*Одступае*). Я...

Фылымонъ. (*Наступае*). Зубоскалъ! Що я тоби наказувавъ, га? Що?

Гаврюшка. Я...

Фылымонъ. Стань на мисци каменемъ! Чого рачкуешъ?

Гаврюшка. Я...

Фылымонъ. (*Бье въ лыце*). Іуда! Брехачъ! Вертыхвистъ! Хто набрехавъ Дуняшци про Софрона, про Васылыну, Карпа... Га? Хто? Говоры!

Гаврюшка. Ей-Богу не знаю, хрестъ мене...

Фылымонъ. Не божысь, вужъ, не божысь, гадюка! Ты одынъ знавъ про все; ты, Іуда, не здержавъ языка за зубамы, розбовтавъ!

Гаврюшка. Побый мене Богъ, не я! Нехай мени языкъ одсохне! Богъ мене накажы!

Фылымонъ. Ёлопъ, гава! Тилькы зубы уміешъ до дивчатъ скалыть! Постой, я до тебе прыймуся не такъ. Говоры: хто бувъ у Дуняшкы? Домаха була?

Гаврюшка. Никого не було, щобъ я пропавъ, колы брешу, тилько паламарша була, бо вы звелилы іи пропускать.

Фылымонъ. Паламарша, колы?

Гаврюшка. Заразъ писля обидъ. И Дуняшка до неи ходыла.

Фылымонъ. Довидалась чортовка на сели и заразъ пани розсказала. Чортъ мени надавъ дозволыть пропускать паламаршу!

—

Ява V.

Ти-жъ и Дуняшка. (*Переходыть покой.*

Дуняшка. (*На ходу*) Спокойнои ночи, Фылымонъ Сыдоровычъ! (*Зныкае въ другыхъ дверяхъ*).

Ява VI.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. Голобля! Суха чахоня! Щобъ тебе цю ничъ домовый задавывъ! Сміется, бо іи взяла! Стривай, ще й я посміюся! (*До Гаврюшкы*). На ключи, дай Матвіеви, скажы, щобъ заразъ выпустывъ Софрона и Карпа и нехай идуть къ чорту, щобъ ихъ и духъ тутъ не смердивъ.

Гаврюшка. (*На бикъ*). Панъ его за дило триснувъ у пыку, а винъ мене зъ добра дыва,—щобъ тоби рукы посудомыло! И доси щемыть. (*Выйшовъ*).

Ява VII.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Такъ наче хто цилый цеберъ помый вылывъ на мене! Десять литъ пальцемъ не торкнувъ, а сёгодня вдарывъ. Нехай бы самъ на самъ, ще не такъ бы було жалко, а то передъ нимцемъ, передъ Дуняшкою... Теперъ прямо тикай зъ двору, свитъ за очи. Яке тутъ буде жыття мени, колы вси знатымуть, що мене, мене, Фылымона Сыдоровыча, ударено по морди за мое роспоряженіе. Страху не буде, послушанія не буде, поваженія не буде. Дуняшка верхъ визьме! Та краще задавыться, нижъ дійты до того, що Дуняшка буде командувать. Одно зосталось, выкупыться на волю. Грошы йе, слава Богу. Его жъ гришмы и одкуплюся видъ нёго! А на воли абы грошы... Гыльдію объявлю... Шынкы визьму въ одкупъ... Та що! На проценты буду грошы давать, женюся на чумакивни...... колыбъ тилько видпустывъ. (*Входыть экономъ*).

Ява VIII.

Экономъ и Фылымонъ.

Экономъ. Хвылка! Пошоль сюда!

Фылымонъ. Помалу Богданъ Богдановычъ, рано ще командувать.

Экономъ. О—о! Мальчатъ! Я не любитъ, когда мушикъ много говорятитъ и тому подобіе! Ты мене подводылъ дѣлять

паскудное дѣло безъ загласія каспадына! Ты эти... эти зводныкъ! Каспажа не можить тебья видить. Я полючиль инструкцію! зигодна передай усо Гаврушка и зафтра пашоль на панщына.

Фылымонъ. Якъ?! На панщыну? Богданъ Богдановычъ, вы мабуть сонни, проснититься, протрить очи.

Экономъ. У—у? Мальчать! Ты эти ошинь розпускался. Я тибья будить загиналъ у дуга. Я тебье будить показывайтъ эти... загранышново дистиплына! Свина! Тебя позволали за стола, а ты на стола ногы кладылъ? Нѣтъ, голюбушка, будить! Я хляднокровый и тому подобіе, але можу розсердыца... Я зейчасъ поужинайтъ и будить зъ тебья одчотъ полючать... Слишь? (*Выходить*).

—

Я в а IX.

Фылымонъ. (*Одынъ*). Онъ якъ колесо повернулось! И нимець закомандувавъ... Вчора трусывсь передо мною, а сёгодня грымае, свынею называе... Вси зрадіють, що звалылы Фылымона зъ ёго стильця, особлыво Дуняшка! Та мени не жаль такъ ни на кого, якъ на пана... За мои труды бье мене передъ усима въ морду... Та ще ёму цёго мало, выганяе на панщыну, на посмишище передъ усима мужыкамы! На панщыну—мене! Богъ зъ тобою... Гоны зъ очей, гоны на панщыну вирного слугу... гоны!... Та ты самъ будешъ плакать, якъ побачышъ Хвыльку у свыти, засміеного, оплёваного! Згадаете... Згадаете мене, бо нихто вамъ, Петро Петровычъ не угодыть, якъ мене не буде. (*Вытыра слёзы*). Чого жъ це я хныкаю? Ото дурень! Та у мене жъ грошей повна скрынька, та зъ гришмы я все зроблю, та зъ гришмы и втикты можна... А якъ грошы однимуть? Та ни, чорта лысого знайдуть, захована добре, не виддамъ, хочъ бы колесувалы. А може винъ погарячывся, може винъ вже й каится? Серце у нёго мягке,—може ще одумается, не треба впадать въ одчай. Такъ... Може ще й завтра ворогы мои у ножкы знову мени поклонятся! А щобъ пани угодыть, то я женюся на Дуняшци! (*Входыть Гаврюшка*).

Ява X.

Гаврюшка и Фылымонъ.

Гаврюшка. Выпустывъ вже Софрона и Карпа; нате ключы.

Фылымонъ. Поклады тамъ. (*Дзвинокъ*). Иды, Гаврюшка, ты, я не пиду,—Богъ зъ нымъ. Колы за мене спытае, скажы: сыдыть и плаче! (*Гаврюшка пишовъ у горныци*). Плаче! Це добре выдумавъ—жалю ёму завдать. (*Въ дверяхъ показуется атаманъ*).

—

Ява XI.

Атаманъ и Фылымонъ.

Атаманъ. (*Тыхо*). Фылымонъ Сыдоровычъ!

Фылымонъ. (*Кыдается*). Чого ты?

Атаманъ. Прывивъ Васылыну!

Фылымонъ. Ну іи къ чорту! Не треба, не треба! Иды, иды, щобъ хто не побачывъ... Нехай и вона йде соби до дому... Не чипай іи. Пани провидала... Софрона выпустылы—тутъ цила баталія була—не знаю ще, на чимъ все окошытся! Иды, иды! (*Входыть Гаврюшка*).

Фылымонъ. Ну, що?

Гаврюшка. Васъ клычуть.

Фылымонъ. Мене? Охъ! (*До атамана*). Иды жъ, иды, веды іи звидциля, чого стоишъ? (*Намочуе очы слыною*). А ну, Хвылька! Рятуй себе самъ, бо вси топлять тебе! (*Пишовъ*).

—

Ява XII.

Гаврюшка и Атаманъ.

Атаманъ. Отъ оказія! Що тутъ выйшло?

Гаврюшка. А, дядьку, бодай не казаты! Панъ у морду вдарылы Фылымона Сыдоровыча, а мене въ морду вдарылы Фылымонъ Сыдоровычъ!

Атаманъ. Ну? Треба жъ тикать, щобъ и мени якого зуба не выбывъ! Ну, жыття атаманське! Пиду зъ Васылыною кинчать весилля; теперъ по трудахъ и выпыть вартъ. (*Пишовъ*).

Ява XIII.

Гаврюшка. (*Одынъ*). Вси розбигаются, якъ мали курчата видъ шулики... А я все думаю: за що мене Фылымонъ Сыдоровычъ ляпнувъ по пыци? Не знаю. Та винъ и самъ не знае. (*Входыть Фылымонъ*).

Ява XIV.

Фылымонъ и Гаврюшка.

Фылымонъ. Гаврюшка, иды сюда (*Гаврюшка пидходыть*). Я тебе обыдывъ, не сердься на мене! (*Обнима и цилуе*). Теперъ зновъ наша взяла! Панъ заплакавъ, я заплакавъ—и помырылысь!

Зависа.

Одмина друга.

(*У Домахы въ хати. Горыть свитло и никого нема*).

Ява I.

(*Входыть Соломія*).

Соломія. И матери нема. Ну, такъ и йе. Хто жъ бы бильшъ пишовъ за атаманомъ въ двиръ, якъ не Васылына? Вона, вона,—бильшъ нікому. Я назырци йшла за ными до самого двору, а потимъ якъ воны зныклы у покояхъ, я побигла сюды довидаться, що маты робыть. Ажъ воно онъ якъ: и свитло горыть, и никого нема! Эге голубьята, мудруете! Свитло покынулы, мовъ дома сыдять, щобъ людямъ очи одвесты. А де-жъ и справди стара? Та що мени стара, якъ бы мени вывесты Васылыну на чысту воду, щобъ и Карпо знавъ, бо Софронъ не прызнается, покрые, щобъ люде не сміялыся. Намысто ось, а

де жъ хустка? Чы не надила? Скрыня не заперта... (*Одчыня скрыню*). Тутъ. Щось треба прыдумать. (*Вбигае Софронъ*).

—

Ява II.

Софронъ и Соломія.

Софронъ. (*Радисно*). Васылыно! Мамо... Хто жъ це?

Соломія (*на бикъ*). Не вспила Васылына панськый поригъ переступыть, вже й выпустылы!

Софронъ. Це ты, Соломіе? Що ты тутъ сама робышъ? А де жъ Васылына, де маты?

Соломія. А ты знову втикъ, чы якъ то сталось, що на воли?

Софронъ. Насъ обохъ выпустылы. И Карпо пишовъ до дому. Богъ зглянувся надъ намы. Кажутъ пани якось довидалась про все и выпустылы.

Соломія. Ха, ха, ха! Пани довидалась и выпустылы! А ты й повирывъ? Якый же ты легкодухый!

Софронъ. Де Васылына?

Соломія. (*Усмихается*). Догадайся!

Софронъ. Де Васылына? Кажы!

Соломія. Де жъ бильше твоя Васылына якъ не въ горныцяхъ.

Софронъ. (*Хвата іи за плечи*). Брешешъ, сатано!

Соломія. Та пусты, навиженый! Я тоби ничого не скажу, колы будешъ крычать та лаяться. Я назырци ходыла и знаю бильшъ, нижъ ты; я не слипа и не мала дытына.

Софронъ. Не дражны мене лукавымы речамы! Кожне твое слово, якъ молотъ бье мене по голови—доказуй! Доказуй же, чого мовчышъ?

Соломія. Ты бачывъ сёгодня намысто, що я тоби показувала?

Софронъ. Бачывъ.

Соломія. Дывысь, ось воно! Дебъ у неи таке дороге намысто взялося? Якъ я въ день прыходыла до неи, то вона була повьязана шовковою хусткою и въ цимъ намысти, а якъ

почула, що ты йдешъ, хустку заховала въ скрыню, а намысто не поспила скинуть, переляканася, щобъ ты не побачывъ, и розирвала. Отъ заглянь у скрыню, тамъ певно есть и хустка та.

Софронъ. (*Одчыня хутко скрыню*). Шовкова!

Соломія. И новисенька! А вона каже бабына.

Софронъ. Такъ чыя жъ вона? Чыя?

Соломія. У, Хома! То—подарунокъ. Панъ прыславъ въ обидъ передъ тымъ, якъ тебе прывелы, а оце вона пишла у двиръ—я сама бачыла.

Софронъ. Пишла?!

Соломія. Ей-Богу, правда!..

Софронъ. О-о-о! (*Сида*). Легче бъ мени було, якъ бы я побачывъ іи на лави.

Соломія. Годи, не мучъ себе! Вона пишла, щобъ вырятуваты тебе изъ москаливъ.

Софронъ. О, будь ты проклята за твою утиху и за твою звистку! Вона выдавыла разомъ зъ мого серця кохання до Васылыны! Краще бъ гора камьяная упала на мою голову и выдавыла изъ неи разомъ увесь мозокъ—легче бъ мени було, нижъ теперъ! (*Тре груды*).

Соломія. (*На бикъ*). Побижу, Карпови розскажу. (*Иде, входыть Домаха*). Прощай титко! (*Выйшла*).

Ява III.

Софронъ и Домаха.

Домаха. Софроне! Тебе вже выпустылы?—правду Дуняшка сказала...

Софронъ. Вы тилько вспилы провесты дочку у двиръ, а тутъ и мене выпустылы!

Домаха. Що ты балакаешъ? Опамьятайся! Я сыдила у паламаршы, ждала звисткы, що тебе выпустять, и тилько що...

Софронъ. Годи! Не одурышъ мене! Кажы, заразъ кажы—була у тебе оця хустка и намысто?

Домаха. Хустка... намысто... Яке намысто? У-перше бачу.

Софронъ. Такъ звидкиля жъ воно попало до тебе въ скрыню?

Домаха. Я ничого не знаю и не зрозумію твоихъ речей... Де жъ Васылына?

Софронъ. Ще й пытае, де Васылына? Ха, ха! Вона не розуміе? Згынь зъ очей моихъ, зводня стара! Вона не знае? А люде знають вже! [*Балака хутко, вхопывшы іи за руку*]. Иды заразъ до панського покою... Заразъ иды! И тамъ пидъ тыномъ жды твою дочку! Дочку твою жды, покы выйде звидтиля, и вкупи разомъ на одній гыляци задавиться! А сюда не йдить! Не йдить сюда, бо я васъ самъ тутъ подавлю обохъ!... Не стій же тутъ передъ очыма, счезны! И не вертайся сюда зъ дочкою своею, бо я васъ самъ подавлю, спалю въ огни обохъ!

Домаха. Боже мылостывый, винъ божевильный. [*Тика зъ хаты*].

—

Ява IV.

Софронъ одынъ, а потимъ Васылына, Карпо, Атаманъ, Домаха и Соломія.

Софронъ. О, Боже! За-вищо воны такъ мучать мене, безчестять мене?... И я имъ подарую свою наругу? и я не помщуся надъ нымы?... Ни! Стривайте! [*Бере нижъ*]. Пидпалю горныци зъ чотырёхъ угливъ, и воны згорять тамъ на вугилля, а колы выскочать зъ огню, порижу на шматкы. (*Входыть Васылына*).

Васылына. Софроне! Ты дома, тебе выпустылы? (*Входыть Карпо, атаманъ, Домаха и Соломія*). Мій мылый, мій коханий, яка я рада!

Софронъ. Рада, рада! Ха, ха! Рада, що прынесла мени свое безчестя? Зрадныця лукава. (*Кыдается на Васылыну зъ ножемъ*).

Васылына. Ай! (*Одскакуе. Атаманъ и Карпо хватають его за рукы*).

Карпо. Опамъятайся!

Атаманъ. Прыйды до розуму!

Софронъ. Пустить мене. (*Рвется*). Пустить, дайте мени волю іи й себе заризаты!

Домаха. Боже мій, винъ божевильный!

Васылына. Богъ зъ тобою, я ни въ чимъ не вынувата.

Карпо. И я тоби, брате, свидчу, що вона не вынна ни въ чимъ. Не мучъ себе.

Софронъ. А хустка, а намысто?

Атаманъ. То вже мій грихъ, я ій пидкинувъ, а вона не брала, хочъ прысягты.

Васылына. Тилько прымиряла.

Соломія. Теперъ и я бачу, що це правда.

Софронъ. Правда?

Вси. Правда! Заспокойся! (*Пускають его*).

Атаманъ. Мы все тоби розскажемъ потимъ.

Карпо. А теперъ обнимай свою вирну молоду, клычъ людей, та будемо справлять весилля.

Васылына. (*Пидходыть до Софрона*). Мылый мій, коханый! Глянь, глянь, я плачу... Бачышъ? Така моя душа чыста передъ тобою, якъ оци слёзы!

Софронъ. За-вищо жъ такъ насъ тяжко мучылы?

Ява V.

Ти-жъ и Гаврюшка (вбигае).

Гаврюшка. Дядьку Самійло, вы тутъ? Идить у двиръ, васъ клычуть, важне дило!

Домаха. О, Господы!

Вси. Що тамъ?

Гаврюшка. Панъ якыйсь прыйихавъ, кажуть, прывизъ всимъ намъ волю видъ царя!

Вси. Волю?! (*Тыхо опускаются навколишкы*).

Софронъ. (*Обнимае Васылыну*). Горлычко моя, ажъ теперъ скинчылысь нашы мукы!

Зависа.

ЧЕРНИГОВСКАЯ СТАРИНА.

(1765—1810 гг.)

По архивнымъ бумагамъ городской думы.

Въ бытность свою городскимъ головою въ Черниговѣ, я ознакомился въ 1885 г. съ состояніемъ архива городской думы, на сколько было возможно привелъ его въ порядокъ и убѣдился, что въ немъ есть не мало цѣннаго для исторіи города. На основаніи этого матеріала я рѣшилъ составить очеркъ состоянія Чернигова въ концѣ прошлаго вѣка. Тогда же сдѣлалъ не мало выписокъ изъ дѣлъ,—но затѣмъ въ 1886 г. я былъ избранъ предсѣдателемъ губ. земской управы и не имѣлъ уже возможности продолжать эту работу.—Теперь, на досугѣ разобравшись въ этихъ выпискахъ, я нашелъ не безполезнымъ подѣлиться съ читателями фактами, взятыми изъ первоисточника. Они могутъ пригодиться для историка.

I.

Городское хозяйство въ Черниговѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Городовое положеніе введено было въ Черниговѣ въ 1785 г.—Казенная палата передала вновь образованной думѣ вѣдомости городскихъ оброчныхъ статей, а въ январѣ 1786 г.

и поступившіе по этимъ статьямъ доходы, въ количествѣ 9074 р.—72½ к. Въ сохранившейся вѣдомости этихъ доходовъ болѣе крупными статьями являются сборы за торговыя лавки, за мѣста подъ торговыми коморами, ятками, шалашами, вѣтряными мельницами, шинковыми домами, сборы за сѣнокосы, рыболовныя озера, чиншевой сборъ „съ магистратскихъ подданныхъ" и за винную продажу, отдаваемую на откупъ въ пользу города.

Сѣнокосы, принадлежавшіе прежде на рангъ (присвоенные должности) войта, бургомистровъ и писаря городового магистрата и расположенные въ дачахъ с. с Количевки, Яновки и Анисова, въ 1786 г. по распоряженію генералъ-губернатора гр. Румянцева—Задунайскаго переданы были въ вѣдѣніе думы. Туда-же по указу казенной палаты, были переданы магистратскія и ратушныя имѣнія въ городахъ и внѣ ихъ, причемъ посполитые въ деревняхъ были оставлены въ вѣдѣніи казны. Но не на долго: въ 1789 г. оброчная вѣдомость объ этихъ людяхъ передана была губ. казначеемъ въ думу, для внесенія ихъ въ городскія окладныя книги. По вѣдомости этой, посполитыхъ городового магистрата было: въ Черниговѣ 5, въ д. Свинѣ 64, въ с. Березанкѣ 43, въ с. Хмельницѣ 101, въ д. Погорѣлкахъ 16 и въ с. Петрушинѣ 347. Чиншеваго сбора съ нихъ показано 171 р. 30 ¼ к.— Изъ дѣлъ не видно, сколько земли поступило во владѣніе города, сохранилось только предписаніе губернатора думѣ въ 1786 г. принять отъ смотрителей казенныхъ имѣній Черниговскаго уѣзда, сотеннаго атамана Шихуцкаго и канцеляриста Скейковскаго 11 р.—88 к. за проданный ими хлѣбъ изъ принадлежащихъ магистрату и его урядникамъ земель при с. с. Березанкѣ и Хмельницѣ и д. д. Свинѣ и Погорѣлкахъ.—Далѣе, въ 1801 г. въ доходныхъ книгахъ показано 170 д. 2052 с. пахатной земли. Земля эта сдавалась спольщикамъ за пятую копу въ пользу города, [1]) а поступившій послѣднему хлѣбъ продавался въ копахъ,

[1]) Подробнѣе объ этихъ условіяхъ говоритъ Шафонскій (Описаніе черн. намѣстничества. 1786 г.): „Пахатную землю берутъ у Черниговскихъ и другихъ обы-

при чемъ за копу ржи платили отъ 57—90 к. Въ настоящее время такія земли у насъ сдаются за половину урожая, съ приплатами отъ спольщиковъ по 1 р. и болѣе за дес., деньгами или работой. Умолотъ съ копы ржи на такихъ земляхъ бываетъ у насъ въ среднемъ около 8 п.; слѣдовательно, цѣна зерна была въ то время 10—12 к. за пудъ.

Въ 1785 г. казенная палата передала въ думу контрактъ на аренду 24 озеръ, „вступившихъ въ казенное вѣдомство съ владѣнія Черниговскаго магистрата". Интересны названія озеръ въ этомъ контрактѣ: „Старая Десна,—выше перевоза мѣскаго, два Торжина—вышній и нижній, Бузовая, Старая Десна за Прорвою между хуторами Магистратскимъ, Задесенскимъ и сѣножатью магистратскою, Галинъ, Глушецъ, Либеда, Кривое, Печище, Колы, Буяницкое, Пухово, Грузкое, Тихое, Гостишъ, нижній и вышній Стрижни, Цыганка, два Гулака, за Десенкою и Спаское". Арендная плата за эти озера была 250 р. въ годъ. Но въ другомъ мѣстѣ упоминаются „ранговыя магистратскія войтовскія" рыболовныя озера: Пчельскъ, Тростянецъ, Свинь, Стародубъ, Жертки, Плоское, Домаха, Девень и Плетни. Вѣроятно, съ присоединеніемъ ихъ, общій доходъ за озера показанъ въ 1785 года въ 787 р.—76 к.

Цѣны за аренду городскихъ лавокъ и за аренду городской земли подъ лавки и другія постройки были очень низки. Въ 1787 г. „старшинскій товарищъ мясницкаго цеху" представилъ за мѣсто подъ 13 мясными лавками 6 р.—60 к. за треть года. За мѣста на пятницкомъ полѣ подъ вѣтряными мельницами и кузницами платили по 25 к.—За рыбныя и другія лавки показанъ доходъ по 1 р. въ годъ. За мѣста, арендуемыя подъ жилые дворы, была плата отъ 60 к. до 6 р. въ годъ. Даже за мѣста, подъ шинковыми домами платили отъ 30 к. до 3 р. въ годъ. Въ

вателей подъ рожь съ пятаго, а подъ яровой съ седьмого-снопа или копы (въ пользу владѣльца), съ тѣмъ, что они ее выпашутъ, своими сѣменами засѣютъ и пожнутъ, и сами хозяину на гумно привезутъ.—Жнецамъ за уборку давали пятую и шестую копу.

числѣ арендаторовъ такихъ мѣстъ являются войсковой товарищъ Глинскій, полковой хорунжій Мазуръ и полковой писарь Мартиновскій.

Ярмарокъ въ Черниговѣ въ то время было четыре: Прокофьевская, Крещенская, Евстафьевская и Десятинская [1]). Общей суммы дохода съ нихъ въ пользу города не видно, но по отдѣльнымъ записямъ можно думать, что онъ былъ очень незначителенъ: въ обрывкѣ приходской вѣдомости за 1687 г. записано дохода съ Евстафьевской ярмарки 1 р.—31 к., а въ 1787 г. дохода съ Крещенской ярмарки показано 1 р.—90 к.

Виднымъ среди городскихъ доходовъ былъ откупъ винной продажи. Въ с. с. Петрушинѣ и Березанкѣ и д. д. Свинѣ и Погорѣлкахъ этотъ откупъ содержалъ въ 1785 г. бунчуковый товарищъ Черниговскій уѣздный предводитель дворянства Ив. Мих. Дунинъ-Барковскій, а въ с. Хмѣльницѣ—подпоручикъ Доничъ. Сколько именно откупъ въ этихъ селахъ приносилъ дохода, не видно, есть только отдѣльныя записи въ вѣдомости 1785 г., что отъ Дунинъ-Барковскаго поступило въ уплату 20 р.—16 к., а отъ Донича 27 р.—50 к., но за какое время, неизвѣстно.—

Въ 1786 г. изданъ указъ о предоставленіи винной продажи городамъ для увеличенія ихъ доходовъ, при чемъ предписано, чтобы „купецкимъ людямъ тутешняго города передъ посторонними имѣть преимущество", если посторонніе больше не дадутъ. Въ виду окончанія сроковъ контрактовъ, заключенныхъ съ казенною палатой, въ январѣ 1786 г. произведены были въ думѣ торги на откупъ винной продажи. Въ торгахъ, кромѣ упомянутыхъ представителей казенной старшины, участвовали еще войсковые товарищи Грембецкій и Ладонка. На торгахъ предложена прежняя арендная цѣна—1300 р. въ годъ, и откупъ оставленъ за мѣстными купецкими людьми. Губернаторъ, утвер-

[1]) Первыя 3 продолжались по 2 недѣли: Крещенская съ 15 января, Прокофьевская съ 10 Іюля и Евстафьевская съ 23 сентября, а десятинская продолжалась недѣлю и назначалась въ 10 недѣлю послѣ пасхи.

ждая эти торги, предписалъ представить ему вѣдомость о домахъ, „въ коихъ производится винная продажа по закону и о тѣхъ чиновничьихъ домахъ, гдѣ не имѣютъ права на эту продажу, для запрещенія имъ сего недозволеннаго промысла". Вѣдомость эта сохранилась въ дѣлахъ. Въ ней показано 22 шинка, принадлежавшихъ лицамъ не купеческаго и не мѣщанскаго званій, не имѣвшимъ права на производство винной продажи. Почти всѣ эти шинки принадлежали войсковой старшинѣ. Кромѣ упомянутыхъ уже фамилій, показанъ войсковой товарищъ Николай Константиновичъ, имѣвшій въ своемъ дворѣ винокурню, шинокъ и трактиръ. Упоминаются еще въ вѣдомости 2 шинка Елецкаго монастыря и 2—„катедральнаго" монастыря.—Въ другой вѣдомости—о шинкахъ, содержимыхъ купцами и мѣщанами, такихъ шинковъ показано 48. Въ числѣ ихъ упоминаются шинковые дворы цеховъ, шевскаго, рѣзницкаго и перепечайскаго.

Губернаторъ сообщилъ думѣ, что онъ послалъ эти вѣдомости коменданту Мухину, для распоряженія, чтобы на тѣхъ домахъ, гдѣ будетъ производиться винная продажа, прибить „въ приличныхъ мѣстахъ знаки по номерамъ, начиная первымъ отъ публичнаго мѣста (?)" [1]), а трактиры отъ простыхъ шинковъ отличить надписями на знакахъ и имѣть наблюденіе, чтобы другіе въ домахъ своихъ и на выставкахъ продажи не производили и тѣмъ не дѣлали подрыва взявшимъ на откупъ винную продажу.

Къ торгамъ на винную продажу на 1787 г. явились купецъ Вас. Малаховъ и уѣздный предводитель дворянства Дунинъ-Барковскій. Высшую цѣну—1350 р. объявилъ послѣдній. Но уполномоченные городского общества заявили, что за эту цѣну они оставляютъ аренду за обществомъ. Съ ними заключенъ былъ контрактъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что обществу представляется производить винную продажу въ городѣ, полагая границы

---

[1]) Вѣроятно, мѣсто публичной казни: въ дѣлахъ 1799 г. есть свѣдѣнія, что станокъ на базарѣ для наказанія преступниковъ содержался на городскія средства.

его, какъ есть въ вѣдѣніи коменданта Мухина" (плана города еще не было), собственнаго своего или покупнаго вина хорошаго качества, „безъ примѣси и огулки, указными вѣрными мѣрами, не выше указной цѣны. Продажу производить тѣмъ, кои обовяжутся въ откупную сумму производить платежъ, что на кого положено." Дума обязалась защищать общество, „чтобы помѣшательства въ продажѣ никто чинить не дерзалъ и чтобы не платящіе въ откупную сумму вина не продавали, не корчемствовали и винокуренія не производили".

Вообще, тогда уже началось ограниченіе свободнаго винокуренія. Въ дѣлахъ за 1786 г. найденъ указъ намѣстническаго правленія, въ которомъ изложено предписаніе доставить обстоятельныя вѣдомости, „сколько въ городахъ здѣшней губерніи состоитъ винокуренъ, чьи онѣ именно, въ сколькихъ котлахъ каждая, и тѣхъ винокуренъ хозяева по какимъ случаямъ ихъ имѣютъ,—по владѣнію-ли какимъ наданнымъ имѣніемъ или по одному въ городахъ жительству".

Въ бывшихъ магистратскихъ селахъ винная продажа и въ послѣдующіе годы производилась войсковыми чинами и дворянами. Въ 1796 г. въ Петрушинѣ она отдана была съ торговъ за 36 р. 25 к. въ годъ кол. рег. Силичу, а въ 1799 г. въ Хмѣльницѣ и въ другихъ селахъ ее содержали Глинскій, Шуманъ и Мазуръ. Аренды эти пользовались покровительствомъ: въ 1796 г. предписано было черезъ нижній земскій судъ магистратскимъ посполитымъ въ Петрушинѣ, чтобы, въ подрывъ откупщику винной продажи Силичу, виномъ никто тамъ, кромѣ него, не торговалъ и на свадьбы и другіе подобные случаи вина на сторонѣ не покупалъ.

Но и въ городахъ дворяне не охотно отвыкали отъ виннаго промысла: въ 1789 г. губ. правленіе предписывало городничимъ воспретить дворянамъ въ городахъ винную продажу въ подрывъ откупщикамъ, содержащимъ эту продажу на пользу города.

Болѣе значительной цифры статья съ откупа достигаетъ въ 1809 г. съ винною и медовою продажею 16000 р. въ годъ.

Въ приходо-расходной книгѣ за 1785 г., между прочимъ. есть счетъ расходовъ на починку дороги „по узвалью" отъ крѣпости до Краснаго моста. Тамъ приведены слѣдующія цѣны: за 50 возовъ лозы 2 р.—50 к., за возъ соломы 10—12 к., за доски для тачекъ 12—3 к. (колеса въ тачкахъ дѣлались изъ сосновыхъ кругляковъ), за сотню гвоздей 30—35 к., за дубовыя сваи по 15 к., за копу дубовыхъ кольевъ 40 к.—Въ той-же вѣдомости упоминается о покупкѣ 80 колодъ по 30 к. „для поставки въ городѣ въ приличныхъ мѣстахъ" фонарныхъ столбовъ.—Рабочимъ за полоненіе Десны платилось по 10 к. въ день, а „колодникамъ" (въ другомъ мѣстѣ они называются невольниками) отъ 3 до 5 к. за землянную работу.

II.

Евреи въ Черниговѣ.

Во всѣхъ денежныхъ книгахъ въ первые годы описываемаго періода, въ спискахъ торговцевъ, арендаторовъ и проч. не встрѣчается ни одного еврейскаго имени. Одно только оказалось исключеніе: въ дѣлахъ 1786 г. найдено прошеніе еврея Ицковича объ отдачѣ ему въ аренду мельницы съ валюшенными ступами на р. Бѣлоусѣ при д. Погорѣлкахъ и шинка въ с. Петрушинѣ. Дума, соглашаясь на эту аренду, обращалась съ рапортомъ къ губернатору, прося на это разрѣшеніе, такъ какъ «сама собою она отдать въ откупъ еврею Яцковичу не смѣетъ». Въ 1796 г. на торгахъ на отдачу въ аренду винной продажи при паромномъ перевозѣ участвовали два еврея; одинъ изъ нихъ былъ черниговскимъ мѣщаниномъ. Аренда осталась однако за мѣстнымъ купцомъ Леонтьевымъ. Въ томъ же году оказался еще еврей, черниговскій мѣщанинъ, рѣзчикъ печатей, имѣвшій домъ на городской землѣ.—Въ слѣдующіе годы число евреевъ стало видимо прибавляться. Въ 1803 г. четыре изъ нихъ подали въ думу прошеніе, что откупщики винной продажи въ Черниговѣ не соглашаются отпускать евреямъ для продажи водку и тѣмъ

лишаютъ ихъ средствъ къ жизни; что евреи готовы подвергаться всякому наблюденію и взысканіямъ, еслибы они злоупотребляли этою продажей; что по городовому положенію дума должна заботиться о благосостояніи гражданъ и водворять между ними миръ и согласіе; поэтому евреи просятъ приказать откупщикамъ отпускать имъ водку для шинкованія по такой-же цѣнѣ, какъ и прочимъ.—Дума не оправдала надеждъ просителей и оказалась не на высотѣ указанной ей задачи, отказавъ въ прошеніи и пояснивъ, что заставлять откупщиковъ она не вправѣ, и что просители могутъ достигнуть цѣли путемъ частнаго соглашенія.—Въ 1809 г. число евреевъ въ Черниговѣ было уже такъ значительно, что они уже составляли кагалъ, и было еврейское кладбище. Кромѣ стремленія къ шинкованію, поселившіеся здѣсь евреи обратились сразу къ другому легкому способу наживы—скупкѣ и перепродажѣ продуктовъ. Въ томъ-же 1809 г. дума, въ виду того, что евреи закупаютъ и вывозятъ изъ города пшеницу и тѣмъ производятъ недостатокъ ея и дороговизну, просила полицію наблюдать, чтобы перекупщики могли покупать хлѣбъ только послѣ назначеннаго времени. Время это было опредѣлено еще въ 1801 г., и устроенъ былъ флагъ для выставленія его на базарѣ, съ цѣлью воспрещенія перекупки продуктовъ до назначеннаго часа.

Изъ донесенія черниговскаго полковника Влад. Измайлова князю И. Ф. Барятинскому въ 1736 г. видно, что тогда на всей территоріи Черниговскаго полка было 49 евреевъ,—28 мужчинъ и 21 женщина,—переселившихся изъ Польши. Въ самомъ Черниговѣ ихъ вовсе не было.

Наплывъ евреевъ, конечно, не могъ быть пріятенъ мѣстнымъ торговцамъ, промышленникамъ и цеховымъ, которые очень дорожили своими привиллегіями и защищали ихъ не только противъ евреевъ. Въ 1786 г. дума просила комендантское управленіе воспретить женѣ трубача Черниговскаго полка Куксихѣ нанимать свои лавки на базарѣ другимъ, такъ какъ она «подъ вѣдомствомъ магистрата ни въ какой статьѣ не состоитъ; слѣдовательно и не должна пользоваться въ городѣ промысломъ,

купечеству и мѣщанству присвоеннымъ». Въ 1787 г. мѣщанинъ Березовскій, заявляя думѣ, что «до сего времени въ Черниговѣ никто изъ здѣшняго купечества и мѣщанства не содержали харчевенъ, а содержали таковыя разные пріѣзжающіе великороссійскіе люди, не имѣющіе къ тому права», проситъ отвести ему для харчевни мѣсто и «чтобы посторонніе никто, не имѣющіе права въ семъ промыслѣ, не чинили помѣшательства». Въ томъ же году старшинскіе товарищи перепечайскаго цеха просили возобновить съ ними контрактъ на аренду земли «подъ калачницкими ятками» на Пятницкомъ полѣ,—«поелику мы сего перепечайскаго ремесла художники».—Въ 1797 г. дума усмотрѣла, что разночинцы, солдатскіе жены и пріѣзжіе торговые люди пользуются не предоставленнымъ имъ мѣщанскимъ промысломъ, т. е. продаютъ на базарахъ и на ярмаркахъ, ранѣе открытія ихъ, въ раздробь свои товары, въ подрывъ мѣстному мѣщанству. Для преслѣдованія этого дума отрядила двухъ гласныхъ. Но вѣроятно, эти гласные не выполнили своей миссіи: въ томъ же году дума обратилась къ коменданту, прося его наблюдать за сроками торговли на ярмаркахъ, такъ какъ пріѣзжіе купцы торгуютъ дольше положеннаго срока и тѣмъ дѣлаютъ подрывъ мѣстной торговлѣ.

Не могло быть пріятно умноженіе евреевъ и тѣмъ мѣстнымъ жителямъ, которые нуждались въ городской землѣ для построекъ. Евреи создавали конкуренцію и, такимъ образомъ, увеличивали цѣну городской земли. До тѣхъ поръ земля эта отдавалась на особенно льготныхъ условіяхъ: изъ дѣлъ 1796 г. видно, что съ мѣщанъ, занимавшихъ землю подъ постройки, дума взыскивала единовременно всего по 2 к. за кв. саж.

III.

Состояніе городскаго управленія.

Городское управленіе въ первое время кажется далеко не на высотѣ своего призванія. Отстаивая, какъ мы видѣли торго-

вые интересы купцовъ и мѣщанъ, представители этого управленія не отличались такою ревностью къ другимъ общественнымъ дѣламъ. Можетъ быть этимъ, а можетъ быть неумѣньемъ сжиться съ самоуправленіемъ объясняется частое вмѣшательство въ городскія дѣла со стороны администраціи. Въ 1786 г. губернаторъ А. С. Милорадовичъ предписалъ, въ виду окончанія сроковъ, отдать вновь въ аренду разныя городскія статьи и при этомъ указалъ на ст. 167 городоваго положенія—„стараться о приращеніи доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по приказу общества Призрѣнія". Далѣе увидимъ, что городъ въ содержаніи этихъ заведеній принималъ значительное участіе.

Въ томъ-же году губернаторъ предписалъ устранить безпорядки въ паромномъ перевозѣ. Онъ указываетъ, что „люди при перевозѣ ежечасно находятся *напилые*". Иные при перевозѣ должны ожидать по недѣлѣ, и „сіи подлые люди, довлетворя своему корыстолюбію, вымогаютъ у переѣзжающихъ деньги и, не наблюдая никакой очереди, перевозятъ тѣхъ, кто больше заплатитъ". Затѣмъ предписывается поручить одному изъ благонадежнѣйшихъ людей по усмотрѣнію думы наблюденіе, чтобы переправа производилась непремѣнно по очереди, „исключая курьеровъ и другихъ знатныхъ лицъ, и отнюдь да не имѣли-бы перевѣсу какія-либо взятки, и особливо вымогательнымъ образомъ пріобрѣтаемыя и слѣдовательно грабежомъ почитаемыя."— Паромный перевозъ, вмѣстѣ съ хуторомъ и сѣнокосами за Десною, былъ тогда въ арендѣ у полковаго писаря Мартиновскаго. Безпорядки при перевозѣ продолжались. Въ 1787 г. губернаторъ снова далъ знать думѣ, что Мартиновскій злоупотребляетъ при взиманіи сборовъ за перевозъ, при чемъ внушаетъ, что дума поступила незаконно, сдавая всѣ указанныя статьи общею арендой, а не порознь, и что дума была не вправѣ вводить условіе, что починка паромовъ принимается на счетъ города, „не имѣя ни малѣйшей власти употреблять въ расходъ ни одной копѣйки безъ позволенія." Въ заключеніе губернаторъ спрашиваетъ, кто изъ засѣдающихъ въ думѣ находился въ засѣданіи, когда отдавалась эта аренда, и кто подписалъ опредѣленіе.

Нельзя не упомянуть при этомъ, что паромный перевозъ черезъ Десну былъ въ то время очень оживленнымъ. Тогда было 3 судна для переправы (теперь два), а въ 1787 г. былъ устроенъ на Деснѣ еще и „плавной“ мостъ. Въ бумагахъ того года есть донесеніе гласнаго Семена Матусевича, что отпущенные ему 1200 р. на устройство этого моста онъ уже израсходовалъ и проситъ отпустить ему еще 300 р. Сохранился въ дѣлахъ и приказъ генералъ-маіора Льва Григ. Бухгольца о командированіи отъ думы пріемщика для полученія отъ артиллерійской команды пяти якорей для плавнаго моста. Въ томъ-же году проложенъ новый почтовый трактъ на Выбли и Горбовъ, и подъ этотъ трактъ отошла часть городскихъ сѣнокосовъ. Вѣроятно, оживленное движеніе по этому направленію объясняется тѣмъ, что это трактъ на Нѣжинъ, бывшій въ то время, какъ извѣстно, однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ на югѣ Россіи.— Кромѣ тѣхъ льготъ при перевозѣ, о которыхъ говорится въ приведенномъ предложеніи губернатора, въ указѣ намѣстническаго правленія 1787 г. разъяснено, чтобы за перевозъ на паромѣ не брать платежа „съ полковой старшины, козаковъ, посполитства, духовенства,—привозящихъ съѣстные и питейные припасы, съ курьеровъ и воинскихъ командъ; брать-же съ свободныхъ внутреннихъ, тако жъ великороссійскихъ и чужеземныхъ купцовъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, а съ малороссійскаго народа, которые будутъ проѣзжать для своихъ нуждъ, а не по купечеству, по силѣ онаго 1734-го года именнаго указа, перевоза отнюдь не брать“.

Относительно счетоводства и обращенія съ денежными суммами дѣло въ тогдашнемъ городскомъ управленіи стояло очень неудовлетворительно. Въ 1786 году казенная палата извѣстила, что ей предписано свидѣтельствовать ежемѣсячно счеты изъ всѣхъ мѣстъ въ губерніи. Между тѣмъ, кромѣ Березинской и Глинской, ни одна дума ни за одинъ мѣсяцъ такихъ отчетовъ не представила, и потому въ составленіи генеральнаго отчета въ палатѣ произошла остановка. При этомъ приложены формы для счетовъ и вѣдомости оброчнымъ статьямъ и предписано ис-

полнять порядокъ отчетности и въ строгомъ порядкѣ вести ежедневные балансы. Въ концѣ того-же года палата снова подтвердила предписаніе представить мѣсячные отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ, такъ какъ до того времени дума ни за одинъ мѣсяцъ отчетовъ не представила. Такая неисправность продолжалась и въ слѣдующіе годы: въ дѣлахъ 1796 г. есть запросъ казенной палаты 18 іюля, думѣ, почему она до сихъ поръ не прислала вѣдомости объ оброчныхъ статьяхъ, которая должна высылаться въ началѣ года.—Нужно думать, что засѣдавшіе въ думѣ вообще плохо справлялись съ веденіемъ денежныхъ книгъ и отчетовъ. Въ 1809 г. городскія денежныя суммы свидѣтельствовались уже повѣтовымъ судомъ, стряпчимъ и полиціймейстеромъ, вмѣстѣ съ засѣдающими въ думѣ.

Распоряженіе денежными суммами также вызывали опеку и замѣчаніе администраціи. Въ 1786 г. губернаторъ, предлагая думѣ починить съѣзды съ Краснаго моста,—и не фашинникомъ и лозою, какъ прежде, а толстымъ лѣсомъ,—и прополонить Десну для свободнаго хода паромовъ, указалъ, „чтобы на это было истрачено не болѣе, какъ тратилось до того времени каз. палатою". Въ томъ-же году губернаторъ написалъ, что городскія суммы не только не содержатся въ приличномъ и безопасномъ мѣстѣ, но розданы взаймы по векселямъ и хранятся въ разныхъ рукахъ. Поэтому предписано коменданту Мухину освидѣтельствовать городскія суммы и на будущее время хранить ихъ за общими печатями засѣдающихъ въ думѣ и ежемѣсячно доносить о свидѣтельствованіи ихъ.—Такое безцеремонное обращеніе съ городскими суммами продолжалось, однако, долго: въ 1799 году предписано было думѣ, въ виду предстоящихъ городскихъ построекъ, наличной суммы никому не выдавать, а розданную съ заемщиковъ взыскивать. Въ 1787 г. губернаторъ, разрѣшая думѣ черезъ лужу между Зеленымъ и Палевымъ мостами устроить новый мостъ, по составленной землемѣромъ смѣтѣ въ 117 р.—60 к., прибавилъ, что если будетъ сдѣлано непрочно, то исправленіе будетъ сдѣлано на счетъ засѣдающихъ въ думѣ за ихъ недосмотръ.—Въ 1788 г. намѣстническое правленіе предписало

думѣ, чтобы сборщики вносили платежи въ казначейство тою самою мѣдною и серебряною монетою, какою собираютъ отъ плательщиковъ, и не обмѣнивали монеты на ассигнаціи для своей корысти, такъ какъ казначейства затруднены размѣномъ при выдачѣ жалованья. Сборщики-же берутъ за промѣнъ рубля отъ 5 до 8 к.

Дума не имѣла точныхъ свѣдѣній и о городскихъ имуществахъ. Въ 1785 г. войсковой товарищъ Глинскій заявилъ, что дума неправильно не принимаетъ отъ него денегъ за аренду паромовъ, на томъ будто-бы основаніи, что они не внутри города состоятъ. Теперь, „выправясь обстоятельно", что пріемъ этихъ денегъ подлежитъ точно въ думу, онъ представляетъ за полгода 87 р., проситъ принять деньги и „его въ томъ заквитовать". Это было скоро послѣ введенія город. положенія,—а дальше въ 1788 г. находимъ запросъ земскаго исправника, до какихъ мѣстъ по кіевской дорогѣ простираются городскія дачи. Дума отвѣтила, что генеральнаго размежеванія губерніи не было, и она точныхъ границъ городскихъ земель не знаетъ.

Произвольные захваты городскихъ земель были въ большомъ ходу.

Въ 1796 г. губернаторъ, объѣзжая губернію, узналъ, что городскія земли захватываются, и предписалъ черниговской думѣ изслѣдовать это дѣло. Дума командировала для этого двухъ гласныхъ. Но они не могли исполнить порученія,—отчасти потому, что во многихъ случаяхъ не могли добиться признанія захвата, а отчасти по неумѣнію обмѣрять мѣста: квадратами, дескать, не вездѣ можно мѣрять, такъ какъ въ концѣ оказываются аршины и дробныя мѣры. Поэтому дума написала въ городовой магистратъ о порученіи городскому старостѣ созвать общество для допроса о захваченныхъ земляхъ и просила командировать землемѣра. То и другое было сдѣлано и обнаружено, что произвольно занятыхъ земель болѣе 5 десятинъ. Много послужили къ обнаруженію и справки изъ дѣлъ казенной палаты о подобныхъ случаяхъ. Дума рѣшила съ мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ взыскать за эту землю единовременно по 2 к. и оста-

вить мѣста за ними, сократив только нѣкоторыя большія усадьбы, чтобы остатки имѣть въ запасѣ для другихъ, а съ чужихъ и съ мѣстъ, зажитыхъ для промышленныхъ цѣлей, назначить годовую арендную плату.

Въ дѣлахъ за это время есть указанія о надѣленіи города выгонными землями. Въ октябрѣ 1791 г. прислана была въ думу выписка казеннымъ и монастырскимъ землямъ, отходящимъ въ выгонъ. Въ 1796 г. дѣло это не подвинулось. Дума представляла губернатору, что плана на эти земли не было, и онѣ не переданы окончательно городу.

Губернаторъ предложилъ, не ожидая этого, отдать тѣ земли подъ засѣвъ. Въ томъ же году, въ перепискѣ по поводу произвольной застройки городскихъ земель, дума объ этихъ земляхъ говоритъ, что онѣ выгонныя, „назначаемыя для выгоды всѣмъ гражданамъ, наипаче для постройки домовъ, кто на это имѣетъ право, за плату городу узаконненныхъ денегъ.“—Въ 1799 году по указу сената повелѣно составить планы земель вокругъ городовъ на двѣ версты, для надѣленія выгонами. При этомъ указать число жителей города и принадлежность окружающихъ его земель. Въ указѣ выражено, что, можетъ быть, выгоновъ довольно будетъ и на версту.—Въ дѣлахъ 1810 г. найдено требованіе полиційместера отпустить ему 60 столбовъ и 30 брусьевъ для постановки знаковъ назначенной вокругъ города двухверстной дистанціи.

На сколько исправно велись дѣла въ думѣ, даже подъ давленіемъ высшихъ инстанцій, видно изъ исторіи составленія обывательской книги. Въ 1786 г. губернскій магистратъ предписалъ городовому употребить „наиприлежнѣйшее раченіе о немедленномъ сочиненіи обывательскихъ книгъ, не извиняясь отнюдь никакими отговорками, ибо въ противномъ случаѣ неослабно будутъ штрафованы по законамъ. Какой-же происходить будетъ въ ономъ книгъ сочиненіи успѣхъ и сколько сочинено и безъ сочиненія еще оставатимется, о томъ черезъ каждыя двѣ недѣли рапортовали-бы намѣстническому правленію и губернскому магистрату.“ — Городовой магистратъ предложилъ городскому головѣ

Бублику изъ представленныхъ отъ старосты Колодкевича списковъ, совмѣстно съ выбранными отъ города депутатами, составить обыкновенную книгу и о ходѣ дѣла извѣщать городовой магистратъ черезъ каждыя двѣ недѣли. Далѣе въ дѣлѣ есть рапортъ Колодкевича о представленіи списка черниговскихъ купцовъ и мѣщанъ,—но списка этого не найдено.—Въ томъ же году мѣщане братья Голубовы представили выборному старостѣ „доказательство" о родѣ и службѣ своей, для внесенія въ обывательскую книгу. Голубовы заявили, что они за прадѣда, дѣда и отца имѣютъ дворъ и въ немъ живутъ съ семействами. Представляя «купчій записъ» на имущество, они упоминаютъ, что „хотя и другіе имѣлись въ насъ о службахъ нашихъ документы, но оные, по нашей простотѣ, а паче какъ въ давнія времена сего не требовалось, растеряны". Далѣе, они просятъ внести ихъ „по благоразсмотрѣнію въ городскую обывательскую книгу, въ приличную намъ статью".—Въ августѣ 1787 г. дума назначила собраніе купцовъ, мѣщанъ и церковныхъ въ помѣщеніи магистрата, чтобъ получить отъ нихъ свѣдѣнія для внесенія въ обывательскую книгу и для обсужденія того, что по Высочайшей грамотѣ городскому обществу дозволено имѣть общественный домъ для собранія и архива, печать съ городскимъ гербомъ, своего писаря и особливую казну изъ своихъ взносовъ,—„а всего этого нѣтъ". Затѣмъ въ томъ же году городовой магистратъ снова напоминалъ о скорѣйшемъ составленіи обывательской книги. Дума объясняла медленность составленія тѣмъ, что еще не состоялось постановленіе объ отводѣ головѣ съ депутатами особой горницы для разсмотрѣнія списка и сочиненія книги, также о собраніи денегъ на покупку бумаги и наемъ писцовъ для переписки книги."—Еще въ дѣлахъ 1788 г. найденъ запросъ городового магистрата думѣ объ успѣхѣ составленія обывательской книги, но затѣмъ—объ этомъ никакой переписки нѣтъ, и, на сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ думы и изъ расходовъ, книга эта и не была составлена.

IV.

Обстановка городского управленія.

Обстановка городского управленія была очень непригляднa. Мы уже видѣли, что дума не имѣла даже особой „горницы“ для занятій. Въ дѣлахъ 1786 г. найдено предписаніе намѣстническаго правленія коменданту Мухину избрать въ присутственныхъ мѣстахъ въ крѣпости мѣсто для храненія дѣлъ малороссійской коллегіи, присланныхъ въ Черниговъ. Мѣста тамъ не оказалось. Поэтому предписано думѣ очистить для этихъ дѣлъ комнату, гдѣ она засѣдаетъ, а для себя избрать другой домъ. Дума отвѣтила, что не можетъ этого исполнить, такъ какъ засѣдаетъ временно въ той же комнатѣ, гдѣ сиротскій судъ. Ей снова предписано исполнить это, пріискавъ себѣ домъ изъ обывательскихъ или цеховыхъ.—Въ 1792 г., упоминается расходъ на дрова, свѣчи и канцелярскіе матерьялы для думы, съ объясненіемъ, что прежде, когда дума помѣщалась съ магистратомъ, дрова и свѣчи были общія, а съ разломаніемъ магистратскаго корпуса, дума помѣщается въ обывательскихъ домахъ, и приходится покупать все отдѣльно.—Въ 1797 г. дума помѣщалась „постоемъ“ въ домѣ Прусова. Но Прусовъ выбранъ отъ общества почтальономъ, а дома почтальоновъ отъ постоя освобождались. [1]) Поэтому городовой магистратъ предложилъ думѣ помѣститься въ городскомъ домѣ, купленномъ у Гулевича. Дума отвѣтила, что тотъ домъ далеко отъ базара и крѣпости, за Стрижнемъ, и улица къ нему весною затопляется. Поэтому думѣ тамъ быть неудобно. А такъ какъ общественнаго дома нѣтъ, то дума просила отвести для нея другой обывательскій домъ вблизи базара.—Изъ переписки того-же года видно, что для засѣданій городскому головѣ и при-

---

[1]) Въ дѣлахъ 1786 г. найдено увѣдомлѣніе малороссійскаго почтамта, что дума не должна взыскивать 2 р.—50 к. подушнаго оклада съ почтальона Герас· Овчиннюка съ сыномъ, „дабы не могъ онъ отговориться бѣдностью въ исправномъ исполненіи службы“,—такъ какъ, „по силѣ всевысочайше конфирмованнаго о почтахъ въ Малой Россіи 765 г. учрежденія, малорос. почтальоны отъ всѣхъ общественныхъ службъ и податей, также и домы ихъ отъ постою увольнены“.

сутствующимъ не было стола въ думѣ, а было такое „безобразіе“, что засѣдающіе занимались на канцелярскихъ столахъ. Тогда постановили купить столъ, 12 стульевъ и красное сукно.—Въ 1799 г. дума почему-то просила разрѣшенія губернатора на продажу „мебелей“ изъ городскаго дома, гдѣ помѣщаются магистратъ и дума.—Въ 1802 г. за наемъ домовъ для магистрата и думы платилось по 4 р. въ мѣсяцъ. Тогда-же производилась починка въ деревянномъ домѣ, гдѣ помѣщалось отдѣленіе казенной палаты и гдѣ разрѣшено городовому магистрату занять нѣсколько комнатъ.—Наконецъ, въ этомъ году рѣшено приступить къ постройкѣ каменнаго дома для магистрата и думы. Для этого отобрано было отъ купца Леонтьева арендуемое имъ мѣсто. Денегъ на постройку было мало, и у Остерской думы заняли 3000 р. Потомъ было представленіе о займѣ еще 6000 р. Изъ дальнѣйшей переписки видно, что всего долга на постройку сдѣлано было болѣе 10 т. р. Уплата ихъ была разсрочена на 10 лѣтъ, начиная съ 1807 г.—Магистратъ и дума перешли въ новый домъ въ іюлѣ 1806 г. Домъ этотъ оставался въ первоначальномъ видѣ до 1886 г., когда надъ нимъ надстроенъ былъ второй этажъ.

Содержаніе отъ города избираемымъ думою должностнымъ лицамъ было очень скудно, да и уплачивалось оно неисправно. На счетъ города, кромѣ думы, содержались два бургомистра, 4 ратмана и канцелярія городоваго магистрата, а также мѣщанскіе засѣдатели губернскаго магистрата и совѣстнаго суда. Размѣръ содержанія всѣмъ этимъ лицамъ и учрежденіямъ не выясненъ,—но изъ денежной книги за 1796 г. видно, что на жалованье секретарю и канцелярскимъ служителямъ городоваго магистрата отпущено было за треть 191 р. 66$^1/_2$ к. и на канц. матеріалы 33 р. 33$^1/_2$ к. Въ другой статьѣ этой книги показано, что на канц. расходы думы издержано за треть 10 р. 51 к., а „исправляющему дѣла“ и его помощнику выдано за треть: первому—54 р. 50 к., а второму—8 р. 32 к. Изъ той-же книги видно, что публичный нотаріусъ получалъ изъ думы жалованья 150 р. въ годъ.—Въ 1796 г. мѣщанскіе засѣдатели

жаловались губернатору, что они долго не получають жалованья. Причина оказалась въ томъ, что Прилуцкая, Нѣжинская, и Березинская думы не высылали въ Черниговскую слѣдуемыхъ съ нихъ на это денегъ. Губернаторъ предписалъ, какъ только получатся деньги отъ тѣхъ думъ, выдать ихъ засѣдателямъ.

На сколько можно судить и по дѣламъ, и по разсказамъ стариковъ о времени, близкомъ къ описываемому періоду, въ городскія должности шли тогда не охотно, и избираемыя въ эти должности лица далеко не всегда соотвѣтствовали своему назначенію и не пользовались авторитетомъ среди обывателей. Первымъ городскимъ головою послѣ введенія городового положенія 1785 г. былъ упомянутый уже Бубликъ. Въ 1787 г. шли въ Черниговѣ дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ императрицы Екатерины II. Гр. Румянцевъ-Задунайскій предписывалъ подробные церемоніалы встрѣчи. И городской голова долженъ былъ участвовать въ разныхъ народахъ. Но Бубликъ въ декабрѣ представилъ медицинское свидѣтельство, что „по глубокой старости и разслабленію всѣхъ частей тѣла, онъ не можетъ находиться въ продолженіи должности своей“. Намѣстническое правленіе, „чтобы при церемоніалахъ и обрядахъ не могло быть затрудненія“, поручило губернскому магистрату избрать на мѣсто Бублика другого способнаго. Магистратъ избралъ войсковаго товарища Демьяна Леонидова. Избраніе Леонидова изъ войсковой старшины, и притомъ необычнымъ способомъ, было сдѣлано, конечно, въ видѣ исключенія, для парада. Дальнѣйшіе же городскіе головы были изъ купцовъ и мѣщанъ. Въ 1792 г. головою былъ купецъ Михаилъ Цвѣтъ, а за нимъ были Владиміръ Леонтьевъ, Василій Грищенко, Андрей Шумаковъ, Кирилло Грибъ и въ 1810 г. Иванъ Колодкевичъ. Въ бумагахъ 1796 г. среди подписей засѣдающихъ въ думѣ встрѣчается подпись Феофила Тремле, по-нѣмецки, прекраснымъ почеркомъ, съ переводомъ другимъ почеркомъ по-русски.

Какова была вообще тогда среда городскихъ избирателей, какъ они относились къ выборамъ въ общественныя должности,

и какое было отношеніе къ занимавшимъ эти должности,—можно видѣть изъ слѣдующихъ эпизодовъ, Въ 1786 г. губернскій магистратъ далъ указъ городовому магистрату, чтобы при подписи за неграмотныхъ непремѣнно обозначалось имя подписывающаго грамотнаго. Указъ вызванъ тѣмъ, что неграмотный судья черниговскаго словеснаго суда Ковбаса оказался подписаннымъ на рапортѣ въ губ. магистратъ какъ-бы собственноручно, безъ обозначенія, кто именно по его уполномочію подписываетъ. Въ декабрѣ 1799 г. въ залѣ народнаго училища производились выборы въ городскія должности. Отъ каждаго цеха, отдѣльно по управамъ, выбирались гласные въ думу. (При этомъ, кромѣ указанныхъ, упоминаются еще цехи: кравецкій (портные), ковальскій (кузнецы), гончарскій и ткацкій. Выбирали гласныхъ и обыватели по шести частямъ города. Затѣмъ, городской голова писалъ въ ковальскую цеховую управу, что ковали избрали въ гласные, „искалѣченнаго, такъ что по испорченію въ него носа, произносимыя имъ рѣчи не ясны и почти совсѣмъ не понятны"; поэтому предложено избрать другого, способнаго, который соотвѣтствовалъ-бы возлагаемому на него званію. Въ дѣлахъ того-же года сохранилась повѣстка думы купечеству и мѣщанству, чтобы 6 января прибыли „въ чистомъ одѣяніи" въ Богоявленскую церковь и по окончаніи литургіи отправлялись „чинно" съ духовенствомъ на водоосвященіе на Стрижень. Въ 1802 г., на торгахъ, въ думѣ купецъ Гвардія изругалъ городского голову и присутствующихъ и выгналъ ихъ изъ присутствія. Голова скрылся въ магистратъ, но Гвардія и тамъ преслѣдовалъ его и бранилъ. Дума, донося объ этомъ губернскому правленію, проситъ предать виновнаго суду.

При описанныхъ условіяхъ дѣятельности городскаго управленія, въ дѣлахъ городскихъ преуспѣянія не замѣчалось: доклады города не увеличивались; новыхъ источниковъ не прибавлялось (только въ 1801 г. въ указѣ, „о возстановленіи городового положенія и грамоты городамъ" дарованы городамъ казенныя торговыя бани),—и черезъ 15 лѣтъ послѣ введенія городового положенія по денежнымъ книгамъ думы видимъ, что

доходовъ города исчислено 10756 р. 72 к., а расходовъ было 12161 р. $88^{1}/_{2}$ к., т. е. цифры остались почти тѣ-же, что были въ 1786 г.—

V.

Проѣздъ императрицы Екатерины II чрезъ Черниговъ.

Выше было упомянуто о приготовленіяхъ къ проѣзду императрицы Екатерины II. Объ этомъ событіи сохранилось не мало данныхъ въ дѣлахъ думы 1786 и отчасти 1787 г. г. 13 марта 1786 г. послѣдовалъ указъ императрицы о заготовленіи лошадей по станамъ дла ея путешествія. Отъ Петербурга до Кіева на каждомъ стану назначено по 550 лошадей. Отъ Кіева до Новаго Кайдака, гдѣ назначено быть Екатеринославу, ѣхать на судахъ. Отъ Екатеринослава до Харькова—по 420 лошадей. Отъ Харькова до Москвы—снова по 550. При этомъ предписано, чтобы повинность эта была распредѣлена равномѣрно между намѣстничествами. Затѣмъ намѣстническое правленіе прислало въ думу слѣдующее росписаніе станцій для путешествія императрицы: г. Березна—25 верстъ, Брусиловъ—23 в., Черниговъ—15 в.,—ночлегъ, день и обѣдъ; Выбли—15 в., Куликовка—15 в., Дремайловка—19 в., Нѣжинъ—24 в.,—ночлегъ, Володькова - Дѣвица—15 в., Носовка—15 в. Извѣстивъ объ этомъ, намѣстническое правленіе потребовало, чтобы для лошадей, которыя будутъ поставлены предводителемъ дворянства на черниговскую станцію, починить и покрыть соломою сарай. Затѣмъ комендантское правленіе предложило—состоящія за Стрижнемъ сдѣланныя для лошадей квартировавшаго здѣсь черниговскаго карабинернаго полка конюшни починить или вновь сдѣлать для лошадей, заготовленныхъ къ путешествію императрицы и устроить сарай для упряжи. Тріумфальныя ворота, стоявшія на могилевскомъ трактѣ, въ отдаленіи отъ города, губернаторъ предложилъ думѣ перенести къ почтовому при г. Черниговѣ дому. Щитъ, стоящій въ крѣпости противъ генералъ-губерна-

торскаго дома, приготовляемаго для принятія императрицы, и сдѣланный для иллюминаціи при бывшемъ открытіи намѣстничества, губернаторъ предписалъ исправить и окрасить. На почнинку щита и на пріобрѣтеніе матерьяловъ для иллюминаціи ассигновано было думою 275 р., но затѣмъ потребовалась доассигновка. Въ счетъ этого расхода показаны слѣдующія цѣны: пудъ „шпигинару“ 40 к., 800 желѣзныхъ колецъ по 9—10 к., пудъ „лою“ (свѣчнаго сала) 2 р. 90 к., фунтъ камфоры 2 р. 25 к., ведро олею 1 р. 20 к. Чтобы не было задержки при переправѣ черезъ Десну, губернаторъ предписалъ, чтобы къ двумъ двухбайдачнымъ городскимъ паромамъ взять временно два однобайдачные монастырскіе—одинъ съ Анисовскаго перевоза, другой съ Количевскаго. Гласный думы Бердниковъ, которому поручено было осмотрѣть паромы, въ донесеніи своемъ упоминаетъ паромы Троицкаго, Ильинскаго, Елецкаго и Пятницкаго дѣвичьяго монастырей, два Количевскихъ, два Анисовскихъ, два городскихъ и особо одинъ Пятницкаго монастыря „на р. Деснѣ за с. Брусиловымъ, по тракту до Выбель“. Затѣмъ послѣдовалъ указъ намѣстническаго правленія, съ приложеніемъ присланнаго гр. Румянцевымъ росписанія обѣденныхъ столовъ, ночлеговъ, объ устройствѣ домовъ, со всѣми уборами и домашними снарядами. Особенно предписано наблюдать, чтобы они были теплы, и сквозныхъ вѣтровъ отнюдь не было. Затѣмъ предписано приготовиться, что намѣрены предводители, магистраты и думы сдѣлать для доказательства ихъ усердія. Постановлено также дать знать губ. предводителю дворянства кол. ас. Полетикѣ и всѣмъ думамъ и ратушамъ, не пожелаетъ-ли кто изъ лежащихъ внѣ пути императрицы принять участіе во встрѣчѣ. По порученію намѣстническаго правленія, дума отправила мѣщанина Березовскаго въ Калугу и Москву для закупки обоевъ, стекла и изразцовъ для печей, для устройства путевыхъ домовъ къ путешествію императрицы. Изразцы предписано купить гладкіе, цвѣтовъ палеваго и бѣлаго съ синимъ, но безъ пестроты [1]).

---

[1]) Въ дѣлахъ 1788 г. есть переписка о томъ, что войсковому товарищу Леонидову поручено было продать книги, портреты и эстампы, принадлежавшіе акаде-

Губернаторъ предписалъ думѣ поправить и укрѣпить плавной мостъ на Деснѣ, а близь крѣпостныхъ воротъ устроить пирамиды для зажженія плошекъ. Дорога отъ почтоваго двора за Стрижнемъ до крѣпости была обсажена сосонками. „Непорядочныя строенія" на пути императрицы были снесены. Въ концѣ 1786 г. намѣстническое правленіе послало въ разныя учрежденія губерніи указъ о томъ, чтобы всѣ, назначенные къ присутствованію при встрѣчахъ императрицы и вв. князей, находились на своихъ мѣстахъ, согласно маршруту. При этомъ сообщено, что „ея императорское величество прибыть изволитъ сей губерніи на первую станцію въ городъ Березну января 21". Въ городовомъ магистратѣ по этому поводу опредѣлено: „Старостѣ городовому Манойлѣ Збинцу дать указъ, чтобы онъ всѣмъ подвѣдомымъ магистрату г. Чернигова жителямъ объ ономъ предпріемлемомъ всевысочайшемъ шествіи черезъ повѣстку далъ знать, съ тѣмъ, чтобы они для учиненія распоряженій относительно встрѣчи при вступленіи ея имп. величества въ здѣшній городъ и изъявленія должнаго усердія явились къ общему совѣту въ городовой магистратъ и гор. думу, а за таковою ихъ всѣхъ явкою, совмѣстно съ ними и город. думою, учинить о томъ къ надлежащему завременному пріуготовленію общее распоряженіе, о чемъ увѣдомить и городскую черниговскую думу". Наконецъ, въ дѣлахъ 1787 г. найдено слѣдующее предписаніе гр. Румянцева о порядкѣ встрѣчи императрицы: „1. Г. г. порутчики имѣютъ находиться на границахъ ихъ губерній, внѣ тріумфальныхъ воротъ, по лѣвой сторонѣ съ пріѣзду, на челѣ собраннаго тамъ дворянства, гражданства и землянъ, для отданія всенижайшаго поклона ея имп. величеству. Затѣмъ, всѣ должны спѣшить въ губернскій городъ, чтобы тамъ быть во время на своихъ мѣстахъ. 2. По прибытіи императрицы въ губернскій городъ, всѣмъ старшимъ чинамъ и прочимъ по степенямъ нахо-

---

міи наукъ, примѣрно на 1000 р. Леонидовъ представилъ губернатору 213 р., а затѣмъ умеръ. Губернаторъ поручилъ гор. головѣ выбрать благонадежнаго человѣка, для дальнѣйшей продажи. Какъ попали сюда эти предметы, изъ дѣла не видно. Можетъ быть, присланы были для украшенія путевыхъ домовъ императрицы.

диться на гласисѣ, а по прибытіи во дворецъ, первыхъ двухъ степеней чинамъ явиться туда, а остальнымъ оставаться внѣ двора и ожидать дальнѣйшаго указа. 3. При допущеніи къ аудіенціямъ, наблюдать чины и мѣста. 4. Въ присутственныхъ мѣстахъ имѣть торжественныя засѣданія три дня передъ прибытіемъ и три дня по прибытіи, на случай, если угодно будетъ ея величеству нѣкоторыя изъ нихъ осмотрѣть. 5. Въ уѣздныхъ городахъ городничіе, какъ отправляющіе должность коменданта, должны находиться при въѣздѣ въ городъ съ лѣвой стороны воротъ на челѣ членовъ присутственныхъ мѣстъ, дворянъ, гражданъ и пр., а предводители дворянства должны сопровождать до границы уѣзда“.

VI.

Предметы вѣдомства городского управленія и состояніе Чернигова въ 1785—1810 г.

Теперь упомянемъ о тѣхъ извлеченныхъ изъ архива фактахъ, которые могутъ дать понятіе о предметахъ вѣдѣнія городского управленія и вообще о состояніи города въ описываемое время.

О тогдашнемъ штатѣ полиціи не найдено указаній въ архивѣ. Видно, между прочимъ, что въ 1802 г. было въ городѣ 11 полицейскихъ будокъ. Слѣдовательно, полицейскій надзоръ былъ распредѣленъ гораздо лучше, чѣмъ въ настоящее время: теперь, при значительномъ расширеніи города и увеличеніи числа жителей, этихъ будокъ только три. Полицейскія должности замѣщались выборными изъ купцовъ и мѣщанъ. О соотвѣтствіи полиціи своему назначенію могутъ дать понятіе слѣдующіе факты: въ дѣлахъ 1797 года найдена переписка объ устройствѣ городомъ, по предложенію правительства, казармы на 67 человѣкъ. Городское общество согласилось произвести эту постройку изъ корпусовъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ. Относительно-же отопленія казармъ постановили: такъ

какъ съ пріѣзжающихъ на базаръ съ дровами полиція беретъ съ воза по одному полѣну, но куда эти дрова употребляются обществу неизвѣстно, то проситъ начальство, чтобы собираемыя такимъ образомъ дрова употреблялись на отопленіе казармъ. А если ихъ не хватитъ, то общество дополнитъ. Въ 1799 г. послѣдовалъ указъ о томъ, что такъ какъ въ городахъ опредѣленные въ полицейскія должности купцы и мѣщане, не имѣя ни навыка, ни нужныхъ свѣдѣній, не могутъ отправлять ихъ съ надлежащею исправностью, то Высочайше повелѣно опредѣлять на эти мѣста изъ оставшихся за упраздненіемъ должностей чиновниковъ.

Огнегасительныя средства города во время введенія городового положенія 1785 г. были очень скудны. Въ 1786 г. комендантъ Мухинъ донесъ губернатору, что сдѣланныя отъ бывшаго магистрата вилы, крюки желѣзные, телѣги съ бочками и кожаныя ведра негодны, и что въ шести частяхъ города нужно имѣть по 4 бочки съ телѣгами, по 2 вилы, крюка и метлы и по одному щиту. Губернаторъ предписалъ думѣ все исправить и пополнить „безъ излишняго издержанія суммы городскихъ доходовъ", а также заказать заливныя трубы.

Для заказа пяти трубъ трехъ сортовъ командированы были въ Кіевъ гласные думы Поддубенко и Шидловскій. Заказъ сданъ былъ кіевскимъ мѣщанамъ Звонику и Шведенку. Задатка дано имъ 400 р. О полной стоимости трубъ не найдено свѣдѣній. Въ 1787 г. дума просила разрѣшенія губернатора построить амбаръ для храненія трубъ. Но губернаторъ разрѣшилъ занять для этого сарай, устроенный для экипажей при проѣздѣ императрицы, въ крѣпости, близь корпуса казенной палаты. Въ 1797 г., въ виду того, что трубы портились отъ неумѣлаго обращенія, дума опредѣлила, чтобы на пожарахъ дѣйствовали трубами по нѣсколько человѣкъ отъ каждаго цеха. Въ дѣлахъ есть и списокъ выбранныхъ для этого цехами людей. Въ 1801 г. въ пожарномъ обозѣ были тѣ-же 5 трубъ. Въ 1809 г. отдѣльнаго помѣщенія для пожарной команды не было, а для нея нанимались думою частныя помѣщенія. Постоянныхъ пожарныхъ ло-

шадей было мало: изъ переписки 1810 г. видно, что ихъ тогда было только 10. Продовольствовалъ ихъ полиціймейстеръ на отпускаемыя думою суммы.

Освѣщеніе города было также не блестящее. Изъ дѣлъ 1796 г. видно, что по требованію полиціи въ высокоторжественные дни зажигались отъ думы въ фонаряхъ сальныя свѣчи. Число фонарей не показано. Видно только, что въ томъ году израсходовано 5 пудовъ, т. е. около 2200 свѣчей. Въ 1801 г. дума вызывала желающихъ устроить 110 столбовъ для освѣщенія города въ торжественные дни. Изъ этой переписки видно, что фонари назначены были для главныхъ улицъ, а для освѣщенія другихъ у думы не было средствъ. Въ дѣлахъ 1810 г. найдены счеты, показывающіе, что освѣщеніемъ фонарей завѣдывалъ полиціймейстеръ на отпускаемыя думою деньги.

Онъ-же нанималъ на счетъ думы и четырехъ городскихъ трубочистовъ.

Дѣло общественнаго призрѣнія въ описываемое время стояло въ Черниговѣ выше, чѣмъ теперь. Кромѣ сохранившихся при нѣкоторыхъ церквахъ старинныхъ «шпиталей», въ дѣлахъ думы за 1796 г. упоминается общественная богадѣльня, на содержаніе которой назначалась аренда за нѣкоторыя городскія мѣста. Въ 1799 г. упоминается городская богадѣльня, гдѣ призрѣвались нищіе. На содержаніе ея отпускалось городскому головѣ по 100 р. въ годъ. Въ томъ-же году, по предложенію губернатора, дума передала приказу общ. призрѣнія аренду кирпичнаго завода, принадлежавшаго архіерейскому дому, для выдѣлки кирпича для фундамента и печей казенной богадѣльни для содержанія нищихъ, устраивавшейся приказомъ. На счетъ приказа содержался и смирительный домъ. Изъ переписки 1796 г. видно, что на содержаніе заведеній, находившихся въ вѣдѣніи приказа, отпускалось изъ думы по 2000 р. въ годъ, а въ счетахъ 1809 г. показано, что для содержанія «дома воспитанія бѣдныхъ» дума давала приказу ежегодно по 2618 р.—Была еще общественная богадѣльня при кладбищенской церкви. Въ дѣлахъ 1799 г. найдено донесеніе смотрителя этой богадѣльни,

что собиравшіяся прежде карнавками по церквамъ приношенія, поступавшія на содержаніе богадѣльни, теперь обращены консисторіею на содержаніе вдовъ и сиротъ священнослужителей городскихъ церквей. Поэтому богадѣльня лишилась средствъ, и смотритель просилъ думу назначить пособіе на ея содержаніе. Дума назначила для этого по 150 р. въ годъ.—Наконецъ въ дѣлахъ 1810 г. упоминается «убѣжище» въ концѣ Преображенской улицы, построенное думою на занятыя у приказа деньги [1]).

Относительно учебныхъ заведеній тогдашній Черниговъ былъ едва-ли не выше настоящаго. Въ 1789 г. постройки упраздненнаго Пятницкаго дѣвичьяго монастыря назначены были для помѣщенія главнаго народнаго 4-хъ класснаго училища, и приказъ предписалъ думѣ отпустить на исправленіе этихъ построекъ173 р. 53 к. Дѣло съ этимъ училищемъ подвигалось быстро: устраивалась мебель и вся обстановка для него, и платилось за все изъ назначенныхъ отъ города на содержаніе училища суммы 2000 р. Въ томъ-же году училище было открыто. Во главѣ его стоялъ назначенный тогда-же директоръ народныхъ училищъ маіоръ Почека, получавшій отъ думы жалованья 500 руб. въ годъ. Опредѣлено 4 учителя. Двумъ—старшихъ классовъ—назначено жалованья, по 300 р. учителю 2 класса—200 руб., а 1 класса—150 руб. въ годъ. Послѣдній получалъ еще за обученіе рисованію во всѣхъ класахъ 150 р. въ годъ. Преподавателемъ нѣмецкаго языка договоренъ былъ по контракту профессоръ Шалье за 355 р. въ годъ. Училище это на первыхъ-же порахъ пріобрѣло большое довѣріе. Епископъ черниговскій Ерофей присылалъ туда отборныхъ учениковъ духовной семинаріи, для приготовленія изъ нихъ учителей въ уѣздныя училища.—Завѣдываніе содержаніемъ принадлежало приказу общ. призрѣнія.—Въ 1805 г., училище

---

[1]) При смирительномъ домѣ приказа была больница для богадѣльниковъ, призрѣваемыхъ приказомъ. Богадѣльниковъ этихъ было 9 мужчинъ и 23 женщины. При городской богадѣльнѣ на кладбищѣ, устроенной главнымъ образомъ, на средства ген. маіора Петра Степановича Милорадовича, и призрѣвавшей 7 мужчинъ и 6 женщинъ, была также больница, устроенная дворянами Енько. (Шафонскій. Опис. Черн намѣст. 1786).

это преобразовано въ гимназію, которая помѣщена въ бывшей крѣпости, въ домѣ, построенномъ для генералъ-губернатора.

Въ дѣлахъ 1801 г. упоминается городское ремесленное училище. Въ томъ-же году изъ денежныхъ книгъ видно, что изъ думы отпускалось 500 р. въ пособіе приказу на содержаніе четырехклассныхъ народныхъ *школъ*, но сколько было ихъ, изъ дѣлъ не видно. [1])

Слово „школъ" подчеркнуто вотъ почему: въ 1790 г. присланъ въ думу указъ губ. правленія, что состоялось Высочайшее повелѣніе—народныя училища называть „просто школами".— Извѣстно, что распоряженія императора Павла отличались нерѣдко оригинальностью, а болѣе всего рѣзкимъ антагонизмомъ съ распоряженіями предъидущаго царствованія. Въ архивѣ найдено нами нѣсколько указовъ, отличающихся такимъ характеромъ. Въ 1799 г. предписано было на двухъ въѣздахъ въ городъ устроить шлагбаумы безъ рогатокъ. Въ 1801 г., немедленно по воцареніи Александра I, эти шлагбаумы уничтожены. Въ предписаніи объ ихъ уничтоженіи сказано, впрочемъ, чтобы ихъ хранить „на предбудущее время, въ случаѣ военнаго гарнизона". При этомъ упоминаются уже на 2, а 4 шлагбаума.—Другой Высочайшій указъ того-же года предписываетъ, чтобы не служащихъ дворянскихъ дѣтей въ службу по статской части никуда не записывать. Въ томъ-же году полученъ указъ изъ сената, чтобы „стараться объ очищеніи городовъ отъ несвойственнаго имъ помѣщичьяго населенія". По этому поводу губернаторъ требовалъ отъ думы свѣдѣній, „кто изъ помѣщиковъ имѣетъ въ городѣ землю и крестьянъ и сколько именно; за какую сумму они согласны уступить все городу; что сдѣлала въ этомъ отношеніи дума, и въ состояніи-ли городъ пріобрѣсти покупкою или обмѣномъ."—Въ 1796 г. послѣдовалъ указъ сената отъ 13 сентября о наборѣ по 5 рекрутъ съ 500 душъ, а съ купечества по 500 р. за рекрута. Вслѣдъ затѣмъ полученъ указъ о всту-

---

[1]) Шафонскій упоминаетъ еще 6 училищъ при церквахъ, гдѣ дьячки обывательскихъ дѣтей русской грамотѣ обучаютъ.

пленіи на престолъ императора Павла, и скоро послѣ этого новый указъ-объ отмѣнѣ упомянутаго набора. Въ томъ-же году и того-же числа изданъ указъ о новомъ тарифѣ съ вывозныхъ и привозныхъ товаровъ,—а 20 ноября того-же года императоръ Павелъ отмѣнилъ новый тарифъ и предписалъ брать таможенныя пошлины по прежнему.—Въ 1797 г. издано Высочайшее повелѣніе, „чтобы въ печатныхъ указныхъ книгахъ 1762 года вырвать листы—въ одной съ 13 по 21-й, а въ другой—съ 17 по 30-й, гдѣ бы эти книги ни находились, и листы эти немедленно доставить генералъ-прокурору."

Въ вѣдѣніи думы находился и острогъ. Положеніе заключенныхъ въ немъ „колодниковъ" было не завидное. Это видно, между прочимъ, изъ указа губернатора Андрея Степановича Милорадовича въ 1788 г. Въ указѣ этомъ губернаторъ требовалъ постройки добавочной казармы и препроводилъ для этого отъ себя 158 р., чтобы „изъ единаго человѣколюбія и благоуваженія къ роду человѣческому, поправить тягостное осуждаемыхъ состояніе, такъ какъ неумѣренная тѣснота стѣсняетъ ихъ состояніе и оттого рождаются разнообразныя болѣзни, сугубо обременяющія ихъ положеніе."—[1]) Въ 1801 г. старый деревянный острогъ былъ проданъ съ торговъ. Для новаго куплено было за 100 р. мѣсто у Елецкаго монастыря близъ второго земляного вала. На постройку новаго острога назначено было по смѣтѣ 14187 руб. Постройка въ слѣдующемъ году была окончена. Обошлась она въ 16546 р. За недостаткомъ городскихъ суммъ, дума заняла въ

---

[1]) Упомянемъ, кстати, имена другихъ губернаторовъ и разныхъ болѣе значительныхъ лицъ, какія встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ архивныхъ дѣлахъ. А. С. Милорадовичъ умеръ въ 1796 г. Послѣ него былъ губернаторомъ Яковъ Леонтьевичъ Бакуринскій, до того черн. вице-губернаторъ. Въ 1801 г. назначенъ губернаторомъ баронъ Иванъ Вас. Френсдорфъ Онъ былъ до 1809 г., а въ октябрѣ этого года исправлялъ должность губернатора Николай Антоновичъ Милорадовичъ.—Вице-губернаторами послѣ Бакуринскаго были: Руновскій Павелъ, Чернышевъ и Мих. Як. Сахновскій.—Въ 1802 г. губ. маршаломъ утвержденъ ст. сов. Сгороженко, а повѣтовымъ Андрей Дунинъ-Борковскій.—Въ 1789 г. совѣстнымъ судьею Черн. намѣстничества избранъ Лохвицкій, а предводителемъ дворянства кол. ас. Иванъ Милорадовичъ. Двор. засѣдателемъ совѣстнаго суда былъ тогда Василій Милорадовичъ.

приказѣ 1000 р., въ казенной палатѣ 3000 р. а за кирпичъ задолжала приказу 1545 р. По скудости городскихъ средствъ, дума ходатайствовала, чтобы хотя этихъ долговъ не взыскивали и приняли ихъ на счетъ правительства. Результатъ этого ходатайства неизвѣстенъ.

По поводу приведеннаго указа А. С. Милорадовича, нельзя не замѣтить, что вообще дѣловыя бумаги того времени не отличались такимъ сухимъ формальнымъ тономъ, какой установился въ нихъ въ послѣднее время. Въ нихъ нерѣдко проглядываетъ наивность, иногда звучитъ юморъ, а иногда выражаются, какъ въ указѣ о тягостномъ состояніи колодниковъ, возвышенныя человѣческія чувства. Какъ образецъ бумаги съ такими чувствами, нельзя не упомянуть указа опекунскаго совѣта 1796 г., въ которомъ сообщается, что поручикъ Тышкевичъ изъявилъ желаніе взять на свой счетъ воспитаніе приносныхъ дѣтей, для чего выстроилъ домъ въ м. Носовкѣ, Нѣжинскаго уѣзда. Губернскій магистратъ, препровождая копію этого указа въ думу, проситъ ее оказывать Тышкевичу содѣйствіе. Въ указѣ, между прочимъ, выражено: „пріемля съ достодолжнымъ признаніемъ такое, достойное памяти грядущихъ вѣковъ намѣреніе, клонящееся къ сбереженію рода человѣческаго и приносящее пользу и честь имперіи Россійской...“ и т. д.

Чтобы исчерпать предметы вѣдѣнія тогдашней думы, насколько они выясняются изъ разсмотрѣнныхъ архивныхъ дѣлъ, остается сказать немного. Въ 1788 г. упоминается въ денежныхъ книгахъ расходъ въ 354 р. 21 к. на устройство ледника и погреба при оспенномъ домѣ. Изъ дѣлъ 1797 г. выясняется, что оспенный домъ помѣщался въ городскомъ домѣ на Лѣсковицѣ, принадлежавшемъ прежде Кіево-печерской лаврѣ.

Въ описываемое время дума содержала 4 герберга. Это были трактиры, учрежденные казною и сданные думѣ на откупъ.

Изъ дѣлъ 1799 года видно, что на думу возложена была обязанность отводить участки земли въ распоряженіе малороссійской врачебной управы для засѣянія ревенными сѣменами.

Обширной торговли въ Черниговѣ тогда не было. Она почти исключительно служила для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія [1]).

Фабрикъ и заводовъ не было, кромѣ мелкихъ винокуренъ. Мѣстная промышленность, виды которой опредѣляются приведенными выше названіями цеховъ, стояла не высоко, удовлетворяя также только незатѣйливыя потребности мѣстныхъ жителей. Названіе улицъ—Хлѣбопекинская, сохранившая это названіе и теперь, и Гончарская—указываютъ на то, что хлѣбниковъ и гончаровъ было въ городѣ особенно много. Между гончарами были и такіе, что дѣлали не одну простую глиняную посуду. Въ 1797 г. мѣщанинъ Дѣдушковъ, дѣлавшій горшки и изразцы, просилъ отвести ему мѣсто для промысла надъ Кіевскою дорогой, возлѣ цегельни (кирпичнаго завода) Елецкаго монастыря, такъ какъ онъ живетъ среди построекъ, и горнъ для выпалки его издѣлій можетъ быть опасенъ для сосѣдей. Въ 1799 г. упоминается гончаръ, дѣлавшій зеленые изразцы для печей. Теперь въ Черниговѣ вовсе нѣтъ гончаровъ.—Въ дѣлахъ 1786 г. найдено прошеніе приписаннаго въ черниговское мѣщанство Мирона Курбатова „пребывающаго въ дѣланіи серебрянаго искусства", объ отводѣ ему „на форштатѣ" земли для поселенія [2]). Строительные мастера до начала настоящаго столѣтія были исключительно мѣстные. Въ счетахъ 1801 г. о перестройкѣ городского дома на базарной площади, гдѣ жилъ вице-губернаторъ, встрѣчается въ первый разъ подрядчикъ изъ Тульской губ.—Приведенныя фамиліи показываютъ, что болѣе

---

[1]) Одинъ только 1-й гильдіи купецъ Иванъ Енько велъ значительную и даже заграничную торговлю, вывозя изъ-за границы, главнымъ образомъ, сукна и австрійскія косы. (Шафонскій, Опис. Черн. намѣст.).

[2]) Шафонскій представляетъ слѣдующій списокъ ремесленниковъ въ 1786 г.: портныхъ, съ кушнѣрами (скорняки) и шапочниками 30, ткачей 6, сапожниковъ 46, мясниковъ 16, гончаровъ 9, хлѣбниковъ 56, кузнецовъ, мѣдниковъ и оловяничниковъ 8, слѣсарей 2, музыкантовъ 5, переплетчиковъ 2, серебрениковъ 2, иконописцевъ 2 и жестяникъ 1.—Первыя 7 категорій составляли цехи. Кромѣ перечисленныхъ мастеровъ, во всѣхъ цехахъ было 198 подмастерьевъ и учениковъ.

искусными мастерами являются великороссы. Понятно, что въ Малороссіи, въ теченіе двухъ столѣтій не имѣвшей отдыха отъ войнъ, междоусобій и татарскихъ набѣговъ, раззорившихъ ее въ-конецъ, промышленность развиться не могла.

Итогъ городскихъ построекъ въ концѣ прошлаго столѣтія виденъ изъ слѣдующаго: въ 1797 г. сенатъ спрашивалъ, какія есть въ городѣ строенія, принадлежащія думѣ, и когда они устроены. Дума отвѣтила, что есть слѣдующія городскія строенія: 1) 9 лавокъ для свѣжей рыбы. Построены въ 1792 г. Обошлись въ 121 р.—2) Герберный домъ, построенный въ 1793 г. Стоитъ 5668 р.—3) Сарай для почтовыхъ лошадей, построенный въ 1793 г. Стоитъ 87 р.—90 к.—4) Ятки для продажи хлѣба. Построены въ 1794 г. Стоятъ 189 р.—5) Амбаръ для мѣры хлѣба и амбаръ для вѣсовъ. Построены въ 1794 г. Стоятъ 136 р.—6) Дубовая старая колода для мѣры хлѣба. Починена и построено надъ нею „подташье" въ 1794 г. Обошлось это въ 111 р.—7) Устроенный отъ общества купцовъ и мѣщанъ домъ, гдѣ была почтовая станція. Оставшійся впустѣ, онъ опредѣленъ подъ госпиталь воинскихъ людей. На починку истрачено 340 р.—8) Купленный у Гулевича домъ за 2500 р.—9) 18 деревянныхъ лавокъ, построенныхъ въ 1796 г. Обошлись въ 3146 р.—10) 56 совершенно старыхъ деревянныхъ лавокъ. —11) За Десною при паромѣ двѣ избы—одна для паромщиковъ, другая для шинка. Построены въ 1793 г. за 272 р.

Тогдашнее состояніе города обрисовывается болѣе полно слѣдующимъ документомъ: въ 1799 г. губернаторъ спрашивалъ, сколько нужно въ годъ бревенъ и дровъ для продовольствія безлѣсныхъ городовъ,—въ виду Высочайшаго повелѣнія о снабженіи ихъ лѣсомъ изъ казенныхъ дачъ. Дума отвѣтила, что въ Черниговѣ всѣхъ домовъ гражданъ 705 (около половины настоящаго числа); торговыхъ бань 3, кирпичныхъ заводовъ 4, монастырей 2 [1]), церквей 12, семинарскія и народныя школы,

[1]) Собственно говоря, тогда былъ только одинъ монастырь въ Черниговѣ. Въ 1786 г., послѣ отобранія въ казну монастырскихъ крестьянъ, Борисоглѣбскій

смирительный и оспенный домы, двѣ богадѣльни — приказа обществ. призрѣніе и общественная—и острогъ.

Прекрасную характеристику Чернигова того времени находимъ въ другомъ документѣ того-же 1799 г. Дума ходатайствовала о томъ, чтобы въ Черниговѣ было меньше гербергов или чтобы были назначены по прежнему 4, но низшаго разряда, т. е. съ платою меньшаго акциза. При этомъ приводятся такіе мотивы: „Хотя городъ сей и губернскій, но будучи не такъ, какъ прочіе города по купеческой комерціи и по другимъ надобностямъ до главныхъ городовъ проѣзжающихъ трактовой, то кромѣ однихъ только въ немъ по судамъ тяжущихся иногородныхъ временно проживающихъ, весьма рѣдко когда и мало другихъ народовъ и знатныхъ господъ проѣзжающихъ и временно пребывающихъ бываетъ“. Далѣе поясняется, что хотя и есть въ гербергахъ кушанья и напитки, но и здѣшнее гражданство, и пріѣзжающіе покупаютъ все въ погребахъ и лавкахъ и пользуются въ квартирахъ и домахъ.—Характеристика эта подходитъ и къ современному Чернигову. И теперь у насъ мало „проѣзжающихъ другихъ народовъ и знатныхъ господъ бываетъ“. И теперь нашъ среднiй обыватель, особенно старожилъ, не любитъ публичныхъ развлеченій и предпочитаетъ домашнюю обстановку.

VII.

Топографія Чернигова въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Теперь у меня остались только архивныя замѣтки, заключающія въ себѣ указанія на расположеніе тогдашняго города,

---

каѳедральный, Троицкій, Ильинскій и Пятницкій дѣвичій монастыри были закрыты. Въ помѣщеніяхъ Борисоглѣбскаго велѣно быть архіерейскому дому, Ильинскій назначенъ для университета, а въ строеніяхъ Пятницкаго помѣщено, какъ уже сказано, главное народное училище. Въ 1790 г. повелѣно помѣщенія арх. дома при бывшемъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ занять для присутственныхъ мѣстъ, а арх. домъ устроить при бывшемъ Ильинскомъ монастырѣ.

названіе улицъ, площадей, строеній и проч. Замѣтки эти очень отрывочны, и потому, пополняя оставляемые ими пробѣлы, главнымъ образомъ, изъ „Описанія Черниговскаго намѣстничества“ А. Шафонскаго, составленнаго въ 1786 г., и изъ другихъ описаній стараго Чернигова, я постараюсь изобразить возможно полный планъ Чернигова въ описываемое время, пользуясь при этомъ и найденнымъ въ архивѣ думы планомъ Чернигова 1790 г.—На планѣ этомъ нѣтъ масштаба и экспеликаціи, но, при помощи другихъ источниковъ, онъ разъясняетъ многое.

Городъ въ концѣ прошлаго вѣка состоялъ изъ 6 частей.

Первую часть составляли крѣпость и пространство между Гончею улицей и старымъ землянымъ валомъ по Стрижню, до того мѣста, гдѣ Гончая пересѣкается перпендикулярнымъ къ ней направленіемъ этого вала.

Крѣпость—это древній „дѣтинецъ“, упоминаемый лѣтописями въ XI в. Послѣ многократныхъ раззореній, она возобновлена была около 1670 г. черниговскимъ полковникомъ В. А. Дунинымъ-Борковскимъ [1]). Въ описываемое время она окружена была валомъ и сухимъ рвомъ, на протяженіи болѣе $1^1/_2$ в. Валъ этотъ самою длинною стороной направлялся вдоль нынѣшней Преображенской улицѣ съ бульварами. Съ этой стороны вели изъ крѣпости Прогорѣлыя или Николаевскія ворота, съ мостомъ черезъ ровъ. Ворота эти находились противъ Гончей улицы. Далѣе валъ нѣсколько уклонялся къ ю.-з. и потомъ заворачивалъ по линіи, идущей позади нынѣшней гимназіи. На этой линіи были изъ крѣпости Водяныя ворота къ Стрижню, проникавшему тогда подъ самымъ валомъ. Наконецъ, сторона вала, замыкавшая его, направлялась по линіи нынѣшняго шоссе. Здѣсь, близъ Екатерининской церкви, были Любечскія ворота.

[1]) Въ 1736 г. полковникъ Измайловъ доносилъ гр. Румянцеву, что замокъ черниговскій „мало гдѣ былъ спорченъ; надлежащею земляною работою совсѣмъ какъ надлежитъ, также и палисадникомъ оконченъ и въ добромъ находится состояніи, и въ ономъ по имѣющимся раскатамъ батареи подѣланы и пушки вездѣ разставлены“.

Вѣроятно, эти ворота были значительнаго размѣра: въ дѣлахъ думы 1788 г. найдено свѣдѣніе, что на ихъ починку нужно было болѣе 300 р. Въ западной части вала, надъ нынѣшнимъ предмѣстьемъ „Кавказъ", было отдѣльное укрѣпленіе, устроенное московскимъ воеводою Загряжскимъ въ 1667 г. и названное тогда малымъ верхнимъ городомъ, а въ описываемое время называвшееся цитаделью или замкомъ. Оно занимало небольшую площадку, въ длину около 25, а въ ширину около 20 саж., было окопано особымъ валомъ и имѣло форму неправильнаго пятиугольника. Въ укрѣпленіи этомъ отсиживались русскіе воеводы отъ казаковъ, долго не могшихъ примириться съ воеводскимъ управленіемъ. Укрѣпленіе это было снабжено амбаромъ для боевыхъ снарядовъ, землянымъ пороховымъ погребомъ и потаеннымъ подземнымъ ходомъ къ Стрижню, для добыванія воды въ случаѣ осады. Въ концѣ XVII в. воевода Полюбинъ, по челобитью, находившагося въ цитадели московскаго гарнизона, построилъ тамъ церковь кн. Михаила и боярина его Ѳедора. Церковь эта въ 1766 г. по ветхости была разобрана. Крѣпость упразднена по распоряженію императора Павла въ 1798 г., а въ 1803 г., когда утвержденъ былъ планъ города, представленный на утвержденіе еще въ 1787 г., валъ крѣпостной съ западной и сѣверо-западной сторонъ былъ срытъ.

До 1750 г. внутреннее пространство крѣпости было застроено очень густо. Здѣсь находились дома болѣе знатныхъ и зажиточныхъ жителей, избравшихъ для поселенія мѣсто, защищенное отъ частыхъ въ прежнее время непріятельскихъ вторженій. Улицы были очень тѣсны, а дома въ нѣсколько этажей, съ выступающими верхними этажами, затѣнявшими улицы до того, что на нихъ, долго, говорятъ, не таялъ ледъ. Пожаромъ 1750 года почти все это было уничтожено. На планѣ 1790 г. въ крѣпости показано 37 построекъ. Болѣе выдающимися постройками были два соборныхъ храма. Главный храмъ—Преображенскій былъ приходскимъ. Въ его приходѣ было 59 дворовъ и 535 душъ обоего пола. Послѣ сильнаго поврежденія его пожаромъ 1750 г., онъ былъ окончательно возстановленъ въ

1798 г. Борисоглѣбскій теплый соборъ въ первой половинѣ XVII в., принадлежалъ, какъ извѣстно, католическому Доминиканскому монастырю. Послѣ изгнанія поляковъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, монастырь этотъ обращенъ въ православный и названъ Борисоглѣбскимъ каѳедральнымъ. Келій, оставшихся отъ доминиканцевъ, быо 22. Половина ихъ въ два этажа, помѣщалась между колокольней и любечскими воротами, а другая половина стояла на югъ отъ собора и представляла одноэтажные постройки. Въ этой половинѣ помѣщалась латинская школа, переведенная сюда въ началѣ прошлаго вѣка архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ. Для учениковъ этой школы въ верхнемъ ярусѣ колокольни, надъ колоколами, устроена была тѣмъ же архіепископомъ церковь Іоанна Богослова. Въ 1776 г. школа была преобразована въ семинарію и переведена въ купленный для нея за Стрижнемъ домъ, ранѣе принадлежавшій извѣстному черниговскому полковнику Павлу Полуботку. Передъ соборомъ помѣщался деревянный архіерейскій домъ. Но въ 1780 г. архіепископъ Ѳеофилъ построилъ по другую сторону соборныхъ храмовъ каменный архіерейскій двухъэтажный домъ. Онъ былъ обнесенъ съ трехъ сторонъ, кромѣ лицевой, каменною стѣною. Въ прежнемъ архіерейскомъ домѣ помѣщена консисторія. Въ 1786 г., послѣ отобранія монастырскихъ крестьянъ въ казну, Борисоглѣбскій монастырь былъ закрытъ. Тогда же былъ закрытъ и Троицко-Ильинскій монастырь. Ильинская церковь была выдѣлена изъ него и обращена въ приходскую, а остальныя помѣщенія этого монастыря предназначены были для предположеннаго къ открытію въ Черниговѣ университета. Университетъ не былъ открытъ, и Высочайшимъ указомъ 1790 г. предписано было генералъ-губернатору Кречетникову перемѣстить архіерейскій домъ въ Троицкій монастырь, въ устроенномъ же въ крѣпости архіерейскомъ домѣ помѣщены: казенная палата, губернское правленіе и приказъ общ. призрѣнія. Тогда же была снята стѣна у этого дома и разобраны многіе келіи, а въ зданіи колокольни помѣщены архивы присутственныхъ мѣстъ.

Кромѣ соборныхъ церквей въ крѣпости въ описываемое время была еще деревянная приходская церковь архангела Михаила, построенная въ 1764 г., а сверхъ того помѣщались еще:

Деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ, построенный въ 1781 г. противъ архіерейскаго дома для генералъ-губернатора. Въ немъ останавливалась Императрица Екатерина II во время проѣзда чезъ Черниговъ въ 1787 году. Возлѣ замка былъ домъ, въ которомъ до открытія намѣстничества жили черниговскіе полковники. У Прогорѣлыхъ воротъ стояла гауптвахта, а противъ нея домъ для офицеровъ инженерной команды. Взаимное расположеніе остальныхъ построекъ въ крѣпости нельзя точно опредѣлить по плану и по имѣющимся источникамъ. Поэтому я ограничусь ихъ перечисленіемъ по описанію Шафонскаго: деревянный домъ, гдѣ помѣщалось намѣстническое правленіе, приказъ общ. призрѣнія и совѣстный судъ; деревянный домъ казенной палаты; такой же домъ, гдѣ помѣщались палаты уголовнаго и гражданскаго суда и верхній земскій судъ; такой-же домъ, гдѣ были верхняя и нижняя расправы; каменный домъ, пріобрѣтенный у черниговскаго полковника Лизогуба, гдѣ ранѣе была полковая канцелярія и гдѣ въ 1786 г. помѣщались губернскій магистратъ и уѣздное казначейство; каменный домъ городового магистрата, купленный у черниговскаго полковника Полуботка; деревянный домъ комендантской канцеляріи; деревянный домъ для квартиры губернатора; два провіантскихъ магазина; соляной амбаръ; четыре обывательскихъ дома, изъ которыхъ одинъ каменный. Остальныя постройки представляли амбары и другія службы.

Въ концѣ прошлаго вѣка крѣпость называли *старымъ мѣстомъ*. „Мѣстомъ“ называлось вообще площадь, гдѣ производился торгъ. Шафонскій говоритъ, что до 1766 г. въ крѣпости были купеческія лавки, и въ ней собирались ярмарки, затѣмъ все это переведено было на Могилки, а потомъ на Пятницкое поле.

Къ первой части, какъ уже сказано, причислялось и небольшое пространство той части города до второго земляного

вала, которая пазывалась Новымъ Мѣстомъ. На этомъ пространствѣ пролегали двѣ главныхъ улицы: одна направлялась отъ Прогорѣлыхъ воротъ по Взвалью къ Гноевой греблѣ, гдѣ стояли тогда деревянныя тріумфальныя ворота, устроенныя дворянствомъ къ пріѣзду Императрицы. Тогда черезъ Стрижень вела уже не гребля, а Красный мостъ. Названіе-же Гноевой гребли сохранилось отъ того времени, когда Стрижень запруженъ былъ такою греблей, и на ней стояли архіерейскія мельницы. По Гончей улицѣ до вала было тогда двѣ церкви: Николаевская, стоявшая близь нынѣшняго городского дома, гдѣ помѣщается общественная библіотека, и Богоявленская на мѣстѣ нынѣшней Николаевской церкви, давшая названіе проложенной потомъ мимо нея улицѣ. Указанное пространство ограничивалось съ востока линіею, соотвѣтствующею приблизительно нынѣшней Богуславской улицѣ. Теперь это пространство прорѣзывается съ с.-з. на ю.-в. тремя улицами—Николаевскою, Воздвиженскою и Богоявленскою, а тогда здѣсь было пять улицъ, идущихъ по этому направленію и три проулка по направленію, почти перпендикулярному къ улицамъ. Теперь отъ стараго плана остались въ этой части два тупыхъ проулка, —одинъ съ Богоявленской улицы, а другой съ Богуславской.

Всѣхъ обывательскихъ домовъ въ первой части города было въ 1786 г.—110.

Вторая часть города шла отъ Гончей улицы на с.-в. и простиралась на з. до нынѣшней Преображенской улицы, съ в. ограничивалась вторымъ валомъ, а съ с.-в.—поперечнымъ рвомъ, который шелъ отъ этого вала приблизительно по нынѣшней Святославской улицѣ до спуска на Московскую Слободку. Главною улицею въ этой части была Любечская, направлявшаяся отъ крѣпостныхъ Любечскихъ воротъ на с.-в. къ торговой площади и далѣе къ выѣздамъ на Любечъ и Кіевъ. Далѣе, эта часть пересѣкалась пятью продольными улицами, по направленію къ Гончей [1]). Эти улицы были искривленныя

[1]) Упомянемъ кстати, что улица эта получила такое названіе оттого, что по ней гоняли сквозь строй солдатъ.

и нѣкоторыя изъ нихъ не находили себѣ продолженія въ прежде указанной части города. Двѣ тогдашнихъ поперечныхъ улицы соотвѣтствовали приблизительно нынѣшнимъ Борисоглѣбской и Мстиславской. Изъ проулковъ того времени сохранился тупой проулокъ отъ Мстиславской улицы на ю.-з. Церквей въ этой части города было двѣ—Екатерининская каменная и Воздвиженская, каменная до половины. Воздвиженская стояла надъ самымъ валомъ. Въ дѣлахъ думы за 1799 г. найдена просьба прихожанъ этой церкви объ отводѣ мѣста для колокольни, такъ какъ звукъ двухъ колоколовъ прежней колокольни заслонялся землянымъ валомъ и не доходилъ до средины города. Обывательскихъ домовъ въ этой части города было 109. Пространство ея отъ Екатерининской церкви по направленію къ нынѣшнему базару называлось Могилками. Названіе несомнѣнно очень древняго происхожденія.

Третья часть города, составляя предмѣстье, шла отъ вала по Гончей улицѣ, захватывая и пространство между этою улицею и Стрижнемъ, до края города. Улица эта очень съуживалась въ концѣ, и та часть ея называлась, какъ и теперь Ковалевкой, потому что тамъ сосредоточены были кузницы. По этой улицѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь водопроводный кранъ, стояла деревянная Срѣтенская церковь. На с.-з. эта часть города ограничивалась приблизительно нынѣшнею Пятницкою улицею. По ней проходили четыре улицы по направленію къ Гончей, изъ которыхъ двѣ очень искривленныя, и двѣ, пересѣкавшія эти улицы подъ угломъ. На планѣ 1790 г. эта часть города, гораздо болѣе обширная, чѣмъ предъидущая, показана состоящею изъ сплошныхъ кварталовъ. Но она несомнѣнно представляла и большіе пустыри. Это видно изъ сообщенія Шафонскаго, что въ ней было всего 92 обывательскихъ дома, и изъ свѣдѣній найденныхъ въ архивныхъ дѣлахъ о проложеніи улицъ въ этой части по утвержденному въ 1803 г. плану: Кіевская улица прокладывалась по пахотному полю, а Воскресенская черезъ кирпичный заводъ Малахова.

Четвертую часть составляло предмѣстье за Стрижнемъ. Оно пересѣкалось вдвумя главными улицами—Могилевкой, ко-

торая направлялась отъ семинаріи къ нынѣшнему предмѣстью „Березки" и Московскою, которая называлась и Стародубскою. Расположеніе кварталовъ въ этой части мало отличалось отъ настоящаго. Только въ сторону „Березокъ" городъ былъ меньше застроенъ [1]). По дорогѣ на Сосницу городъ простирался до березовой рощи за загороднымъ архіерейскимъ домомъ. Рощи этой давно уже нѣтъ, а на мѣстѣ этого архіерейскаго дома, гдѣ была тогда и церковь, находится теперь сиротскій домъ. На выѣздѣ изъ города по могилевскому тракту стояли деревянныя тріумфальныя ворота, устроенныя въ 1781 г. черниговскимъ магистратомъ для проѣзда великаго князя Павла Петровича съ супругою. Близь семинаріи стояла Вознесенская церковь и при ней другая, теплая великомученицы Варвары. Церкви эти снесены около 25 лѣтъ назадъ, и вмѣсто нихъ устроена нынѣшняя каменная близь губернаторскаго дома. Всѣхъ обывательскихъ домовъ въ этой части города было 102.

Въ составъ пятой части города входили: пространство отъ упомянутаго поперечнаго рва у нынѣшней Святославской улицы до Елецкаго монастыря, граничащее съ правой стороны продолженіемъ второго вала, а съ лѣвой доходившее до спуска съ горы и называвшееся „Третякъ"; сюда же входилъ Елецкій монастырь, а затѣмъ вся низменная часть подъ горой. Южныя поселенія этой части назывались Московскою Слободкой, потому что въ ней жили гарнизонные солдаты (москали); за нею расположено было ближе къ стѣнѣ Елецкаго монастыря предмѣстье Подолъ; далѣе Лѣсковица, а за нею, ближе къ бывшему Троицко-Ильинскому монастырю, слобода Мѣтловка. Въ „Третякѣ" была тогда деревянная Покровская церковь, вблизи зданія думы. Поселенія на Лѣсковицѣ на планѣ 1790 г. показаны очень рѣдко. Главная улица по ней направлялась подъ стѣною Елецкаго монастыря къ Троицкому, подъ горою Болдинскою. Въ архивныхъ дѣлахъ 1810 г. сохранилось еще такое названіе этой горы, уцѣлѣвшее съ того времени, какъ св. Антоній вы-

[1]) Эта часть Застриженья называлось Нѣмецкою Слободой, потому что въ ней послѣ Полтавской битвы были поселены плѣнные шведы.

рылъ въ ней пещеру. По этой улицѣ было, впрочемъ, затруднительно сообщеніе съ Троицкимъ архіерейскимъ домомъ, особенно въ грязное время, когда подъемъ на Троицкую гору былъ очень труденъ. Поэтому ѣздили туда обыкновенно верхнимъ путемъ, но болѣе сокращеннымъ, чѣмъ теперь, для чего черезъ оврагъ на этомъ пути существовалъ мостъ. Обывательскихъ домовъ въ этой части было 117. Въ ней было и 3 кирпичныхъ завода.

Наконецъ, шестая часть города заключала въ себѣ торговую площадь, бывшій Пятницкій женскій монастырь, всѣ кварталы за зданіемъ думы, все пространство къ Александровской площади и кладбище. Въ этой части по плану 1790 г. кварталы разбросаны очень неправильно; сплошныхъ прямыхъ улицъ не было; между кварталами разнообразной формы много пустыхъ мѣстъ. Вообще эта часть города населена была слабо. На сравнительно обширномъ ея пространствѣ было только 97 обывательскихъ домовъ. Пятницкій монастырь въ описываемое время занималъ довольно большое пространство. Въ немъ были слѣдующія зданія: каменная церковь, трапеза, звоница, въ которой былъ другой храмъ св. Прокофія; на южной сторонѣ 18 деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ келій; на западной келіи настоятельницы съ церковью. При монастырѣ былъ садъ. Весь онъ былъ обнесенъ деревянною оградой. На з. и ю.-з. отъ него простиралось Пятницкое поле, на которомъ находилась большая часть ранѣе упомянутыхъ торговыхъ помѣщеній, а далѣе много вѣтряныхъ мельницъ. Кромѣ частныхъ домовъ въ этой части города были: деревянный острогъ, казенный деревянный смирительный домъ и такія-же богадѣльня и больница и богадѣльня на кладбищѣ, гдѣ было тогда двѣ церкви. На выѣздѣ изъ этой части города на старую Кіевскую дорогу были тогда тріумфальныя ворота, соотвѣтственныя стоявшимъ на Могилевскомъ выѣздѣ и устроенныя потому-же случаю.

Въ архивныхъ дѣлахъ, кромѣ названныхъ улицъ и урочищъ, встрѣчаются еще названія: Мужичая Слобода, пляцъ Моисеевскій, городской пляцъ близь Гноевой гребли надъ Стрижнемъ,

гдѣ были бани кафедральнаго монастыря, пляцъ Купцовскій, огородъ Максимовщина, урочище Троянщина надъ Стрижнемъ и урочище Курганье при въѣздѣ на Трисвятское. Опредѣлить точно положеніе этихъ мѣстностей ни по архивнымъ дѣламъ, ни по плану, ни по другимъ источникамъ я не могъ.

Кромѣ крѣпостнаго вала и другого, о которомъ уже сказано и который, начиная съ надъ обрывомъ передъ Елецкою колокольней, направлялся на ю-в. къ Стрижню и не замыкался со стороны Стрижня и надъ горой,—былъ еще третій валъ, опоясывавшій городъ гораздо болѣе длиннымъ полукругомъ по окраинамъ. Одинъ конецъ этого полукруга упирался въ Синій мостъ на р. Кордиковкѣ, но прослѣдить все направленіе этого вала по имѣющимся источникамъ я не также могъ.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго года, еще до утвержденія плана города, прокладывались новыя улицы по этому плану. Въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается много случаевъ сдѣлокъ съ обывателями, дворы которыхъ захватывались новыми улицами и которымъ давалась взамѣнъ земля отъ закрываемыхъ проулковъ. Кромѣ Воскресенской и Кіевской, тогда проложены были Воздвиженская, Пятницкая, Богоявленская, Богуславская и Сѣверянская улицы. Второй валъ дѣятельно срывался, рвы засыпались, и въ дѣлахъ 1802 г. есть указаніе, что послѣдняя часть этого вала была тогда срыта и занята селидьбой.

В. Хижнаковъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ ЮГО-ЗАП. КРАЯ.

I. Проектъ поручика Нечая 1832 г. объ улучшеніи быта крестьянъ.

I.

Въ портфелѣ „Кіевской Старины" за 18 лѣтъ существованія журнала накопилось достаточное количество документальныхъ данныхъ, рисующихъ общественный, хозяйственный и церковный бытъ населенія юго-западнаго края, особенно крестьянъ, съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и вплоть до освободительнаго акта 19 февраля 1861 г. Редакція предполагаетъ постепенно публиковать этотъ матеріалъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ строго фактическаго содержанія. Многое говоритъ въ пользу необходимости и своевременности приступа къ такой фактической работѣ.

Какъ извѣстно, новѣйшая исторія нашихъ юго-западныхъ земледѣльцевъ далеко еще не можетъ считаться разработанною сколько нибудь обстоятельно. Въ исторической литературѣ извѣстно нѣсколько случайно проникшихъ въ печать оффиціальныхъ записокъ, обзоровъ и докладовъ по разнымъ сторонамъ крестьянскаго быта; опубликовано нѣсколько замѣчаній и очерковъ современныхъ наблюдателей этого быта (В. Шульгинъ, Ѳ. Самаринъ и нѣк. др.), но сколько еще лежитъ подъ спудомъ! Беспристрастная исторія, отдавая должное частнымъ наблюде-

ніямъ и впечатлѣніямъ, по самой задачѣ своей склонна опираться на факты, не допускающіе спора: для ея выводовъ нужны живые люди, краски, даты и имена, какъ оправдательные докумены для обрисовки пережитыхъ культурныхъ состояній. При переходѣ въ новый вѣкъ, долженствующемъ знаменовать нѣкій поворотъ въ культурной жизни, прилично напоминать и о старыхъ культурныхъ навыкахъ, ибо, не такъ, то иначе, они долго еще будутъ давать чувствовать свою тлетворную силу. Напоминанія эти, составляя прямую задачу мѣстнаго историческаго журнала, быть можетъ небезполезными окажутся и для оздоровленія исторической философіи, насколько она пытается привлечь къ своимъ выводамъ и судьбы нашего края. Разумѣемъ здѣсь философію sui generis, въ родѣ той, какую недавно преподнесъ графъ Лелива въ своей книгѣ „Русско-польскія отношенія" (стр. 190—206).

Стремясь „безъ всякой предвзятой мысли, съ одной лишь готовностью найти истину", объяснить причины вѣковой вражды малорусскаго козачества и поспольства съ шляхетской олигархіей, этотъ случайный историкъ, удивительнымъ процессомъ умствованія, приходитъ, напр., къ такому заключенію: „Патріархальный строй міровоззрѣнія, взаимоотношеній и правоотношеній русскаго козачества не могъ приспособиться къ той культурной высотѣ, на которой стояло тогдашнее (XV в.) польское шляхетство". Позже, при Стефанѣ Баторіи, „польское шляхетство, пропитанное духомъ нравственной независимости католицизма, обуреваемое идеями гражданской свободы, причастное къ ученіямъ греческихъ философовъ, усвоившее себѣ наипозднѣйшія пріобрѣтенія европейской цивилизаціи, встало на защиту полноправности гражданина дворянскаго достоинства, политическихъ привилегій высшаго сословія и верховенства сейма. Наоборотъ, представители русской народности, въ лицѣ тогдашняго козачества, вслѣдствіе патріархальнаго склада своей семейной, политической и общественной жизни, стали на сторону отеческаго самодержавія королей". Inde irae и только съ этой поры, по мнѣнію автора, въ борьбу чисто политическую вводятся совершенно по-

бочные для нея элементы—національный и религіозный; отсюда борьба „народностей" (какъ будто шляхетская олигархія - народность!) въ теченіи 200 лѣтъ, закончившаяся отдѣленіемъ Руси. „Дальнѣйшая судьба рѣчи посполитой настолько общеизвѣстна, что считаемъ излишнимъ здѣсь говорить о ней",—такъ заканчиваетъ авторъ свою историческую спекуляцію, предназначенную, вѣроятно, ad usum delphini.

Исторической фразеологіей не рѣшаются подобные вопросы. Если вѣковая вражда и борьба польскаго пана съ малорусскимъ „хлопомъ" была лишь борьбой высшей культуры съ варварствомъ и патріархальной дикостью, а не споромъ рабовладѣльца съ возмутившимся рабочимъ населеніемъ, то вѣдь эта высшая культура имѣла много случаевъ проявить свои блестящія качества. Весьма замѣчателенъ и достоинъ всякаго вниманія тотъ фактъ, что въ знаменитой конституціи 3 мая 1791 года, олицетворившей собою наивысшій подъемъ государственно-строительнаго духа, до какого достигло польское шляхетство XVIII-го вѣка, крестьяне были забыты. Огромное большинство крестьянъ рѣчи посполитой, $^5/_6$ по крайней мѣрѣ, оставлены въ прежнемъ вѣковомъ пренебреженіи. „И вотъ государство, задумавшее подняться изъ упадка, признавшее свои прежнія ошибки и желавшее исправить свое управленіе, ничего не дѣлаетъ для улучшенія судьбы того самаго класса, который та же конституція 3 мая называетъ опорой отечества! Можно бы сказать, что шляхта польская, спасая край, помнила не о всемъ народѣ, а лишь о себѣ самой! Это не могло принести дѣлу Божія благословенія"... (Ks. Waleryan Kalinka, Ustawa trzeciego maja. Krak., 1896. Стр. 52).

Смутныя понятія о задачахъ и значеніи христіанской культуры принесли неисчислимые ущербы человѣчеству, отодвигая на заднiй планъ улучшенія наиболѣе настоятельныя. Послѣ раздѣловъ, крестьянство юго-западнаго края весьма долгое время не пользовалось вниманіемъ нашего законодательства въ смыслѣ обезпеченія личныхъ и имущественныхъ правъ. Извилисто идетъ исторія. Чуждый населенію, пришлый польскій землевладѣлецъ

столь высоко, по понятію законодателя, стоялъ въ культурномъ отношеніи и столь мало значилъ патріархальный земледѣлецъ, что энергическое вмѣшательство власти въ эту жестокую идиллію до самой крымской войны считалось чуть ли не посягательствомъ на драгоцѣнные добытки высшей культуры, о которой столь умилительно говоритъ намъ нынѣ графъ Лелива. Лишь возстаніе 1831 г. да галицкія событія 1846 г. заставляли нѣсколько призадуматься надъ этой культурной гармоніей. За 31-й годъ паны мстили своимъ хлопамъ, чѣмъ вызванъ именной указъ 1 августа того же года. Генералъ-фельдмаршалъ Остенъ-Сакенъ въ маѣ 1831-го года обѣщалъ крестьянамъ: „вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти". (В. И. Семевскій, Крестьянск. Вопросъ въ Россіи, II, 583).

Компетентный свидѣтель, кіевскій ген. губернаторъ Бибиковъ, вотъ что писалъ по этому поводу кн. Варшавскому, въ октябрѣ 1846 года: „Въ отношеніи жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщиковъ и арендаторовъ, обязанностію почитаю доложить вашей свѣтлости, что при самомъ вступленіи моемъ въ управленіе Кіев., Под. и Вол. губерніями, я обратилъ особенное вниманіе на положеніе здѣшнихъ крестьянъ, и въ первомъ всеподаннѣйшемъ докладѣ Государю Императору, въ 1839 году, довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, что здѣшніе помѣщики и поссесоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.—Въ 1840 и 1841 годахъ я также всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору, что здѣшніе крестьяне, во время мятежа, не только не измѣнили своему долгу, несмотря на соблазны поляковъ, но въ свое время предупреждали правительство о заговорѣ и бунтѣ, почему въ приказѣ покойнаго фельдмаршала кн. Сакена, въ маѣ 1831 года, читанномъ въ церквахъ, имъ было обѣщано, что они никогда не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ; по усмиреніи мятежа, это обѣщаніе не

выполнено,—крестьяне возвращены тѣмъ же самымъ владѣльцамъ, коихъ захватывали какъ мятежниковъ, или на коихъ доносили, а взятые въ казну поступили тоже въ управленіе поляковъ, часто родственниковъ тѣхъ, кои по мятежу наказаны и коимъ принадлежали имѣнія. Послѣ сего, крестьяне вытерпѣли жестокія преслѣдованія со стороны своихъ господъ; были даже случаи, что при наказаніяхъ имъ повторялось, что таковыя дѣлаются за ихъ вѣрность правительству.—Подобныя угнетенія и преслѣдованія были тогда повсемѣстны. Въ послѣдствіи хотя уменьшились, но и въ настоящее время весьма еще значительны. Это происходитъ сколько отъ привычки смотрѣть на здѣшнихъ крестьянъ, какъ на *рабочій скотъ*, столько же отъ свойства самаго закона, по коему надзоръ за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами возложенъ на предводителей, а они такіе же помѣщики и сами то же дѣлаютъ, что и другіе. Также по закону помѣщики могутъ ссылать крестьянъ въ Сибирь и ихъ наказывать когда пожелаютъ, только не было-бы увѣчья. Посему каждый годъ, по разнымъ свѣдѣніямъ, поступающимъ мимо предводителей, начинается множество дѣлъ о жестокомъ обращеніи, угнетеніи ихъ и проч. Дѣла эти вполнѣ доказываютъ, что слабости управленія нѣтъ, ибо въ такомъ случаѣ ихъ-бы не было: онѣ ведутся съ послѣднею строгостію—вызываются виновные изъ имѣній, подвергаются аресту и суду, имѣнія поступаютъ въ опеку, по особому Высочайшему повелѣнію въ такихъ имѣніяхъ вводятся казенные инвентари, для примѣра одинъ помѣщикъ былъ преданъ военному суду и посаженъ въ крѣпость.—Изъ сего, ваша свѣтлость, изволите усмотрѣть, что мѣстное начальство принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ обузданію помѣщиковъ отъ своеволій и угнетеній крестьянъ, но, какъ я изъяснилъ въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, мѣры эти какъ послѣдствія разныхъ случаевъ, принося пользу частную, не отвращаютъ зла общаго.—Таковое положеніе крестьянъ обратило на себя всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора, и Е. И. В. Высочайше повелѣть соизволилъ въ 1844 году—перевести всѣхъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ для изъятія ихъ изъ владѣнія поляковъ.

и въ прошедшемъ году—собрать и разсмотрѣть помѣщичьи инвентари.—Первая мѣра, по коей половина казенныхъ имѣній освободилась уже отъ арендъ, приведена въ дѣйствіе съ полнымъ успѣхомъ. Инвентари собраны, разсмотрѣны и представлено министру вн. дѣлъ соображеніе, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ ихъ ввести. Соображеніе это заключается въ двухъ главныхъ основаніяхъ: въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и уничтоженіи вреднаго произвола первыхъ и въ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей и работъ за выгоды и земли, предоставляемыя имъ помѣщиками.—Введеніе подобныхъ инвентарей, сколько могу надѣяться, не нарушая правъ помѣщиковъ, исполнитъ августѣйшую волю Г. И., т е. оградитъ крестьянъ отъ жестокостей и угнетеній и поставитъ ихъ въ такое положеніе, которое удалитъ отъ нихъ всѣ поводы къ неудовольствіямъ и буйству.—Въ заключеніе обязываюсь доложить вашей свѣтлости, что въ прошедшемъ году (1845) въ Подольской губерніи было болѣе десяти возмущеній крестьянъ противъ помѣщиковъ или управителей,—они всѣ были уничтожены въ то же время, какъ возникли, ибо всякое возмущеніе противу власти, какія бы ни были тому причины, должно быть уничтожаемо немедленно; эти возмущенія имѣли поводъ и основанія въ угнетеніяхъ или несправедливыхъ притязаніяхъ владѣльцевъ; но въ настоящемъ (1846) году, несмотря на полицейскіе безпорядки, нигдѣ не было здѣсь ни одного возмущенія,—не потому, чтобы крестьяне не знали, что дѣлалось и дѣлается въ Галиціи—они все это знаютъ и не знать не могутъ, ибо имѣютъ на границѣ безпрерывныя сообщенія съ галичанами, по обоюдному владѣнію землями,—но потому, что казенные крестьяне уже чувствуютъ начало благодѣтельнаго вліянія на нихъ правительства, а помѣщичьи ожидаютъ отъ онаго утвержденія своихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ въ опредѣленномъ видѣ, т. е. въ установленіи инвентарей, какъ взаимныхъ обязательствъ. Исполнить эти ожиданія необходимо, не исполнить ихъ можетъ быть вредно,—все это, во всѣхъ подробностяхъ, я сообщилъ министру вн. дѣлъ и ожидаю разрѣшенія". (Портфель „Кіев. Старины").

26 мая 1847 г. были утверждены инвентарныя правила, и въ этомъ крупная заслуга Бибикова. Вслѣдъ за введеніемъ правилъ, начались интриги пановъ, пошли ложные слухи о бунтахъ крестьянъ, съ цѣлью сложить вину волненій на инвентари, жалобы, призывы къ военному содѣйствію, словомъ борьба высшей культуры съ патріархальностью... 29 декабря 1848 г. инвентарныя правила нѣсколько измѣнены, но, „во отвращеніе превратныхъ толковъ", крестьянамъ объявлены не были, а дѣлались имъ извѣстными путемъ практики и распоряженій тѣхъ же пановъ, что принесло печальные плоды при введеніи уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупные акты.. „Каковы бы ни были недостатки инвентарныхъ правилъ 29 декабря 1848 г. и еще болѣе ихъ примѣненія на дѣлѣ—замѣчаетъ В. И. Семевскій (изъ цит. соч., 504)), нужно помнить, что это, все таки, самая энергическая мѣра въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ изъ всего, что было сдѣлано для нихъ въ эпоху Императора Николая I: относительно великороссійскихъ помѣщиковъ государь никогда не рѣшался на регулированіе положительнымъ закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ".

Эти инвентарныя правила, ихъ разработка и примѣненіе еще ждутъ своей подробной и документальной исторіи. Соціальная среда, вызвавшая необходимость этой частичной мѣры, осуществленной лишь благодаря политическимъ соображеніямъ, также требуетъ подробнѣйшей обрисовки, для которой „Кіевск. Стар." и постарается дать по мѣрѣ силъ нѣкоторые матеріалы.

По поводу мятежа 1863 г. въ русской литературѣ явились нѣкоторыя интересныя реминисценціи покаяннаго характера. Писатель, который отнюдь не можетъ быть заподозрѣнъ въ тенденціозности, именно г. Еленевъ, выразилъ это настроеніе такими прочувствованными строками (см. „Сынъ Отечества" 1863 г., май; также отдѣльное изданіе: „Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь". Въ пользу народныхъ школъ западно-русскаго края. СПБ., 1863): „Надо сознаться, что русское общество не сдѣлало до сихъ поръ ничего для нашего западнаго края; эта страна была доселѣ не

дочерью, а только падчерицею Россіи... Наше общество едва-ли и вспоминало до нынѣшнихъ событій, что за Кіевомъ и Смоленскомъ живутъ еще цѣлые милліоны русскихъ, но живутъ въ нищетѣ матеріальной и духовной, угнетенные и нравственно-униженные враждебнымъ элементомъ, покинутые безъ руководства и поддержки родными братьями... Съ того времени, какъ началось при Екатеринѣ возвращеніе къ Россіи Западнаго Края, прошло 90 лѣтъ, и въ эти 90 лѣтъ ни одного общественнаго дѣятеля, который бы принялъ къ сердцу нужды и страданія западно-русскаго народа! ни одного общественнаго предпріятія, которое-бы послужилв на его пользу! Наше купечество ежегодно шлетъ десятки тысячъ на содержаніе палестинскихъ пилигримовъ и аѳонскихъ монаховъ; наше образованное общество удивляетъ отъ своихъ щедротъ заграничныхъ метръ-дотелей; мы заботимся о введеніи цивилизаціи на Амурѣ и покровительствуемъ свободныхъ художниковъ чуть-ли не всего свѣта: а между тѣмъ истинно подвижническій и кровавотрудящійся западно-русскій народъ въ трехъ губерніяхъ умираетъ съ голоду, въ семи губерніяхъ лишенъ нерѣдко молитвенныхъ храмовъ; западно-русскій народъ не знаетъ, что и молиться, и мыслить, и просвѣщаться наукой можно такъ же хорошо, если еще не лучше, и на его родномъ языкѣ, какъ на языкѣ польскомъ... Поистинѣ западно-русскій народъ, подобно плѣненному Израилю, можетъ сказать о себѣ: *На хребтѣ моемъ орали оратаи, проводили долгія борозды свои*; *мы прошли сквозь огонь и воду*" и только недавно онъ могъ прибавить: „но Ты, Боже, вывелъ насъ на прохладу" (Псал. 128: 3 и 65: 12). Надъ этимъ народомъ, забытымъ и пренебреженнымъ отъ русскаго общества, видимо бодрствовало Провидѣніе"...

„Ни одного общественнаго дѣятеля, который бы принялъ къ сердцу нужды и страданія западно-русскаго народа!"—сильно сказано. Безпристрастная исторія не можетъ примириться съ столь суровымъ сужденіемъ. Въ здѣшнемъ краѣ существовалъ въ 30-хъ годахъ чигиринскій предводитель дворянства, поручикъ и польскій помѣщикъ Нечай, который уже въ 1832 г. сильно

озабоченъ былъ улучшеніемъ быта патріархальнаго и некультурнаго крестьянства и даже составилъ по сему поводу цѣлый проектъ. Послѣдній случайно сохранился въ бумагахъ покойнаго М. В. Юзефовича и любезно сообщенъ редакціи Б. М. Юзефовичемъ. Для перваго раза, познакомимся съ этимъ любопытнымъ обывательскимъ проектомъ.

2.

Въ январѣ 1832 года 88 крестьянъ, принадлежавшихъ помѣщику Сабанскому селъ Осоты, Головковки, Мельниковъ и м. Медвѣдовки (Чигир. уѣзда) подали кіевскому генералъ-губернатору жалобу на угнетеніе ихъ чрезмѣрными налогами, необыкновенными работами, панщиной, жестокими побоями, отнятіемъ собственности и пр. Прошеніе было по порядку передано для дознанія чигиринскому предводителю дворянства поручику Нечаю. Какъ и слѣдовало ожидать, жалобы оказались явно неосновательными, положеніе жалобщиковъ, превосходнымъ, обиженными не крестьяне, а экономія. Правда, сверхъ панщины взимались какіе-то чинши по домашнимъ инвентарямъ. Но эти инвентари упомянуты въ статистической вѣдомости 1822 г. и, слѣдовательно, правительству извѣстны. Посему Нечай сдѣлалъ крестьянамъ внушеніе, а экономіи поручивъ ничего излишняго не вымогать и крестьянъ не стѣснять, сверхъ положенія издревле по инвентарямъ существующаго. Но самый фактъ обращенія крестьянъ прямо къ государеву намѣстнику и характеръ жалобы привели поручика Нечая къ печальнымъ размышленіямъ. Предъ намѣстникомъ, какъ высокимъ своимъ начальникомъ, Нечай не могъ скрыть своихъ сомнѣній, что крестьяне, „подстрекаемые и руководимые неблагонамѣренными внушеніями, пользуясь бывшими потрясеніями политическими, едва-ли не помышляютъ не о сохраненіи себя отъ притѣсненій владѣльца, но, какъ кажется, о совершенной даже свободѣ. Я помню и изъ дѣлъ предмѣстника моего вижу, что при несчастныхъ событіяхъ, случившихся въ нашемъ государствѣ въ исходѣ 1825 года, хотя и противополож-

ныхъ вовся нынѣшнимъ обстоятельствамъ, злонамѣренные однакожъ поборники нововведеній, искатели мнимаго своего счастія, къ гибели общей и ниспроверженію существующаго порядка вещей, возмечтали и тогда воспользоваться слабыми умами простолюдиновъ и сильно даже подѣйствовали-бы на ихъ воображеніе", если-бы манифестъ 12 мая 1826 г. не положилъ предѣла разглашеніямъ о свободѣ крестьянъ. Хотя времена измѣнились, но духъ крестьянъ почти тотъ-же, т. е. чтобы подъ какими бы то ни было предлогами достигнуть худо понимаемой ими свободы: „полагать затѣмъ безошибочно можно, что и въ нихъ дѣйствуетъ хотя свойственный имъ, но несчастный и гибельный духъ времени". Безпристрастно изслѣдуя періодъ времени съ 1818 г., поручикъ Нечай нашелъ, что до изданія въ томъ году правилъ о прекращеніи злоупотребленій помѣщичьей власти, жалобъ крестьянъ на притѣсненія, по крайней мѣрѣ въ Кіевской губ., почти вовсе не было, хотя власть помѣщиковъ гораздо обширнѣйшіе имѣла предѣлы. Послѣ закона 1818 г. помѣщики, видя заботы правительства о крестьянахъ и по влеченію собственныхъ чувствъ своихъ, стали время отъ времени уступать изъ прежнихъ выгодъ своихъ и облегчать крестьянъ. Однако, ропотъ крестьянъ на притѣсненія сдѣлался почти общій и жалобы правительству часъ отъ часу увеличивались,— вѣроятно, по внушеніямъ неблагонамѣренныхъ людей. Суровыя мѣры власти все таки не привели къ искоренію въ черномъ народѣ духа ложно понимаемой имъ свободы, крестьяне нерадивы къ работѣ, потеряли охоту къ заботамъ о землѣ и скотѣ, большею частью упражняются въ пьянствѣ и бродяжествѣ, не могутъ поэтому платить податей и впадаютъ даже въ нищету, а помѣщики должны за это отвѣтствовать предъ начальствомъ; частыя между крестьянами преступленія, невоздержность, воровство, раздоры въ семействахъ и пр. значительно уже ослабили въ нихъ благочестіе, первую нравственность, поддерживающую благоденствіе народовъ, и тѣмъ доказываютъ въ значительной степени развращеніе нравовъ". Отсюда ясно, что къ жалобамъ побуждаютъ крестьянъ не одни только, часто мнимыя, притѣ-

сненія, „но едва-ли не общій умыселъ подъ симъ предлогомъ искать не облегченія, а совершеннаго избавленія себя отъ власти помѣщиковъ". Во всякомъ случаѣ, поручикъ Нечай обѣщалъ генералъ-губернатору исполнять свой долгъ „слѣдуя волѣ Е. И. В., изъявленной въ манифестѣ изданномъ въ 12 день маія 1826 года".

По обычаю, этимъ удовлетворились, и дѣло послѣдствій не имѣло. Но, увлеченный гражданской скорбью надъ бѣдственнымъ духомъ времени, не могъ уже успокоиться поручикъ Нечай. Какъ дворянинъ и сынъ отечества, онъ сталъ изыскивать способы исправить усмотрѣнныя имъ язвы и написалъ проектъ объ ихъ уравниваніи, который внесъ затѣмъ въ уѣздное чигиринское дворянское собраніе и получилъ одобреніе большинства своихъ дворянъ. Предварительно внесенія проекта въ губернское собраніе, Нечай представилъ его генералъ-губернатору Левашеву въ іюлѣ 1832 г. и получилъ согласіе на внесеніе. При этомъ, по поводу жалобъ Нечая на пристанодержательство бѣглыхъ крестьянъ новороссійскими помѣщиками, Левашовъ предложилъ автору проекта представить факты, для надлежащаго содѣйствія. Въ губернскомъ собраніи помѣщики Осташевскій, Мазаракій и радомысльскій предводитель Тшецакъ представили возраженія на проектъ, къ сожалѣнію, не сохранившіяся въ нашихъ бумагахъ.

Таковы вкратцѣ обстоятельства, вызвавшія появленіе нижеслѣдующаго проекта.

Проектъ къ поднесенію Государю Императору отъ имени дворянства всеподданнѣйшаго прошенія о нуждахъ дворянства съ изложеніемъ причинъ. Учиненъ предводителемъ дворянства Чигиринскаго уѣзда г. Нечаемъ.

Августѣйшему Государю нашему благоугодно было при дарованіи новыхъ правъ и преимуществъ для дворянскаго сословія, изложенныхъ въ постановленіи о дворянскихъ выборахъ въ 6-й день декабря 1831 года высочайше утвержденныхъ, все-

милостивѣйше позволить вѣрному россійскому дворянству подносить къ подножію престола и всеподданнѣйшія о нуждахъ дворянства прошенія.

По поводу сего, имѣя честь быть предводителемъ дворянства здѣшняго уѣзда и какъ по обязанности званія моего, такъ и по собственнымъ моимъ замѣчаніямъ, по совѣщанію съ нѣкоторыми почтенными нашими согражданами, извлекъ важнѣйшіе предметы таковыхъ нуждъ, которыя честь имѣю предложить почтеннѣйшему дворянству для общаго сужденія.

Благодѣтельное правительство наше при дарованіи россійскому дворянству многоразличныхъ правъ и преимуществъ, коими оно подъ кровомъ самодержавной власти наслаждается, обращало при томъ всегда большое вниманіе свое и на улучшеніе состоянія крестьянъ, выгоды которыхъ всегда не только съ выгодами помѣщиковъ, но и всего государства суть столь тѣсно сопряжены, что и въ сей цѣли правительства, дворянское сословіе ясно видитъ лишь одно только продолженіе тѣхъ неисчерпаемыхъ милостей и благодѣяній со стороны правительства, которыя оно щедро изливало на вѣрное себѣ дворянство.

Не говоря о прежнихъ по сему предмету постановленіяхъ правительства, а обращаясь къ весьма незначительному въ нашей уже памяти періоду времени съ 1818 года, сколько является передъ глазами нашими благодѣтельнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ со стороны правительства къ улучшенію участи нашихъ крестьянъ (на чемъ основано собственное наше благо), и къ упроченію добрыхъ взаимныхъ отношеній владѣльцевъ къ ихъ крестьянамъ, съ сею всегда священною цѣлью августѣйшихъ нашихъ государей, чтобы крестьяне не уклонялись отъ законной власти своихъ помѣщиковъ, а помѣщики не употребляли во зло власти своей надъ крестьянами.

При всѣхъ однако-же мѣрахъ, принимаемыхъ до сего правительствомъ по сему предмету, при всѣхъ мудрыхъ распоряженіяхъ со стороны начальствъ къ удержанію взаимныхъ отношеній помѣщиковъ съ крестьянами, на вышеизложенномъ основаніи и при самой даже готовности дворянства содѣйствовать

сей благой цѣли правительства и священной волѣ августѣйшаго нашего Монарха, видимъ мы, и видитъ правительство, что состояніе крестьянъ нашихъ ни мало не улучшается; что они къ земледѣлію и приличнымъ званію своему занятіямъ совершенно потеряли охоту, что ропотъ и нареканія на притѣсненія дѣлается почти общій и что уже во многихъ мѣстахъ крестьяне, подъ предлогомъ таковыхъ притѣсненій и подъ другими различными видами, сами собою уклоняются уже отъ власти помѣщиковъ, затрудняютъ правительство своими жалобами и мѣрами, которыя оно должно принимать къ возстановленію тишины и порядка, а помѣщиковъ своихъ поставляютъ съ одной стороны въ сомнительное положеніе на счетъ удержанія прежнихъ съ ними отношеній, а съ другой подвергаютъ оныхъ весьма невыгодному мнѣнію правительства, на счетъ обращенія своего съ крестьянами.

Таковое положеніе обстоятельствъ должно заставить насъ, во первыхъ: разсмотрѣть зрѣло и безъ всякаго пристрастія главнѣйшія причины сихъ непріятныхъ событій, а во вторыхъ: изыскать сколько можно вѣрныя средства къ улучшенію участи нашихъ крестьянъ и къ отклоненію на будущее время подобнаго рода недоумѣній.

По совѣсти и по долгу благородной откровенности, свойственной дворянскому сословію, мы не можемъ не сознаться, чтобы вообще ропотъ крестьянъ на притѣсненія былъ совершенно неоснователенъ;—нѣтъ правилъ безъ исключенія, и должны быть причины къ жалобамъ, когда бываютъ оныя; но притомъ и сіе замѣтить должно, что если-бы таковыя нареканія были противу нѣсколькихъ только владѣльцевъ и въ нѣсколькихъ только мѣстахъ, сіе могло-бы быть болѣе или менѣе вѣроятнымъ; но какъ событія, случившіяся до сего времени и являющіяся чаще и постоянно, убѣждаютъ насъ, что жалобы и неудовольствія крестьянъ не относятся только къ частнымъ лицамъ, а ко всему почти сословію владѣльцевъ, тогда не излишне будетъ изслѣдовать ближе тому причины.

Мы видимъ, что по большей части крестьяне наши отстали отъ первыхъ правилъ, поддерживающихъ нравственность

и благосостояніе народовъ, т. е. отъ религіи и благочестія въ значительной степени; въ цѣлыхъ селеніяхъ находимъ едва-ли малую часть крестьянъ обоего пола, умѣющихъ молиться Богу и знающихъ заповѣди Божія! большая-же часть оныхъ всего того почти не знаютъ совершенно.

Мы видимъ, что въ праздничные дни церкви у насъ въ половину почти пусты, а корчмы полны; что къ слушанію заутрени и св. литургіи поощрять крестьянъ даже и приходскіе священники имѣютъ затрудненіе; бываютъ-же случаи, что нѣкоторыхъ изъ нихъ и къ исповѣди заставлять должно, а къ подаяніямъ ихъ, принесенію пожертвованій на украшеніе церквей и другія благоугодныя дѣла, крестьяне наши не имѣютъ ни какой по части наклонности, тогда какъ на роскошь, на горячіе напитки и тому подобное, истощаютъ нерѣдко послѣднее свое достояніе.

Мы видимъ вообще, что лѣность, пьянство, воровство, прелюбодѣяніе, раздоры въ семействахъ, ложныя показанія и равнодушіе къ присягѣ сдѣлались почти общими пороками нашихъ крестьянъ; случаются даже и самыя смертоубійства и являются уже примѣры, что законныя супружества ими самыми разрываются и послѣ того они вступаютъ подложно въ другія незаконные браки.

Мы видимъ наконецъ, что вообще крестьяне не только не имѣютъ ни привязанности, ни должнаго уваженія къ своимъ владѣльцамъ и мѣстнымъ властямъ, но даже довѣренности и и должнаго почтенія къ приходскимъ священникамъ и затѣмъ мы совершенно убѣждаемся, что развращеніе нравственности есть уже въ большей степени между нашими крестьянами; коль скоро-же ни религія, ни нравы не обуздываютъ достаточно страстей человѣческихъ, тогда уже физическая сила власти и законовъ должна замѣнить мѣсто совѣсти, а какъ физическія дѣйствія власти признаются многими, преимущественно-же простолюдинами, всегда отяготительными и непріятными, то отъ сего происходятъ по большей части и неудовольствія крестьянъ противу ихъ владѣльцевъ.

Для собственнаго затѣмъ ихъ счастія и нашего спокойствія и дабы соотвѣтствовать благодѣтельной цѣли правительства, мы должны стараться впредь объ исправленіи всего того столько, сколько сіе отъ насъ зависитъ и сколько намъ отъ правительства дозволено будетъ.

Мѣры къ сему представляются слѣдующія:

а) чтобы улучшить состояніе приходскихъ священниковъ и тѣмъ дать имъ болѣе возможности и времени заняться образованіемъ совѣсти, а затѣмъ и нравственности своихъ прихожанъ.

б) чтобы помѣщики собственнымъ примѣромъ, съ дозволенія правительства, могли-бы содѣйствовать къ благочестію крестьянъ.

в) и чтобы несчастную склонность къ пьянству чернаго народа мѣрами, испрошенными отъ правительства, ограничить такъ, дабы горячіе напитки могли служить только для поддержанія силъ и здоровья, но отнюдь не для развращенія нравственности въ простомъ народѣ и не для разоренія семейственнаго счастья и достоянія крестьянъ.

Къ сему кажется достигнуть можно слѣдующими мѣрами:

1) Извѣстно намъ, что всѣ приходскіе священники пользуются до сего надѣленіемъ имъ по 33 десятины земли, которую они сами обрабатывать должны, для поддержанія себя и своего семейства; не говоря о скудности таковаго содержанія, а вникая единственно въ обширность святыхъ ихъ занятій,— мы видимъ, что при такомъ нынѣшнемъ ихъ положеніи, весьма мало достаетъ имъ времени заняться съ пользою духовнымъ образованіемъ своихъ прихожанъ: для столь великаго предмета недостаточно однихъ праздничныхъ и воскресныхъ дней; должно бы еще посвящать ежедневно часы досуга для ученія крестьянъ первыхъ правилъ религіи, а самымъ примѣрнымъ и усерднымъ священникамъ, при всемъ ихъ даже желаніи, за собственнымъ ихъ хозяйствомъ и полевыми работами—не достаетъ нужнаго къ тому времени. Самое затѣмъ удобнѣйшее средство къ отклоненію сего неудобства открывается то, чтобы во мѣсто пре-

доставленной до сего въ пользу священниковъ одной только земли назначить имъ приличное и соразмѣрное числу прихожанъ и затѣмъ ихъ трудамъ содержаніе въ наличныхъ деньгахъ и въ пропорціи готоваго разнаго рода хлѣба, по усмотрѣнію и опредѣленію всего того правительствомъ, и таковое ежегодное содержаніе отнести не только на однихъ крестьянъ, но и на самыхъ помѣщиковъ, въ пользу которыхъ и земля, надѣленная священникамъ, уже оставаться-бы могла. Такимъ образомъ приходскіе священники, не озабочиваясь болѣе земледѣліемъ, могутъ и должны заняться ученіемъ дѣтей и молодыхъ крестьянъ обоего пола—молиться Богу и первыхъ началъ религіи, входить со всѣмъ вниманіемъ пастырей въ нравственность и поведеніе своихъ прихожанъ, внушать и толковать имъ ихъ обязанности и поощрять къ душевному благочестію, отъ котораго единственно происходятъ всѣ добродѣтели и самое благо рода человѣческаго, при наставленіяхъ и дополнительныхъ затѣмъ по сему предмету распоряженіяхъ со стороны верховной духовной власти; средство сіе могло-бы весьма надежно подѣйствовать на исправленіе нравственности въ видѣ религіи.

2) Къ тому ежели-бы помѣщикамъ христіанскихъ исповѣданій позволено было собственно въ ихъ имѣніяхъ принять почетное званіе церковныхъ старостъ на правилахъ правительствомъ предписанныхъ, сіе съ одной стороны сколько послужило-бы къ поощренію крестьянъ къ благочестію собственнымъ примѣромъ помѣщиковъ, столько съ другой стороны подѣйствовало-бы еще къ поддержанію въ лучшемъ видѣ и устройствѣ самыхъ приходскихъ церквей; почтенное при томъ званіе сіе, не нарушая исповѣданій помѣщиковъ, сближало-бы ихъ болѣе съ ихъ крестьянами и давало-бы имъ право не только въ общихъ нуждахъ церквей совѣщаться съ приходскими священниками, но и съ самыми прихожанами; въ случаяхъ-же важныхъ, относящихся къ пользамъ церквей и образованію прихожанъ въ религіи, испрашивать наставленій и разрѣшеній отъ вышняго духовнаго начальства, которое распоряженіями своими по сему

предмету болѣе и болѣе еще содѣйствовало-бы къ введенію повсемѣстно нравственности и благочестія.

3) Наконецъ, къ воздержанію крестьянъ отъ развращающаго нравы и добродѣтели ихъ пьянства было-бы самымъ надежнѣйшимъ средствомъ, ежели-бы правительству угодно было: *во первыхъ*, всѣ шинки на проселочныхъ дорогамъ лишніе, безъ видимой надобности устроенные, преимущественно же тѣ, которые отдалены отъ большихъ дорогъ, приказать знять (sic) и уничтожить такъ, дабы таковые шинки на большихъ только комуникаціонныхъ дорогахъ въ видѣ постоялыхъ дворовъ прилично устроенные остались и не ближе 10-ти верстъ отъ селенія: *второе*, чтобы на чарочную продажу вина во всѣхъ владѣльческихъ и старостинскихъ имѣніяхъ распространить тѣ самыя цѣны и правила, какія существуютъ нынѣ и существовать будутъ впредь по казеннымъ откупамъ, и поставить притомъ правиломъ, чтобы доброта продаваемаго вина въ помѣщичьихъ шинкахъ не была выше полугару, а равно чтобы вино въ оныхъ непродавалось иначе, какъ на наличныя деньги. Неисполняющіе затѣмъ таковаго постановленія шинкари мимо вѣдома и позволенія владѣльцевъ предаваемы бы были строжайшему сужденію по законамъ, а буде сіе допущено бы было самыми помѣщиками, таковые помѣщики лишались бы уже на всегда въ имѣніяхъ своихъ права производить чарочную продажу и *третье*, наконецъ, чтобы право винокуренія и свободной изъ| онаго оптовой продажи вина сохранена была для помѣщиковъ на прежнемъ основаніи.

Таковыми предварительными предположеніями на первый разъ можно бы много содѣйствовать не только къ исправленію нравовъ крестьянъ, но даже и къ улучшенію ихъ состоянія, безъ чего всѣ физическія мѣры не будутъ никогда достаточными и удовлетворительными.

Изслѣдовавъ нравственныя причины бѣднаго состоянія нашихъ крестьянъ и происходящія по большей части отъ сего ихъ къ намъ неудовольствія и обращаясь теперь къ физическимъ, т. е. общему почти съ стороны ропоту и нареканію на

дѣлаемыя имъ будто владѣльцами разнаго рода притѣсненія, какъ то: непомѣрными работами, чрезвычайными налогами, жестокими наказаніями и проч. Хотя не легко, мы позволимъ убѣдить себя, чтобы для временной только нашей прибыли въ доходахъ, притѣсняя крестьянъ нашихъ безъ всякаго впрочемъ здраваго расчета, мы искали тѣмъ истощать на всегда достоянія наши и нашихъ поколѣній, зная при томъ еще, что таковое разореніе крестьянъ, за которое мы отвѣчаемъ предъ закономъ, разорило-бы насъ самихъ и подвергало-бы даже отвѣтственности собственныя наши имѣнія, и чтобы при благодѣтельномъ вліяніи правительства на состояніе крестьянъ нашихъ и при принятіи оныхъ всякій разъ мѣръ къ огражденію ихъ отъ не позволенныхъ притѣсненій, мы могли сами собою къ угнетенію ихъ прежніе инвентари или обыкновенія перемѣнять произвольно мимо вѣдома начальства. Напротивъ того, мы бы могли оправдываться всегда, что у насъ не было ни цѣли, ни желаній, ни даже возможности разорять и тѣснить нашихъ крестьянъ, отъ которыхъ добраго бытія весьма естественно и собственное наше благо зависитъ, и что мы, наконецъ, къ отягощенію ихъ хотя ничего новаго не вводили, однакожъ они и отъ давнихъ ихъ обязанностей часъ отъ часу болѣе уклоняются и насъ разоряютъ; но при всемъ томъ однакожъ не можно не согласиться, что въ нынѣшнемъ положеніи обстоятельствъ, прежніе наши инвентари, или введенныя обыкновенія, требованія повинности отъ души, хотя и не вновь и не нами выдуманныя, но какъ первый предлогъ, находимый нынѣ нашими крестьянами въ ихъ угнетенію, оказываются теперь уже неудовлетворительными, а потому для прекращенія дальнѣйшихъ по сему предмету недоумѣній, для облегченія крестьянъ противу нынѣшняго ихъ положенія и затѣмъ для улучшенія ихъ состоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ для собственнаго нашего спокойствія и для исполненія цѣли правительства, должно и слѣдуетъ намъ сдѣлать такое облегченіе и уравненіе въ нынѣшнихъ повинностяхъ, которыя бы въ общемъ и единообразномъ имѣли-бы уже законную силу, охраняющую права и преимущества обоихъ тѣхъ сословій.

Къ исполненію сего предположенія, какъ совершенно новаго, въ своемъ родѣ, мы не имѣемъ другого примѣра и руководства въ имперіи правительствомъ нашимъ одобреннаго, какъ положеніе о крестьянахъ Курляндской губерніи въ 25 день августа 1817 года высочайше утвержденнаго; но какъ съ одной стороны крестьяне наши въ здѣшней губерніи по мѣрѣ степени нынѣшняго ихъ просвѣщенія не приготовлены еще къ принятію всѣхъ тѣхъ пожертвованій, которыя курляндскимъ дворянствомъ дарованы тамошнимъ крестьянамъ, съ утвержденія правительства, съ такими при томъ мѣстными и обоюдными выгодами, каковыя тамъ были, въ нашей губерніи еще не представляются, а съ другой, что по существующему до сего порядку вещей въ западныхъ губерніяхъ, владѣльцы земель, пользуясь милостью правительства, по нуждамъ своимъ совершали займы въ государственныхъ банкахъ по большей части на 37 лѣтъ, съ обезпеченіемъ таковыхъ не только на количествѣ земель и угодій, но и на числѣ самаго народонаселенія въ ихъ имѣніяхъ числящагося, то по случаю сего при нынѣшнемъ предположеніи о новыхъ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, не предвидится еще возможности къ облегченію сихъ послѣднихъ, ни совершенно измѣнить, ни даже значительно уменьшить вдругъ настоящія ихъ повинности, но можно-бы сдѣлать предварительное нынѣ къ облегченію ихъ предположеніе на 37 лѣтъ, въ видѣ опыта, по слѣдующимъ главнымъ условіямъ:

1) Испросить высочайшее соизволеніе на составленіе въ здѣшней губерніи комитета изъ депутатовъ отъ дворянства, для сего единственно избранныхъ, который бы, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, составилъ бы правила для новыхъ инвентарей о повинностяхъ крестьянъ къ ихъ облегченію.

2) По собраніи мѣстныхъ свѣдѣній о всякаго рода повинностяхъ и окладахъ крестьянъ до сего въ владѣльческихъ имѣніяхъ въ сей губерніи существующихъ, составивъ общія на всю губернію, или же порознь на всякій уѣздъ къ облегченію крестьянъ правила, согласно онымъ допустить сдѣлать инвентари во всѣхъ безъ изъятія владѣльческихъ имѣніяхъ предвари-

тельно на 37 лѣтъ, которые должны быть однообразны, если не на всю губернію, то по крайней мѣрѣ на всякій уѣздъ; правила же при составленіи оныхъ дабы были такъ ясны и опредѣлительны, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ могли служить взаимною порукою, что сверхъ положенія по онымъ, ни владѣльцы отъ крестьянъ, ни крестьяне отъ владѣльцевъ не могутъ требовать ничего лишняго.

Для всѣхъ разрядовъ крестьянъ хозяевъ, обложенныхъ повинностью по сему новому предположенію, опредѣлить для каждаго изъ нихъ порознь количество земли и угодій сообразно ихъ нуждамъ, соразмѣрное положеннымъ отъ нихъ повинностямъ въ работахъ и окладахъ.

4) Поставить непоколебимымъ правиломъ, что владѣлецъ и крестьянинъ, выполнявшій свои обязанности по сему новому положенію, не могутъ уже взаимно стѣсняться никакими лишними другъ отъ друга вымогательствами и требованіями, развѣ по добровольному согласію и по взаимному за сіе другъ другу вознагражденію.

5) По предмету наказаній крестьянъ за ихъ вины противъ власти помѣщика, а равно что относится до внутренняго порядка и устройства между самыми крестьянами, сблизиться сколько можно будетъ съ правилами для курляндскихъ крестьянъ, высочайше утвержденными, столько, сколько сіе принаровить можно къ сему краю; въ чемъ-же таковыя правила признаются неудобными, замѣнить оныя другими, согласно мѣстнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ и при томъ соотвѣтственно обыкновенію и степени просвѣщенія здѣшнихъ крестьянъ.

6) При составленіи вышеозначенныхъ правилъ предоставить комитету вникнуть во всѣ подробности предполагаемыхъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ на семъ главномъ основаніи: чтобы никакіе случаи и никакія взаимныя обязанности не ускользнули изъ вида и не требовали уже дальнѣйшихъ поясненій, тѣмъ болѣе не замѣнялись взаимно однимъ только произволомъ, и чтобы при семъ новомъ предположеніи повинности владѣльческихъ крестьянъ противъ существующихъ

до сего столько облегчены и упрочены были, сколько сіе на первый разъ безъ большого стѣсненія владѣльцевъ въ ихъ отношеніяхъ съ государственными банками и собственными нуждами сдѣлать можно.

7) Затѣмъ на таковыхъ главныхъ условіяхъ, упрочивъ сіи предварительныя взаимныя обязанности и отношенія крестьянъ съ владѣльцами и по облегченію оныхъ законною силою и по объявленіи о семъ владѣльцамъ и крестьянамъ, исполненіе взаимныхъ тѣхъ отношеній принять подъ покровительство не столько мѣстныхъ властей, но и самаго высшаго начальства.

Но какъ тѣ всѣ предположенія къ улучшенію участи и состоянія нашихъ крестьянъ самыми только съ нашей стороны вышесказанными пожертвованіями не будутъ еще совершенно удовлетворительны, безъ содѣйствія къ тому и благодѣтельнаго нашего правительства, то на основаніи всемилостивѣйше дарованнаго права дворянству въ положеніи о дворянскихъ выборахъ въ 6 день декабря 1831 года высочайше утвержденныхъ §§ 7, 8, 9 и 62 изложеннаго и позволяющаго приносить къ высочайшему престолу всеподданнѣйшія объ нуждахъ дворянства прошенія, слѣдуетъ намъ еще повергнуть къ священнымъ стопамъ августѣйшаго нашего Государя выше изложенныя предположенія съ присовокупленіемъ къ онымъ и слѣдующихъ всеподданнѣйшихъ просьбъ нашихъ:

а) „Смежные съ нашею губерніею новороссійскихъ губерній помѣщики, съ давняго времени, принимая и давая въ помѣстьяхъ своихъ пристанодержательство крестьянамъ нашимъ, такимъ образомъ перевели много сихъ послѣднихъ въ свои имѣнія, съ ущербомъ нашимъ, ибо мы лишились собственности нашей и къ большей обидѣ еще и самыхъ крестьянъ, которые имѣя случай избавиться отъ домашнихъ своихъ занятій и семейственныхъ обязанностей, привыкаютъ къ бродяжеству, разоряютъ себя и оставшіяся здѣсь семейства и тѣмъ наносятъ большое опустошеніе въ здѣшнемъ краѣ, безъ большихъ при томъ выгодъ и для помѣщиковъ Новороссійскаго края, ибо таковые бродяги, оставивъ здѣсь свои семейства и у нихъ жить постоянно

не могутъ, а влекомые праздностію, уходятъ часто въ Бессарабскую область, а оттуда иногда и въ другія смежныя съ нашимъ государства; для прекращенія сего хотя Государю Императору благоугодно было таковыхъ бѣглыхъ здѣшнихъ крестьянъ высочайше соизволить водворить постоянно на новыхъ ихъ жилищахъ, съ уплатою намъ за всякую душу назначенной цѣны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы уже дальнѣйшее бродяжество и пристанодержательство въ томъ Новороссійскомъ краѣ совершенно было искоренено; но не говоря уже о томъ, что никто почти изъ насъ не получилъ означеннаго за крестьянъ своихъ денежнаго возмездія, начальство Новороссійскаго края не приняло еще до сего удовлетворительныхъ мѣръ къ исполненію высочайшей воли къ пресѣченію бродяжества, ибо число таковыхъ бродягъ у насъ часъ отъ часу увеличивается. Мы и крестьяне наши, какъ за тѣхъ бѣглецовъ, которые приписаны уже въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и за тѣхъ, которые и послѣ туда ушли и безпрерывно уходятъ, уплачиваемъ до сего государственныя подати, отъ чего мы и крестьяне наши къ крайнему приходимъ разоренію, то чтобы таковое бродяжество впредь остановлено и искоренено быть могло, и бѣглые и неприписанные въ Новороссійскомъ краѣ крестьяне наши обращены-бы были въ свои мѣста.

Дабы-же учиненныя по сему предмету со стороны правительства распоряженія и впредь еще издаваться могущія о семъ постановленія съ большимъ до сего успѣхомъ воспріяли свое дѣйствіе,—мы могли-бы испрашивать всемилостивѣйшаго нашего Государя соизволенія, чтобы дворянству смежныхъ съ Новороссійскимъ краемъ губерній позволено было посредствомъ особо избранныхъ отъ себя депутатовъ, въ родѣ уполномоченныхъ, ходатайствовать у новороссійскаго начальства о принятіи удовлетворительныхъ мѣръ къ рѣшительному остановленію дальнѣйшаго пристанодержательства здѣшнихъ крестьянъ въ означенномъ краѣ и тѣмъ самымъ при исполненіи высочайшей воли къ огражденію смежныхъ уѣздовъ съ Новороссійскимъ краемъ отъ дальнѣйшаго разоренія и тѣхъ бѣдствій,

которыя, согласно высочайшему велѣнію, дальнѣйшее бродяжество сильными и рѣшительными мѣрами начальства прекращаемо было.

Назначеніе означенныхъ депутатовъ въ родѣ уполномоченныхъ могло бы быть то, что они, бывъ облечены общею довѣренностью здѣшнихъ помѣщиковъ, могли бы и имѣли бы на то полное право къ отысканію всѣхъ бѣглецовъ, не приписанныхъ въ Новороссійскомъ краѣ отыскивать не только при содѣйствіи мѣстныхъ полицій, но и вышняго тамошняго начальства и возвращать ихъ на прежнее жилище и о взысканіи съ пристанодержателей, противящихся высочайшей волѣ и разоряющихъ насъ и крестьянъ нашихъ просить по порядку, съ такимъ притомъ высочайшимъ соизволеніемъ, чтобы требованія тѣхъ депутатовъ къ отысканію бродягъ, основанныя на доказательствахъ, удовлетворялись мѣстными полиціями и высшимъ начальствомъ безъ послабленія и чтобы въ случаѣ уклоненія мѣстныхъ властей отъ исполненія ихъ долга и обязанностей, можно было таковымъ депутатамъ прибѣгнуть со всеподданнѣйшими прошеніями къ подножію престола, ибо безъ таковыхъ средствъ побѣгъ людей нашихъ въ Новороссійскій край, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дальнѣйшее разореніе имѣній нашихъ и состоянія нашихъ крестьянъ, остановлено быть не можетъ, ибо въ весьма короткомъ времени цѣлыя селенія наши останутся пустыми, потому что намъ принимать и водворять бѣглыхъ людей изъ внутреннихъ губерній государства запрещено.

б) Что какъ отъ таковыхъ бродяжествъ и свирѣпствовавшей здѣсь болѣзни холеры—морбусъ въ здѣшней губерніи послѣдовала значительная убыль въ народонаселеніи, а всѣ однакожъ налоги по государству исполняются постоянно по ревизіи 1816 года, то чтобы къ облегченію насъ и къ улучшенію состоянія крестьянъ нашихъ дозволена была-бы новая перепись народа".

4.

Какъ видимъ, въ проэктѣ Нечая есть все: и исторія, и психологія, и соціальная философія, вплоть до вожделѣній къ

освобожденію крестьянъ отъ земли, по примѣру Остзейскаго края. Что до составленія инвентарныхъ коммиссій, то въ этомъ отношеніи Нечай можетъ быть названъ духовнымъ предшественникомъ Бибикова! Но конечно центръ всего проекта— это вопль о новороссійскихъ пристанодержателяхъ. Практическихъ послѣдствій проектъ не имѣлъ,—„производства по оному никакого не было", какъ доносилъ кіевскій губернаторъ въ 1837 г.

Но ген.-губернаторъ В. В. Левашовъ счелъ долгомъ запросить заключеніе кіевскаго митрополита Евгенія по статьямъ проекта, относящимся къ духовной части. Отвѣтъ данъ въ августѣ 1832 г. Замѣчанія просвѣщеннаго духовнаго сановника не лишены интереса.

По поводу жалобъ Нечая на то, что крестьяне отступили отъ религіи и благочестія, рѣдкій умѣетъ молиться Богу и знаетъ заповѣди, митр. Евгеній писалъ: „Слышать о семъ духовному начальству весьма прискорбно, но причина сему есть не иная, какъ что крестьяне, заняты будучи всегда отъ помѣщиковъ и отъ поссесоровъ работами, не имѣютъ времени не только учить дѣтей своихъ молиться Богу и ходить въ церковь, поучаться заповѣдямъ Божіимъ, но и приготовить даже себя, по надлежащему, къ исповѣди и причастію св. таинъ въ великій постъ чрезъ церковныя молитвы, какъ сіе по дѣламъ извѣстно духовному начальству". Злу можетъ помочь примѣненіе манифеста 5 апрѣля 1797 г. о предоставленіи въ пользу крестьянъ трехъ дней недѣли [1]).

Отобрать отъ священниковъ церковную землю нельзя по закону. О продовольствіи священниковъ хлѣбнымъ содержаніемъ изданъ законъ 11 января 1797 г., но остался безъ примѣненія до 1801 г., когда повелѣно удвоить денежное положеніе за исправленіе мірскихъ требъ, а земли все же остались церковнымъ удѣломъ. Духовенство проповѣдуетъ и поучаетъ неупустительно, но прихожане не имѣютъ времени слушать поученія.

---

[1]) Въ манифестѣ 3 дня указаны въ видѣ добраго совѣта. См. Семевскій, Крест. вопр. въ Россіи, I, 232

Проектъ назначенія помѣщиковъ церковными старостами встрѣтилъ рѣзкій отпоръ со стороны митрополита: „Имѣя въ виду безпрерывныя дѣла и переписки съ гражданскимъ правительствомъ объ угнетеніи помѣщиками церковныхъ старостъ и недопущеніи ихъ чрезъ то къ исправному отправленію на пользу церкви ихъ должностей и къ пользованію дарованными имъ преимуществами, ясно усматривается цѣль помѣщиковъ взять на себя обязанности церковнаго старосты,—та только, дабы не допустить къ тому на службу церкви своего крестьянина,—какъ сіе неоднократно уже испытано". При томъ же, по старостинской инструкціи 17 апрѣля 1808 г. староста, какъ повѣренный прихожанъ, избирается изъ ихъ же числа, довѣрія достойный человѣкъ. „Въ здѣшней же епархіи состоятъ помѣщики большею частію не нашего исповѣданія, а слѣдовательно и не прихожане православныя греко-россійскія церкви, и едва ли бы кто поручился за нихъ въ исправномъ и съ пользою церкви исправленіи ими старостинской должности тогда, когда они, не будучи сынами оныя, не имѣютъ и надлежащей къ ней приверженности. По дѣламъ даже имѣющимся въ консисторіи извѣстно, что одинъ изъ помѣщиковъ Сквирскаго уѣзда, овладѣвъ должностію церковнаго старосты села Татариновки, забралъ и затратилъ на себя и церковныя деньги, и вещи, о взысканіи коихъ происходила немалая переписка".

Н. М.

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ. [1]

Одновременно съ помѣщеніемъ въ Кіевской Старинѣ (1899 г. №№ 2 и 4) воспоминаній Ѳедора Матвѣевича Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ, въ апрѣльской книгѣ „Русскаго Архива“ за этотъ годъ появились воспоминанія о Шевченкѣ ближайшаго пріятеля покойнаго поэта, брата перваго автора—Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, доставленныя въ редакцію названнаго журнала тѣмъ же Тереховымъ, который сообщилъ ей интересное письмо К. И. Герна къ М. М. Лазаревскому [2]).

Воспоминанія эти начинаются слѣдующими строчками: „Шевченко умеръ. Теперь онъ уже принадлежитъ потомству, и какъ всякое объ немъ свѣдѣніе дорого для Малороссіи, то я и рѣшился записать все, что знаю объ немъ лично, или изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“. Судя по этому вступленію, надо думать, что М. М. Лазаревскій приступилъ къ изложенію своихъ воспоминаній вслѣдъ за смертью Т. Г. Шевченка. И можетъ быть, подъ вліяніемъ принятаго рѣшенія—записать все извѣстное лично и „изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, онъ, чтобъ имѣть подъ рукою одинъ изъ такихъ источниковъ, и обратился къ К. И. Герну съ тою просьбою, въ отвѣтъ на которую было написано вышеупомянутое письмо послѣдняго.

---

[1]) Напечатанныхъ въ Русск. Архивѣ за наст. г., № 4.

[2]) См. Кіевскую Старину 1899 г. № 2.

Воспоминанія Михаила Матвѣевича изложены кратко и, къ сожалѣнію, не окончены, обнимая время отъ прибытія Шевченка въ Оренбургъ въ іюнѣ 1847 г. до осени 1850 года.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ воспоминаніяхъ Ѳедора М-ча, воспоминанія Михаила М-ча даютъ нѣкоторыя подробности о первыхъ дняхъ пребыванія Шевченка въ Оренбургѣ, заключающіяся въ слѣдующемъ разсказѣ: „Жандармъ [1]) привезъ его (т. е. Шевченка) въ Оренбургъ въ іюнѣ 1847 года ночью, прямо въ ордонансъ-гаусъ, гдѣ Шевченко въ передней проспалъ ночь на голомъ полу. Утромъ его принялъ комендантъ Лифляндъ и отправилъ его въ казармы 3-го оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ тотъ же день разнеслась въ Оренбургѣ молва о пріѣздѣ Ш-ка. Земляки его тотчасъ отправились въ казармы и выпросили его къ себѣ на квартиру. Встрѣча съ Ш. была замѣчательная: и онъ, и окружавшіе его плакали, не знаю—отъ горя ли или отъ радости, что увидѣли своего роднаго поэта. Цѣлый день онъ провелъ въ кругу земляковъ, пѣлъ народныя пѣсни, читалъ кое-что изъ своихъ стихотвореній, былъ повидимому не особенно грустенъ; но замѣтно было, что онъ многое скрывалъ въ душѣ и хотѣлъ, на зло судьбѣ, быть выше ея. Въ дорогѣ отъ Петербурга до Оренбурга онъ былъ всего 9 дней [2]), и отъ этой непривычной для него дороги, отъ безсонницы и перемѣны климата, чувствовалъ слабые признаки лихорадки. На другой день сдѣлалось уже извѣстно, что его предназначаютъ въ Орскую крѣпость. Земляки совѣтывали ему, какъ больному, отправиться въ лазаретъ недѣли на двѣ и въ это время надѣялись выхлопотать, чтобы его оставили въ оренбургскомъ баталіонѣ, гдѣ жизнь

---

[1]) Фельдъегерь Виддеръ, какъ сообщали мы въ статьѣ: „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“, Кіев. Старина 1896 г. № 2. Н. Ш.

[2]) Въ книгѣ М. К. Чалаго („Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“. стр. 66), равно какъ и въ его предисловія къ помѣщеннымъ въ февральской книгѣ Кіев. Старины воспоминаніямъ Ѳ. М. Лазаревскаго, говорилось, что этотъ переѣздъ былъ совершенъ въ семь дней; сообщеніе Михаила М-ча о продолжительности переѣзда болѣе согласуется съ тѣми документальными данными, которыя приведены нами въ вышеупомянутой статьѣ.—Н. Ш.

для Ш. была бы сколько-нибудь сноснѣе. Но онъ отказался отъ этого, какъ изъ отвращенія къ лазаретамъ, такъ и потому, какъ онъ говорилъ, что никогда еще никого не обманывалъ, а поступленіе въ лазаретъ онъ считалъ обманомъ начальства, такъ какъ можетъ обойтись безъ помощи доктора. Просить же за себя онъ не позволилъ, не желая при такихъ обстоятельствахъ унизить себя просьбою. Дня черезъ три его одѣли въ солдатское платье. Когда онъ примѣрялъ брюки, мундиръ и шинель, тогда ему представилось все его будущее, и у него хотѣла выкатиться слеза; но онъ съумѣлъ удержать свои чувства въ казармѣ. Онъ до того не былъ знакомъ съ жизнію и особенно съ жизнію солдата, что, не подозрѣвая, что ему принесли платье сшитое на счетъ казны, спросилъ унтеръ-офицера, что стоитъ платье; тотъ безъ запинки отвѣчалъ 40 р. (тогда въ Оренбургѣ счетъ былъ на ассигнаціи), и Ш. сейчасъ же заплатилъ деньги. Но какой-то офицеръ, узнавши объ этомъ, отнялъ у унтеръ-офицера деньги и возвратилъ Ш.“

О пребываніи Шевченка въ Орской крѣпости и въ частности объ обращеніи съ нимъ маіора Мѣшкова существуютъ, какъ извѣстно, противорѣчія въ біографическихъ матеріалахъ, изъ которыхъ по однимъ Шевченку жилось въ Орской крѣпости недурно, а по другимъ—жизнь его тамъ была очень тяжелая. Въ виду такихъ противорѣчій голосъ Михаила М-ча по этому предмету представляетъ большой интересъ, ибо, на сколько для оренбургской жизни Ш-ка цѣнны воспоминанія Ѳедора М-ча, какъ очевидца, на столько важенъ для біографовъ Ш-ка разсказъ Михаила М-ча о жизни Ш-ка въ Орской крѣпости, такъ какъ, служа въ то время попечителемъ прилинейныхъ киргизовъ, Михаилъ М-чъ часто бывалъ въ Орской крѣпости, видѣлся тамъ съ Ш-мъ и лично наблюдалъ тѣ факты, о которыхъ другіе говорили лишь на основаніи слышаннаго (не исключая и Ѳедора М-ча, который близко зналъ Ш-ка въ Оренбургѣ, но не видѣлъ его въ Орской крѣпости).

Разсказъ Михаила М-ча не только подтверждаетъ свѣдѣнія, сообщенныя въ письмѣ К. И. Герна, но и рисуетъ дѣянія

Мѣшкова въ болѣе некрасивомъ видѣ: Гернъ приписывалъ строгости Мѣшкова тому, что по своему понятію объ обязанностяхъ службы Мѣшковъ добросовѣстно старался образовать изъ Ш-ка хорошаго фронтовика, тогда какъ Михаилъ М-чъ, подтверждая эти строгости, объясняетъ ихъ худшими мотивами, какъ читатель можетъ видѣть изъ слѣдующей выписки, которую мы дѣлаемъ, придавая по вышеобъясненной причинѣ важность отзыву Михаила М-ча:

„Шевченка отправили", разсказываетъ Михаилъ М-чъ, „въ Орскую крѣпость, гдѣ комендантомъ былъ тогда генералъ-маіоръ Исаевъ[1]), человѣкъ старый и довольно добрый. Въ Орской Ш. скоро познакомился съ сосланными туда поляками, и одинъ изъ нихъ, Фишеръ, бывшій учителемъ дѣтей Исаева, сошелся ближе другихъ съ Ш. Чрезъ него Ш. былъ принятъ въ домѣ Исаева и получилъ позволеніе жить въ наемной квартирѣ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Ш. я былъ въ Орской и провелъ нѣсколько дней съ нимъ. Жизнь его, при участіи Исаева, была довольно сносная; онъ большею частію время проводилъ или въ чтеніи книгъ, или въ разговорахъ съ поляками. Но въ 1847 году умеръ Исаевъ, и тогда-то наступило для Шевченка тяжелое время. Баталіонный командиръ маіоръ Мѣшковъ (изъ солдатъ) показалъ надъ нимъ всю силу своей власти. Онъ перевелъ его въ казармы, гдѣ Ш. спалъ и проводилъ цѣлые дни на грязной своей кровати, бывшей въ казармѣ въ числѣ другихъ 50. Пріѣзжая довольно часто въ Орскую по дѣламъ службы, я всегда навѣщалъ Ш. и видѣлъ тогдашнюю его жизнь въ казармахъ. Общество пьяныхъ и развратныхъ солдатъ, невыносимый воздухъ, грязь, постоянный крикъ—все это сильно возмущало Ш.; но онъ не рѣшался просить Мѣшкова объ облегченіи его участи. Впрочемъ, этого солдата-маіора многіе просили о дозволеніи Ш. жить на особой квартирѣ; но онъ не любилъ Ш. за его непреклонность характера, за то,

---

[1]) Однофамилецъ того Исаева (прапорщика), о которомъ разсказывалось въ воспоминаніяхъ Ѳ. М. Лазаревскаго.—Н. Ш.

что онъ не умѣлъ и не хотѣлъ никому кланяться, и водилъ его каждый день вмѣстѣ съ другими на ученье, гдѣ Ш. учился шагистикѣ и ружейнымъ пріемамъ. Ш. нѣсколько разъ сидѣлъ, по милости Мѣшкова, на гауптвахтѣ, и вотъ за что: одинъ разъ онъ просидѣлъ сутки за то, что надѣлъ бѣлыя замшевыя перчатки на улицѣ, а въ другой за то, что, при встрѣчѣ на улицѣ съ Мѣшковымъ, снялъ предъ нимъ фуражку *правою* рукою. При этомъ Мѣшковъ подозвалъ его къ себѣ и, сказавъ: „Вы еще благороднымъ человѣкомъ называетесь, а не знаете, какою рукою нужно снимать фуражку предъ начальствомъ“, отправилъ его на сутки на гауптвахту. И въ казармахъ Ш. большею частію читалъ, доставая книги у знакомыхъ. Въ видѣ особой милости дозволялось Ш. иногда навѣщать знакомыхъ на часъ и на два; но эти его отлучки рѣдко обходились ему безъ приключеній. Солдаты-товарищи Ш. въ отсутствіе его украдутъ, бывало, изъ его шкафика книгу и заложатъ въ кабакѣ. Возвратясь и не найдя какой-либо книги, онъ уже зналъ, гдѣ она, и спрашивалъ товарищей только, въ какомъ кабакѣ и за сколько книга заложена, откуда и выкупалъ ее самъ. Лѣтомъ онъ часто уходилъ на берегъ р. Ори и тамъ между кустами лежалъ по нѣсколько часовъ и мечталъ о родинѣ, о прошедшемъ но боялся, какъ говорилъ, заглядывать въ будущее. Тамъ въ уединеніи онъ вынималъ изъ за голенища кусочекъ бумаги и карандашъ и записывалъ свои поэтическія вдохновенія, которыя скрывалъ не только отъ начальства, но и отъ иныхъ знакомыхъ. Такъ Ш. жилъ до лѣта 1848 года“.

О позднѣйшемъ періодѣ жизни Шевченка въ Орской крѣпости, послѣ того эпизода, о которомъ мы разсказывали въ статьѣ „Къ біографіи Т. Г. Шевченка“ [1]), М. М. Лазаревскій сообщаетъ слѣдующее: „Первый періодъ пребыванія Ш. въ Орской крѣпости хотя былъ и слишкомъ тяжелъ для него, но онъ кое-какъ переносилъ свое несчастіе; когда же его привезли опять туда въ маѣ 1850 г. *подъ строгій надзоръ*, и онъ былъ

[1]) Кіевская Старина 1896 г. № 2.

помѣщенъ въ крѣпости вмѣстѣ съ арестантами, съ которыми исполнялъ всѣ положенныя для нихъ работы, тогда Ш. понялъ вполнѣ положеніе арестанта. Объ этомъ слишкомъ тяжеломъ для него времени Ш. не любилъ вспоминать и говорить, и подробности его жизни за эти пять мѣсяцевъ, вѣроятно, никому неизвѣстны. По прибытіи его осенью 1850 г.“... На этой полуфразѣ рукопись воспоминаній М. М. Лазаревскаго обрывается.

Изъ разсказа М. М. Лазаревскаго видно, что условія жизни Шевченка въ Орской крѣпости имѣли три періода, весьма отличные одинъ отъ другаго: первый, при комендантѣ Исаевѣ, когда Шевченко жилъ на отдѣльной квартирѣ и былъ принятъ у Исаева; второй, послѣ смерти Исаева, когда онъ жилъ вмѣстѣ съ другими солдатами въ казармахъ, изъ которыхъ могъ отлучаться только на короткое время, и третій, въ 1850 году, когда Шевченко былъ помѣщенъ съ арестантами, не смѣлъ никуда отлучаться и вмѣстѣ съ арестантами долженъ былъ исполнять всѣ положенныя для нихъ работы. Это измѣненіе условій жизни, вѣроятно, было причиною противорѣчій, о которыхъ мы упомянули, и которыя объясняются тѣмъ, что лица, имѣвшія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, относившихся только къ одному изъ трехъ періодовъ жизни Шевченка въ Орской крѣпости, на основаніи этихъ свѣдѣній высказывали отзывы о всей его тамошней жизни, какъ будто бы вся она протекла для него однообразно. Повидимому, это дѣлаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и Өедоръ М. Лазаревскій, который, разсказывая о жизни Ш-ка въ Орской крѣпости и называя „нелѣпыми“ разсказы о томъ, что Ш-ко въ Орской крѣпости испилъ горькую чашу, вовсе не упоминаетъ о какомъ либо измѣненіи въ условіяхъ Орской жизни Ш-ка; изъ чего и можно заключать, что, получивъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ одномъ изъ трехъ періодовъ жизни Ш-ка въ Орской крѣпости (вѣроятно—первомъ), онъ распространилъ ихъ на всѣ періоды, не смотря на рѣзкое различіе ихъ.

Оканчивая нашу замѣтку о воспоминаніяхъ Михаила Матвѣевича Лазаревскаго, отмѣтимъ кстати ошибку, которая вкралась въ изданную въ прошломъ году книгу А. Я. Конисскаго „Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка" и не была указана въ двухъ рецензіяхъ труда г. Конисскаго, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ (1898 г. №№ 4 и 9): на страницѣ 266 этой книги авторъ ея смѣшалъ двухъ братьевъ Лазаревскихъ въ подписи подъ портретомъ, которая гласитъ: „Ф. М. Лазаревскій", между тѣмъ какъ въ дѣйствительности помѣщенный надъ нею портретъ изображаетъ автора воспоминаній, о которыхъ мы вели рѣчь,—Михаила Матвѣевича Лазаревскаго. Такимъ мы знали его въ началѣ 60-хъ годовъ.

Н. Ш.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

I. Письма Н. А. Ригельмана [1]).

(1846—1853 гг.)

8.

Сто разъ цѣлую тебя, милый, за твое покаяніе, такъ искренно и полно принесенное въ послѣднемъ письмѣ. Съ твоей точки зрѣнія ты имѣешь право быть мною недовольнымъ, но рѣшительно я не участвовалъ въ этомъ урокѣ, какъ ты называешь, а его устроили сами обстоятельства. Впрочемъ онъ и не такъ жестокъ, какъ ты думаешъ: Максимовичъ все-таки не знаетъ, кому я предлагалъ участіе, а Судіенко самъ сказалъ, наконецъ, что причиною твоего отказа должно быть неимѣніе денегъ. Впрочемъ, ты всегда будешь имѣть возможность, когда захочешь, оправдаться передъ самимъ собою, о другихъ я не говорю, потому что въ такомъ дѣлѣ постороннее обвиненіе ничто въ сравненіи съ собственнымъ убѣжденіемъ. Ты имѣешь право винить меня въ одномъ: въ холодномъ тонѣ предложенія,—сознаюсь,съ моей стороны это былъ умыселъ—испытать насколько твое убѣжденіе имѣетъ силы воплотиться во внѣшности и перейти въ самое дѣло; а потомъ еще по моей непривычкѣ ставить что либо на ходули, особенно посягая на чьи

[1]) См. Кіевск. Стар., май, 181.

нибудь деньги. Повторяю, если исполненіе покажется удачнымъ, и если издатель не ослабнетъ (что надо сказать не невозможно по его усталой природѣ), то ты успѣешь всегда принести жертву свою.

Ваше заграничное путешествіе, къ сожалѣнію для васъ и къ эгоистическому удовольствію моему, не можетъ состояться по переворотамъ мятежнаго запада, возстающаго противъ законныхъ властей, какъ говоритъ манифестъ. Мы уже получили указъ о невыдачѣ русскимъ подданнымъ заграничныхъ паспортовъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, и то съ разрѣшенія высочайшаго. А удивительныя дѣла дѣлаются въ Европѣ: точно рѣка послѣ зимнихъ морозовъ, пригрѣтая весеннимъ солнцемъ, рветъ свои ледяныя оковы, разливается широко вдоль, уничтожаетъ мосты, плотины и сноситъ иныя обиталища. Вопросъ— какимъ русломъ потечетъ она, когда спадетъ вода, и удобритъ-ли почву береговъ, или мѣстами занесетъ ее иломъ и пескомъ? Благодаря этому разливу, снова возникаетъ надежда видѣть тебя въ Кіевѣ, когда уменьшится разливъ нашего Днѣпра. Впрочемъ онъ такой мирный, что не помѣшаетъ тебѣ насъ навѣстить, лишь была-бы охота. Ѳед. Вас. Чижовъ еще здѣсь, т. е. находится въ лаврѣ для говѣнья; надо сказать, что онъ сдѣлался, или дѣлается очень богомоленъ. Счастливъ, въ комъ возникаетъ это убѣжденіе; это такой пріютъ и пристань, которую ничто не замѣнитъ. У насъ все по прежнему, Кіевъ съ весною очень опустѣлъ; и я считаю себя совершенно въ деревнѣ, что имѣетъ свою привлекательную сторону. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души и цѣлую ручки твоихъ дамъ.

Н. Р.

Кіевъ. 26 марта, 1848 г.

9.

Спѣшу отвѣчать на твое письмо изъ Чернигова, любезный дружище, и предупредить, что я дѣйствительно имѣю намѣреніе осчастливить вашъ знаменитый градъ своимъ посѣщеніемъ,

и въ непродолжительномъ времени, а именно: около второй половины будущаго мѣсяца, не смотря на всѣ опасности, грозящія мнѣ въ этомъ эльдорадо, и на всѣ сѣти раскинутыя на мое уловленіе милою сестрицею, явно или лучше сказать тайно замысляющею мою пагубу. Но (о великое *но!*) я такъ закаленъ противъ соблазновъ подобнаго рода, такъ закованъ въ непроницаемую броню сомнѣній, что могу уподобиться въ этомъ случаѣ человѣку, снабженному новоизобрѣтеннымъ пожарнымъ платьемъ, который въ своей скорлупѣ можетъ свободно входить въ самое пламя, обращаться съ огнемъ совершенно запросто, тушить или раздувать его по произволу и потому выходить изъ него, какъ ни въ чемъ не бывало. Опыты моего искусства и обязываюсь показать въ Черниговѣ для удовольствія моей сестрицы, милѣйшей и добрѣйшей сестрицы, какую когда либо создавалъ свѣтъ! Хотя мое прибытіе зависитъ отъ нѣсколькихъ *если*, которые подобно паутинѣ опутываютъ меня постоянно, но я надѣюсь порвать эту паутину, когда-бы только хоть природа поблагопріятствовала и подложила сколько нибудь снѣгу, потому что на колесахъ ѣхать зѣло не благонадежно: у васъ вѣрно ѣздятъ на саняхъ, а у насъ ни то ни сё; а потому присоедини мои мольбы къ небу, чтобы оно послало снѣгу (это вольная рифма). Ты меня потревожилъ извѣстіемъ о нездоровьи маменьки; надѣюсь однако, что нѣтъ ничего важнаго. На праздникахъ я дѣйствительно имѣлъ также намѣреніе ѣхать въ Андреевку, но мы ожидали Норова, который явился 6-го числа и осматривалъ заведенія, коими какъ говорятъ остался доволенъ. Сдѣлай же одолженіе, *не стрибай* изъ Чернигова никуда въ будущемъ мѣсяцѣ; если я тебя тамъ не застану, то разозлюсь до крайности. Теперь все мое помышленіе сосредоточено на снѣгѣ и хотя по прежнему я чуждаюсь термометровъ, но каждое утро смотрю умильно на небо, и готовъ прибѣгнуть къ заклинаніямъ, чтобы оно покрыло землю обычною бѣлой пеленой.

Увѣдоми меня съ первою почтою, въ какомъ состояніи здоровья ты нашелъ маменьку. Теперь мнѣ нельзя пріѣхать по разнымъ очень уважительнымъ причинамъ.

Ты мнѣ ничего не пишешь (по обыкновенію) о дѣлѣ, т. е. о пѣсняхъ; между тѣмъ здѣсь ко мнѣ сильно пристаетъ Амвросій (т. е. Метлинскій) на счетъ ихъ изданія; здѣсь еще набралось ихъ нѣсколько. Я отдѣлываюсь кое какъ; и прошу тебя окончательно рѣшить—намѣренъ-ли ты ихъ издавать или нѣтъ.

Если будетъ санная дорога, и князь отпустить, непремѣнно пріѣду; въ противномъ случаѣ надо будетъ отложить до масляницы; а между тѣмъ обнимаю тебя крѣпко и цѣлую ручки милой сестры.

Твой Н. Р.

Напиши мнѣ подробно и такъ обстоятельно, какъ ты только способенъ, намѣренъ ли ты уѣзжать изъ Чернигова, когда, насколько времени и къ какому числу воротишься.

Кіевъ. 25 генваря, 1853.

10.

Ты врядъ-ли можешь себѣ представить, милѣйшій мой побратиме, какъ мнѣ грустно, что обстоятельства уничтожили мою надежду видѣться съ тобой этою зимой; что дѣлать, не пеняй на меня и вѣрь, что были причины, поважнѣе непроѣздимыхъ дорогъ, которыя помѣшали мнѣ удовлетворить этой потребности моей души. Но къ свѣтлому празднику я надѣюсь посѣтить Андреевку, и исполню это *непремѣнно,* если буду здоровъ и Богу будетъ угодно; не смѣю ожидать отъ тебя жертвы, чтобы ты остался въ Черниговѣ проводить праздникъ, но ты можешь или могъ-бы кажется дотянуть твое пребываніе въ немъ до страстной недѣли. Я же въ такомъ случаѣ выѣхалъ бы въ субботу, или даже въ пятницу на шестой, такимъ образомъ, что могъ-бы провести съ тобой дня два или три, а затѣмъ вы бы отправились въ Сокиринцы, а я домой, гдѣ могъ бы еще отговѣться до воскресенья. Вотъ тебѣ мой проектъ; уговаривать тебя не имѣю духу, зная, какъ тебѣ скучно въ Черниговѣ и главное въ разлукѣ съ тётушкой; я никогда не былъ на столько

эгоистомъ, чтобы требовать чьихъ нибудь жертвъ для себя,—но не нужно тебѣ говорить, если-бы ты нашелъ возможнымъ осуществить это—я несказанно былъ-бы тебѣ благодаренъ. Одно что можно сказать, что дорбги и Десна къ тому времени сдѣлаются получше. Прошу тебя во всякомъ случаѣ съ первою почтою меня увѣдомить можешь-ли ты остаться въ Черниговѣ до страстной недѣли, чтобы я сообразно тому могъ расположить свои дѣла. А есть о чемъ намъ потолковать, и даже о вещахъ не терпящихъ отлагательства. Я бы привезъ тебѣ образцы изъ сборника украинскихъ пѣсень, приготовленнаго къ изданію Метлинскимъ (то есть *слова*); онъ сильно надѣется на твое содѣйствіе и я также. Пѣсень будетъ всѣхъ до 300 и между ними много очень хорошихъ; вообще если изданіе состоится, то оно будетъ первое въ отношеніи систематическаго расположенія,—такъ, что всѣ стороны жизни народа какъ внѣшней, такъ и внутренней, отразятся въ собственномъ ихъ зеркалѣ, разумѣется съ большею или меньшею полнотою, смотря потому, какъ богатъ каждый отдѣлъ. Еще я велѣлъ переписать для тебя одну комедію изъ черноморскаго быта, не безъ достоинства, по юмору и также множеству народныхъ пѣсенъ, въ нее вставленныхъ. Касательно нотъ не знаю еще твоихъ плановъ; но кажется ты ихъ затѣиваешь слишкомъ на аристократическую ногу; между тѣмъ какъ отъ этого кромѣ убытка не будетъ ни какой пользы, ни для аристократовъ, которые давно оглохли ко всему живому, да и не стоятъ они того, чтобы объ нихъ заботиться,—экая большая честь высокимъ изліяніямъ народной чистой души, что они заваляются гдѣ нибудь въ гостинной нарядной куклы,—ни для издателей, а главный вредъ для людей средней руки, которые и захотѣли-бы купить, да не будутъ въ состояніи, потому что покажется дорого. Впрочемъ ты издаешь, а потому твоя и воля. Ты кажется писалъ, чтобы купить какія то книги; уже теперь не помню,—а потому если хочешь что имѣть, то повтори свои требованія. Въ собраніи приготовленномъ Метлинскимъ нѣкоторые отдѣлы очень богаты, а другіе тощи, а именно мало пѣсенъ 1) купальскихъ, 2) троицкихъ или русальныхъ, 3)

косовичныхъ и гребецкихъ, 4) зажнивныхъ, 5) осеннихъ, въ которыхъ говорится, что улицы перемѣняются на вечерницы и приглашаются сватать дивчатъ, 6) колыбельныхъ, 7) поминальныхъ, 8) относящихся къ сельскимъ промысламъ. Не можешь-ли ты найти у кого либо изъ своихъ знакомыхъ для пополненія этихъ отдѣловъ, напримѣръ у Лизогубовъ; если у нихъ есть, то попроси—это будетъ большое одолженіе. Да и тебѣ непремѣнно слѣдуетъ поручить нѣсколькимъ изъ своихъ подчиненныхъ, болѣе способныхъ, собирать постоянно пѣсни и думы.

Въ свободныя и покойныя минуты, которыхъ немного, я стараюсь сосредоточить свое чтеніе на нашей старинной духовной литературѣ и открываю обширнѣйшее поприще, на которомъ были дѣятелями наши предки, люди замѣчательные и достойные всякаго уваженія, большею частью воспитанные въ кіевской академіи. Вслѣдствіе этого началъ собирать старыя книги XVII и XVIII стол., вышедшія въ южномъ и южно-западномъ краѣ, на славянскомъ и мѣстномъ языкѣ. Если-бы ты встрѣтилъ въ Черниговѣ или гдѣ бы то ни было, что нибудь въ этомъ родѣ, то сдѣлай одолженіе увѣдомляй, или даже просто покупай для меня.—Между прочимъ, при Лазарѣ Барановичѣ былъ нѣкто Крщановичъ, архимандритомъ въ черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ, строитель большой церкви; онъ оставилъ послѣ себя записки, которыя могутъ быть очень любопытны и о нихъ можно узнать у эконома черниговскаго архіерейскаго дома архимандрита Иларіона (если онъ еще тамъ существуетъ) [1]). Такъ какъ я думаю, что у тебя довольно свободнаго времени, то доберись какъ нибудь до вышеупомянутаго лица, и нельзя-ли ихъ получить для прочёта, или для списанія, или тамъ дать списать. Во всякомъ случаѣ увѣдоми (хотя впослѣдствіи) узнаешь ли ты что нибудь.

Но главное хотѣлось-бы видѣться съ тобой, чтобы поговорить о себѣ; право не знаю, что съ собой дѣлать; хотѣлось бы поболтать въ горшкѣ (?) своей жизни, авось не вышло-ли бы

---

1) Едва ли эти *записки* существовали. Нѣтъ сомнѣнія, что архіеп. Филаретъ Гумилевскій ихъ нашелъ бы. *Ред.*

что нибудь лучшее, нежели было доселѣ. А то ужъ скучновато дѣлается; и Кіевъ скученъ и пустъ, и занятія мои часто непріятны и пусты; да и толку въ нихъ я не вижу; хотѣлось-бы перемѣнить мѣсто, хоть-бы перелечь на другой бокъ; но рѣшительно по одной лѣни и апатіи не хочется двинутся, а чувствую, что глупо и оставаться въ такомъ положеніи. Авось изъ разговора нашего вышелъ-бы какой нибудь толчекъ, который-бы ударилъ меня въ спину.

Поцѣлуй за меня мою дорогую сестрицу и скажи, что за свое письмо я ожидаю отъ нея описанія всѣхъ интересныхъ дѣвушекъ и женъ мужатыхъ черниговскаго общества, купно съ бывшими увеселеніями. Вѣроятно первая статья не такъ многочисленна, чтобы могла ее утомить. Обнимаю тебя крѣпчайшимъ образомъ, милый другъ мой, до скораго или нескораго свиданія.

Извѣстно ли тебѣ важное событіе, что я уже давно надворный совѣтникъ, небось завидно вамъ титулярнымъ?

Кіевъ. 25 марта, 1853

---

11. [1])

Итакъ, мой вселюбезнѣйшій Григорій, на дняхъ я воротился изъ моего маленькаго объѣзда и принимаюсь за перо (какъ говорили древніе новыхъ временъ), чтобы поблагодарить тебя за твое обязательное посланіе и перекинуться словомъ. Былъ въ Васильковѣ, Бѣлой-Церкви, Сквирѣ, Махновкѣ, Житомірѣ и Радомыслѣ. Мои путевыя впечатлѣнія принадлежатъ больше училищному вѣдомству, а потому для тебя не интересны; впрочемъ, надо сказать, что эта поѣздка походила на объѣздъ доктора, навѣщающаго своихъ больныхъ; мои больные большею частью самаго безнадежнаго свойства и потому мнѣ оставалось расточать имъ совѣты, въ которыхъ самъ врачъ имѣлъ мало вѣры, а бо-

[1]) Настоящее письмо получено нами, когда первыя десять были уже набраны. Относится оно къ тому времени, когда Р—въ былъ директоромъ 2-й Кіевской гимназіи, т. е. къ шестидесятымъ годамъ.

лѣе ограничиваться утѣшеніями и успокоивать себя надеждою на милосердіе Божіе.—Замѣчательно, также, что евреи не только одолѣваютъ въ этомъ краю христіанъ на торжищахъ, въ мѣстечкахъ и корчмахъ, но теперь уже и въ училищахъ, и грозятъ заткнуть насъ за поясъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Мы несравненно лучше содержимъ еврейскія училища, чѣмъ наши собственныя, и изъ благодарности воспитывающееся въ нихъ еврейское юношество несравненно лучше учится, лучше держитъ себя, нежели наши, имѣющіе совершенно видъ пролетаріевъ. Въ Бердичевѣ я даже примирился съ еврейскимъ племенемъ, удивляясь его дѣятельности, оборотливости, любуясь оживленною картиною города, составляющаго какой-то оазисъ между нашими пустынными, какъ бы вымершими городами, любуясь тѣсными улицами, небѣлёными высокими домами, которыхъ основанія не видно за разнообразными, характерными группами торгующихъ, до того, что это все напомнило мнѣ итальянскіе города, живописные своею грязью и безпорядкомъ, а также красотою женщинъ.

Послѣ Бердичева интересна была для меня Александрія: [1]) въ домахъ много мраморовъ и античныхъ (вещей?), перенесшихъ меня, благодаря крылатому воображенію, въ лучшія времена заграничнаго странствованія; въ паркѣ есть мѣста превосходныя; не знаю былъ ли ты возлѣ турецкой бесѣдки, передъ которою струится Рось, видная версты на двѣ по теченію—истинно ландшафтное мѣсто, особенно даль превосходна. Есть и другія партіи (перев. съ нѣмецк.), но въ цѣломъ, разумѣется, не выдержитъ критики. Еще интересны были мнѣ по пути скирды хлѣба, окружающія почти во всѣхъ селахъ крестьянскія хаты; но хаты вообще плоховаты: еще, я думаю, не разжились, а индѣ и нѣтъ лѣсу. По скорости путешествія я къ сожалѣнію не могъ сдѣлать подробнѣйшихъ наблюденій; общіе отзывы говорятъ, что народъ разлѣнился, избаловался, что теперь только за хорошую (по ихъ мнѣнію—неумѣренную) плату можно заставить работать.—Поляч(ч)ина стирается видимо съ этой земли, и по всему

[1]) Усадьба гр. Браницкихъ въ Бѣлой Церкви.

замѣтно, что приходитъ ей здѣсь послѣднее время: ея вѣра, языкъ, обычаи, дожившіе до старости, должны уступить мѣсто новому, еще не развитому. Для меня эта мысль сдѣлалась наглядною при осмотрѣ костела бердичевскаго бернардинскаго монастыря и нашего православнаго собора. Одинъ росписанный, обставленный статуями и облѣпленный горельефами, полусумрачный, обремененный украшеніями, не смотря на ихъ барокко, очень живописный и эффектный; нѣсколько монаховъ доживающихъ въ немъ вѣкъ, огромный органъ разстроенный, свой оркестръ играющій каждый день, но ужасно фальшиво;—нашъ соборъ—очень видный, сухой, обыкновенный, но свѣтлой и молодой архитектуры, внутри голыя стѣны бѣлыя, къ одному мѣсту прилѣпленъ—безъ всякой гармоніи съ цѣлымъ—иконостасъ съ неизмѣнными класическами колонами, голо, безвкусно; но за то видно начинающихъ, молодыхъ ребятъ, хоть и немножко безтолковыхъ, но предъ которыми много дороги впереди.

Воротившись изъ пресловутаго путешествія, когда я предавался мирнымъ занятіямъ воспитанія юношества, разнеслась вѣсть о пріѣздѣ въ Кіевъ генер. Ростовцова, а затѣмъ вскорѣ директоръ узналъ о сильной опасности, даже неотвратимо угрожающей его гимназіи. Генер. Ростовцовъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ объявилъ высочайшее повелѣніе о преобразованіи 2-й кіевской гимназіи въ неранжированныя роты кіевск. кад. корпуса, а вмѣстѣ съ тѣмъ о неукоснительномъ очищеніи зданія, которымъ 2-ая гимназія столько поносилася.—Когда упомянутый директоръ призванъ былъ для совѣщанія объ этомъ, то узналъ въ утѣшеніе, что генер. Ростовцовъ будетъ ходатайствовать передъ высшею властію объ оставленіи гимназіи въ живыхъ и сверхъ того, на слезное представленіе директора о разныхъ затрудненіяхъ, обѣщалъ также ходатайствовать объ оставленіи классовъ въ зданіи до 15 іюня, а пансіона только до 15 декабря. Но въ какой степени эти обѣщанія осуществятся—покрыто непроницаемою завѣсою неизвѣстности. Такъ что я уже для себя пріискиваю квартиру, а гимназія, какъ понятіе отвлеченное, то вѣроятно обойдется и безъ нея.

Обнимаю тебя и всѣхъ вашихъ; любезной тетенькѣ цѣлую ручки. Ригельманъ.

12 октября. Кіевъ.

Пояснененіе къ 4-письму Ригельмана. Какъ видно изъ этого письма, небольшой кружокъ тогдашней кіевской молодежи, интересовался жизнью народа и признавая неотложную необходимость его просвѣщенія, задался мыслію печатать книжки на малорусскомъ языкѣ преимущественно для народа. При этомъ рѣшено было, на первый разъ перевести на малорусскій языкъ нѣкоторыя книжки *Сельскаго Чтенія* кн. Одоевскаго. Поясняя въ своемъ письмѣ, почему кружокъ остановился на *Сельскомъ Чтеніи*, Ригельманъ прибавляетъ: „нашлись младики усердно принявшіеся за дѣло, такъ что оно разомъ вскипѣло и *уже готово*". Кто были эти „младики"—объ этомъ находимъ свѣдѣніе въ тѣхъ же отрывочныхъ копіяхъ разныхъ бумагъ, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія *о кіевскихъ славянистахъ*, напечатанныя въ К. Ст. за 1897 г. (январь). Къ числу этихъ *славянистовъ* какъ видно изъ напечатанныхъ уже свѣдѣній, принадлежалъ и Аф. Вас. Маркевичъ (1822 † 1867), причемъ изъ указанныхъ выше рукописныхъ отрывковъ видно, что онъ же, А. В. Марковичъ, былъ однимъ изъ числа „младиковъ", переводившихъ книжки *Сельскаго Чтенія* кн. Одоевскаго. Какимъ образомъ родилась мысль у *кіевскихъ славянистовъ* объ изданіи для народа популярнаго чтенія, это между прочимъ отчасти видно, изъ имѣющихся копій „отвѣтовъ" Марковича на предложенный вопросъ—почему *славянисты* находили нужнымъ изданіе книгъ для народа и какія книги при этомъ имѣлись въ виду издавать? На этотъ вопросъ Марковичъ отвѣчалъ: „Родившись въ Малороссіи и воспитываясь первоначально въ деревнѣ, а потомъ часто бывая въ Малороссіи у родныхъ, я бывалъ неоднократно свидѣтелемъ того развращенія и нравственнаго упадка простаго народа, которое производится, въ немъ пьянствомъ, сопровождаемымъ самымъ отвратительнымъ безобразіемъ... Невольно, послѣ этихъ грустныхъ тягостныхъ впечатлѣній, являлась въ душѣ мысль,

какимъ образомъ избавить этотъ добрый народъ отъ бѣдствій, въ какія ввергаютъ его непомѣрное употребленіе водки... Мы знали по слухамъ, что само благодѣтельное правительство удостоило на предметъ сей обратить свое вниманіе... Сколько по этому, столько же и по собственному убѣжденію, что ничто такъ не можетъ прекратить въ простомъ народѣ пьянство, какъ наставительное чтеніе, я полагалъ, что изданіемъ подобнаго чтенія можно помочь самому правительству въ исполненіи святыхъ его намѣреній. Другой цѣли я никакой не имѣлъ и имѣть не могъ, это доказывается тѣмъ, что мы хотѣли переводить именно для него простонародный языкъ *Сельское Чтеніе* князя Одоевскаго. Если оно издается для великороссіянъ, то тѣмъ болѣе нужно для малороссіянъ, ибо у первыхъ по существованіи откуповъ, пьянство не доходитъ до такого огромнаго размѣра, въ которомъ оно является въ Малороссіи".—Поэтому, говоритъ далѣе Марковичъ, имѣлось въ виду издавать для народа „такое точно чтеніе, какое издаетъ кн. Одоевскій, съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ мѣстности, какъ все сіе можно видѣть изъ сдѣланныхъ мною нѣкоторыхъ переводовъ означеннаго чтенія". Далѣе, въ тѣхъ же отвѣтахъ Марковичъ говоритъ, что „для изданія чтеній не для одного простого народа, но и вообще для публики, мы рѣшились сдѣлать между собою небольшой денежный сборъ. Деньги эти кажется долженъ былъ собирать Костомаровъ посредствомъ добровольныхъ пожертвованій. Предположено было собирать по десяти рублей, каковое количество я отдалъ Костомарову въ генварѣ или февралѣ нынѣшняго (1847) году. Сколько мнѣ извѣстно деньги должны были храниться у Костомарова, но сколько ихъ было собрано я не знаю."

---

2. Два письма А. Л. Метлинскаго.

(*1852—1853 г.*)

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій (р. 1814 † 1870), уроженецъ Гадяцкаго уѣзда, Полтавской губерніи, извѣстенъ, какъ

одинъ изъ ревностныхъ воздѣлывателей языка своей родины; также ревностно трудился онъ и надъ собраніемъ памятниковъ пѣсеннаго украинскаго творчества. Литературные свои труды М—ій помѣщалъ въ имъ же изданныхъ двухъ сборникахъ: „Думки и пѣсни та шче де щчо“ (1839 [1]) и „Южномъ русскомъ сборникѣ“ (1848). Собранныя пѣсни М—ій напечаталъ въ известной своей книгѣ—Народныя южнорусскія пѣсни, въ 1854 г. М—ій былъ идеалистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и біографъ его вполнѣ правъ, говоря, что этотъ человѣкъ „былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ рѣдкаго“ [2]). А. Л. М—ій, какъ извѣстно, былъ профессоромъ русской словесности, сначала въ кіевскомъ университетѣ (до 1854 г. включительно), а затѣмъ—въ харьковскомъ, до отставки въ 1858 г.

—

1.

М. г., Григорій Павловичъ. Выбачайте, будьте ласкави, колы може? дуже часто турбую васъ своимы пысульками. Бажаеться мыни показаты вамъ форматъ, печать и орѳографію усякыхъ кныжокъ, яки у мене йе, въ натури, то чы не можна буде панови завернуты на часынку до мене? А колы николы, то я скажу хлопцеви прынесты за мною кныжки, та и подывымось на ныхъ укупи, або у вечери у Н. А. Ригельмана, колы панъ тамъ буде, або у яке друге время, колы завгодно. Та чы не будыте у историка Маркевича? Хотилось бы мыни побачыть гараздъ свого чоловика, бо такыхъ не дуже багато на свити. Думаю все про ъ и ы, що колы прынять сыхъ пузатыхъ трутнивъ, то або форматъ буде шырокый, ломани строкы, що негарно. Вашъ покирный слуга А. Метлинскій.

9 февраля 1852.

—

[1]) См. Кіевск. Стар. наст. г., мартъ, отд. 2-й, стр. 141.

[2]) Такимъ же человѣкомъ былъ и братъ Амвр. Л—ча — Федоръ Лукьяновичъ Метлинскій, бывшій учитель новгородсѣверской гимназіи. См. о немъ Кіевск. Стар., 1894, августъ, 144.

2.

М. г., почтеннѣйшій добродію, Григорій Павловичъ! На счастя, на здоровья, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю, и всяку пашныцю! Поздоровляю васъ изъ новымъ годомъ! Дай вамъ, Боже, изъ усима вашымы родычамы и пріятелямы и добрыми людьмы, всёго доброго на сей годъ на многи лита! А засымъ, перевернувшы мову на иншый ладъ, поговорымо про дило!

Съ годъ тому назадъ, помнится, въ прошлогодніе контракты, вспоминали мы съ вами о предполагаемомъ и отчасти подготовленномъ у васъ изданіи пѣсенъ съ голосами и музыкой, и я обѣщалъ вамъ постараться, при помощи г. Голого (Holy), умножить ваше собраніе пѣсень съ голосами. Въ прошедшемъже году, 1852-мъ, лѣтомъ, въ концѣ іюля, видѣвшись въ Пескахъ[1]), также говорили мы объ этомъ предпріятіи, подвигавшемся, хотя и медленно, къ своему исполненію. Тогда высказали вы надежду, что, быть можетъ, зимою удастся издать если не всѣ пѣсни, то, по крайней мѣрѣ, часть ихъ. Поэтому, зная вашу любовь къ этому благому дѣлу, вмѣняю себѣ въ обязанность извѣстить васъ о ходѣ его и просить вашего совѣта, распоряженія и содѣйствія для дальнѣйшаго его выполненія и окончанія. У васъ собрано, кажется, 50 (или 100?) пѣсенъ съ голосами. Ноты ихъ есть у Н. А. Ригельмана, а словъ нѣтъ. Такъ ежели не откладывать изданія до будущаго неизвѣстнаго времени, то надобно поспѣшить вамъ выслать слова пѣсенъ для передачи въ цензуру. Если пришлете въ генварѣ, то въ мартѣ и апрѣлѣ можно будетъ печатать (въ маѣ быть можетъ, я уѣду изъ Кіева). Кромѣ вашего собранія, Голый записалъ (т. е. положилъ на ноты) 100 голосовъ отъ одного студента, необыкновенно памятливаго на мотивы пѣсенъ, знающаго ихъ до двухсотъ, со словами, и болѣе[2]). Студентъ этотъ никогда не занимался музыкою, а только съ дѣтства поетъ пѣсни, часто бывая между простымъ народомъ и потому

---

[1]) Имѣніе Галагановъ, Лохвицк. у.

[2]) Можетъ быть, рѣчь идетъ о Ст. Дан. Носѣ. *Ред.*

мотивы его безъ всякой примѣси искусственной музыки; поетъ онъ ихъ всегда одинаково, помнитъ твердо. По мнѣнію г. Голого, голоса эти должно быть совершенно народны. Впрочемъ, въ голосахъ пѣсенъ, какъ и въ словахъ есть множество варіантовъ, и ежели ожидать, пока отыщется самый лучшій варіантъ, то никогда ничего нельзя издать, потому что пѣсни безпрестанно видоизмѣняются въ словахъ и пѣніи различными лицами безъ конца, до безконечности, Желая совершенства возможнаго предполагаемому изданію, я боюсь только, какъ бы оно черезъ это и не уничтожилось, потому, что будущее не во власти нашей. Почти для полусотни у г. Голого написана и музыка; слова, т. е. текстъ, дописываются набѣло, исправляются и скоро будутъ готовы для отдачи въ цензуру. Николай Аркадьевичъ (Ригельманъ) сказывалъ мнѣ, что общій знакомый вашъ Лизогубъ (Андрей Ивановичъ), большой знатокъ музыки, также занимается народными мотивами. Раздѣляя мнѣніе Н. А. что, быть можетъ, у простолюдиновъ голоса лучше списать-бы и что, быть можетъ, и аккомпаниманъ Голого не вполнѣ въ народномъ духѣ, я думалъ-бы издать приличнымъ образомъ, не слишкомъ изящно и дорого, но и чистенько и подешевле, сотни полторы пѣсенъ съ голосами. Это распространило бы, кромѣ сохраненія мотивовъ, и самую любовь къ народной поэзіи и музыкѣ и лучше всего содѣйствовало- бы и къ образованію людей для подобнаго дѣла. Подробности сообщаю вамъ на широкихъ поляхъ письма.

Всегда душевно любящій и уважающій васъ Амвросій Лукьяновъ Метлинскій.

Здѣсь, въ Кіевѣ, можно литографировать ноты и можно ихъ печатать, не такъ впрочемъ какъ печатаются книги, но особеннымъ образомъ. Послѣдній способъ здѣсь самый употребительный: онъ дешевъ и удобенъ для корректуры. Первый красивѣе, но гораздо дороже. За печатную большую страницу нотъ, на которой помѣстится до 3 пѣсень съ аккомпаниманомъ, Брифъ возьметъ рубля два серебромъ (для небольшихъ изданій онъ беретъ по три) съ бумагою. Слѣд., примѣрно ноты для 150

пѣсенъ стоятъ 100 р. сереб. и т. д. Текстъ, полагая по 2 стр. на пѣсню (но часто выйдетъ и меньше), для 150 пѣсень составитъ около 20 листовъ. Но вѣрнѣе положить по 1-й стр. на пѣсню, тогда 10 печ. листовъ около 150 руб. сереб. Печатать, кажется, нужно экз. 300 нотъ и экз. 600 текста. Можно издать сначала 100 или 50 пѣсень. Текстъ особо, въ особой книжкѣ, сколько я могъ узнать отъ музыкантовъ, не затруднитъ играющихъ и поющихъ, а изданіе удешевитъ, уменьшитъ его издержки. Г. Гологого можно будетъ отблагодарить полусотнею или сотнею экзем., которые онъ распуститъ между учениками своими, а выручку за остальные обратить на новое изданіе. У меня есть опера-водевиль, въ 2-хъ частяхъ, на м. я. (малор. язык.) *Чорноморськый побытъ*, сочиненіе одного черноморського полковника (Я. Г. Кухаренка). Надѣюсь доставить вамъ копію черезъ Н-я А-ча, предполагающаго побывать у васъ, если ко времени поѣздки его успѣютъ переписать. Сегодня отдамъ писцу (листовъ 20, думаю); Если, любезнѣйшій Григорій Павловичъ, разсудите за благо ускорить изданіе пѣсень съ нотами, то напишите обо всемъ, какъ можно подробнѣе и обстоятельнѣе, чтобы могли мы сдѣлать угодное вамъ, а на счетъ издержекъ, обозначивъ ихъ nec plus ultra или—*итогъ*; можете уполномочить Николая Аркадьевича. Этотъ почетный уголъ [1]) письма кстати для извѣстія о посѣщеніи насъ товарищемъ министра Норовымъ. Третьяго дня М. В. Юзефовичъ представлялъ ему профессоровъ, почти каждаго поименно, потомъ студентовъ, и наконецъ осмотрѣли нѣсколько кабинетовъ; вчера предполагали осмотрѣть остальное въ университетѣ и гимназіи. Онъ здѣсь дня на два, проѣздомъ. Чрезвычайно ласковъ и вѣжливъ въ обращеніи. Со всякимъ почти изъ профессоровъ сказалъ нѣсколько словъ. Меня нѣсколько удивило даже, когда я услышалъ отъ него: я знаю васъ по вашимъ прекраснымъ трудамъ,—и потомъ: вы трудитесь для академіи. Я точно послалъ изданія свои во 2-е отд. академіи, по требованію его. Стоитъ вамъ выписать извѣстія 2-го отд. академіи [2]).

8 января. 1853. Кіевъ.

---

[1]) Писано сбоку письма.

[2]) Въ настоящемъ письмѣ рѣчь идетъ, повидимому, объ изданномъ Г. П. Галаганомъ въ 1857 г. Сборникѣ *Южно-руськ. писни зъ голосами.*

Документы, извѣстія и замѣтки.

Украинская дума въ польской литературѣ [1]. Г. Іосифъ Третякъ въ библіотекѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ нашелъ рукопись, озаглавленную *Silva Rerum z XVII wieku* (по каталогу № 377) и въ ней стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Duma ukraínna*. Въ точномъ переводѣ дума эта гласитъ такъ: «Скажи, звучная моя кобза, какую-то думу можемъ мы выспѣвать? Разскажите, звонкія струны, жизнь пристойную, возлюбленную. Одинъ проводитъ вѣкъ въ торговлѣ, другой добываетъ прибыль умомъ, иной привыкъ нудиться надъ хозяйствомъ и доживаетъ до большихъ денегъ. Только тотъ кругомъ должаетъ, кто служитъ отечеству дланью, теряетъ здоровье въ невѣрномъ бою; Богъ и слава награждаютъ его. Напрасно онъ ожидаетъ заботы о немъ или хоть слабаго къ нему вниманія. Однако пусть другой что хочетъ предпринимаетъ, свободный выборъ тутъ нуженъ. Разсчетъ уступаетъ разсчету. Скажи, кто знаетъ что-нибудь лучше военнаго ремесла? Что можетъ быть красивѣе рыцарскаго молодца? Онъ видитъ необозримыя поля, одѣтыя молодой травой, развившіяся дубровы, видитъ различныхъ птицъ, неисчислимыя стаи звѣрей, воды, переполненныя рыбами. Тамъ или селянинъ мочитъ свои сѣти въ погонѣ за рыбою, или опытный стрѣлецъ добываетъ звѣря. Тамъ убогій днѣпровскій козакъ не безъ трепета переплываетъ въ челнѣ черезъ каменные пороги, плохо питаясь саламахой. Тамъ жолнеръ стоитъ укрѣпленнымъ лагеремъ, закованный

[1] Ateneum 1899 г., февраль, 317—327.

въ желѣзо; холодное небо укрываетъ его, дождь и роса огрѣваютъ его. Онъ или ѣдетъ держать стражу, или послѣ плохаго обѣда въ кругу пріятелей объѣзжаетъ коней, или стремится перстень надѣть на копье. Или, легко вооруженный, онъ стремглавъ бросается на непріятельскія стѣны, бѣжитъ, наклонившись, черезъ лѣсъ, въ поискахъ славы, а иногда и прибыли. Если забьютъ тревогу, онъ съ трескомъ выходитъ изъ лагеря; хоругви развѣваются, бубны и трубы гремятъ. Молодежь заводитъ легкіе герцы, потомъ бродитъ на лошадяхъ по крови. Иному острый окровавленный палашъ выцѣживаетъ кровь, наполняя ею рукава. Иному кривая сабля снесла голову съ плечъ, палъ пронзенный пулею, третьяго сразила стальная пика. Иному мѣткая стрѣла застряла посреди бока, другой, хотя и упалъ нераненнымъ, но былъ растоптанъ лошадьми. Одна сторона остается сломленною и безстыдно удираетъ; безпощадный побѣдитель продолжаетъ наноситъ тяжкіе удары. Боже, заботящійся о судьбахъ рыцарскаго народа, убогій жолнеръ проситъ Тебя: вознагради его на небесахъ за испытанныя страданія».

Изучая эту думу съ разныхъ сторонъ, г. Третякъ приходитъ къ заключенію, что она не есть произведеніе народнаго творчества, такъ какъ на ней замѣтны вліянія на ея автора поэзіи Кохановскаго, а главнымъ образомъ его поэмы «*Sobótki*». Но въ тоже время нѣкоторыя строфы ея напоминаютъ и чисто народныя пѣсни. Такимъ образомъ она занимаетъ среднее мѣсто между искусственной и народной поэзіей.

Когда и гдѣ сочинена эта дума? спрашиваетъ авторъ и останавливается на томъ, что она написана между 1585 и 1632 гг. и притомъ на Украинѣ.

Кто-же былъ авторомъ думы? опять спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «.... По всей вѣроятности, одинъ изъ той горсти кварцяныхъ жолнеровъ, которая, начиная со времени Сигизмунда-Августа, охраняла обширныя южныя границы Рѣчи-Посполитой отъ нападеній враговъ; можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ, которые одерживали блестящія побѣды въ Волощинѣ подъ командою Замойскаго или съ Жолкевскимъ клали свои головы на поляхъ цецорскихъ. Такой гетманъ, какъ Жолкевскій, могъ не одного изъ своихъ подчиненныхъ вдохновить мыслью о высокомъ призваніи христіанскаго воина и о томъ, что наградятъ такого воина только Богъ да слава».

Жолнеръ-поэтъ назвалъ свою пѣсню *украинскою думою.* Она не похожа на думы по формѣ стиховъ, но предназначалась для пѣнія подъ акомпаниментъ кобзы, которыя въ XVI вѣкѣ была уже музыкальнымъ инструментомъ, очень распространеннымъ по всей Польшѣ. Вотъ почему жолнеръ, который долго прожилъ на Украинѣ и слышалъ, какъ тамъ пѣли думы въ сопровожденіи звуковъ кобзы, назвалъ и свою пѣсню думою, не заботясь о томъ, что въ свою пѣсню онъ ввелъ и строфы, и правильный размѣръ съ рифмою, которыхъ никогда не употребляли слагатели настоящихъ украинскихъ думъ.

А. С.

Старинная коляда. Давно миновали тѣ времена, когда студенты Кіевской духовной академіи, единственнаго въ свое время разсадника просвѣщенія въ Малороссіи, снискивали себѣ пропитаніе отъ доброхотныхъ подаяній. Надо думать, что особенно обильную дань собирали они въ праздникъ Рождества Христова. Воспоминаніе о великомъ событіи давало богатыя и самыя разнообразныя темы для сочиненія торжественныхъ виршей, трогательныхъ колядъ, побожныхъ кантовъ и т. п. Даровитые студіозы имѣли возможность блеснуть всѣми тонкостями усвоенной ими схоластической премудростью. Изумленные слушатели поневолѣ дѣлались щедрѣе, а это-то и было конечною цѣлью странствованій кіевскихъ бурсаковъ. Похожденія ихъ, опоэтизированныя творческою рукою Гоголя, будутъ вѣчно жить въ его безсмертныхъ твореніяхъ.

Современная дѣйствительность мало сохранила слѣдовъ объ этихъ похожденіяхъ. Живыя воспоминанія давно изгладились; лишь въ ветхихъ пожелтѣвшихъ «шпаргалахъ» старика—священника, гдѣнибудь въ далекой сельской глуши, можно случайно наткнуться на какое-нибудь поздравительное стихотвореніе, «виршованіе» съ новымъ годомъ, или коладу, носящія на себѣ явный отпечатокъ семинарскаго сочинительства.

Къ числу такихъ произведеній бурсацкаго пера относится нижеприводимая коляда. Она списана съ тетрадки, принадлежавшей нынѣ покойному уже священнику м. Волочиска, Староконстантиновскаго у., Волынской губ., о. Стефану Каролинскому. Находящіеся въ

концѣ этой коляды два латинскіе стиха вполнѣ выдаютъ ея автора. Извѣстно, какое господствующее значеніе имѣла въ прежнее время, латынь въ нашихъ семинаріяхъ. Безъ латыни семинаристъ шагу ступить не могъ. Всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ. Неудивительно, что семинаристы получали вкусъ къ латыни, переводили малороссійскія пѣсни на латинскій языкъ и при всякомъ удобномъ случаѣ щеголяли знаніемъ этого языка. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша коляда сочинена какимъ-то невѣдомымъ семинаристомъ.

К о л я д а.

Надъ вертепомъ зирныця
Тамъ-то свитыть ясно;
Надъ шопою блыщыця
Кобы сонце красно.
    Выйды зъ буды, Иване,
    Глянь на небо, Степане,
    Що жъ тамъ такого.
Звезды бачать короля
Далеко отъ шопы;
Бьють поклоны монархове,
Яко прости хлопы;
    На колинка впадають,
    Подарунки отдають,
    Бога вытають.
Злото, мыро, кадыло
А все зъ нумерамы;
Трыста коней козакивъ,
А все зъ бандурками,
    Утишають дытятко,
    Надобное панятко,
    Весело грають!
Ой пиду ще и я тамъ,
Буду помогаты,
Чи не дасть Богъ счаслыво
Спасиння дождаты.
    На кобзоньку заграю,
    Бо цымбаливъ не маю,
    И на фуяру.

Не забуду ще й дримблп
Для теи дитыны,
Виршуваты не вмію,
Тилько по латыни:
Centoria aremus,
Saeculorum bembemus,
Більше не знаю.

Считаю не лишнимъ дать объясненіе двухъ малоупотребительныхъ словъ, встрѣчающихся въ этой колядѣ. Фуяра—слово, болѣе употребительное въ польскомъ языкѣ,—*дудка*. Дримбли—такъ называется *губная гармоника*, которую покупають для дѣтей въ качествѣ игрушки. Что касается до находящихся здѣсь латинскихъ виршей, то предоставляемъ латинянамъ разобраться въ нихъ.

В. Храневичъ.

Пирятинская „городовая армата" въ 1691 году. Въ той же пирятинской протокольной книгѣ, отрывокъ изъ которой приведенъ въ майской книгѣ К. Старины (II, 76) находится и настоящій списокъ пирятинскихъ городовыхъ (мѣйскихъ) пушекъ и гаковницъ. [1]) Любопытенъ онъ уже и потому, что указываеть на степень вооруженія сотенныхъ городковъ, которые, какъ видно, сами должны были заботиться объ этомъ вооруженіи.

«*Ресетръ для памяти намъ, старшинѣ городовой пирятинской, много знайдуется арматъ мѣйскихъ. Уписано року 1690, мѣс. септеврия 5 дня.* Перщая армата—безгубая, що була у войску.—Другая армата гладкая, тожъ мѣская.—Третая армата—подъ змнею.—Четвертая, великая новая.—Пятая армата,—подъ волкомъ.—Шестая армата, подъ стрѣлою.—Двѣ армати подъ орлами, новпе.—Знову двѣ армати, тилко з лиштвами, новихъ.—Една гармата без гербу, полская, за мѣскіе гроши купленая.—Чинитъ всѣхъ арматъ мѣскихъ пирятинскихъ личбы одинадесять; а особливе арматокъ три малихъ его мати п. Леонтиевихъ Свѣччиныхъ, полковника лубенского, которые тутже зостаютъ в городѣ Пирятинѣ.—А гаковницъ мѣскихъ всѣхъ знайдуется штукъ одинадцать.»

---

1) Гаковницы=пищали. Линде гаворитъ, что гаковницы (rodzay strzelby długiéy) dawniéy po fortesch w mocnym były używaniu.

Народный взглядъ на „нечистую" женщину. Къ остатку такъ называемыхъ культурныхъ переживаній относится и понятіе простого народа о женщинѣ, какъ о существѣ «нечистомъ» въ извѣстное время (во время регулъ и послѣ родовъ). Такое понятіе не есть исключительная особенность вѣрованій только нашего народа, это отголосокъ общераспространеннаго понятія о женщинѣ всѣхъ народовъ и всѣхъ странъ. Н. Ѳ. Сумцовъ, между прочимъ, говоритъ, что „понятія о нечистотѣ женщины распространены у различныхъ народовъ востока и запада" («Кіев. Стар.» 89 г. октябрь стр. 36 «Культурныя переживанія», гл. 83 «розмывки»). Извѣстный знатокъ этого предмета д-ръ Плоссъ также утверждаетъ неопровержимый фактъ, что на всемъ земномъ шарѣ женщина во время регулъ считается нечистою» («Женщина» стр. 27, изд. Щепанскаго).

Еще у иранцевъ, затѣмъ мидянъ, бактрянъ, персовъ, въ древности у евреевъ, грековъ, у магометанъ, у всѣхъ дикихъ первобытныхъ народовъ существовали понятія о женщинѣ, какъ о существѣ нечистомъ въ извѣстное время и вредномъ. Плиній такъ именно отзывается о женщинахъ: Моисей относительно «нечистыхъ женщинъ» предписалъ особые законы и правила; Магометъ въ своемъ коранѣ также предписываетъ правовѣрнымъ особыя правила относительно «нечистыхъ» женщинъ. Въ Аравіи, Египтѣ, восточной и западной Африкѣ, Японіи, Китаѣ,—вездѣ на этотъ счетъ существовали издавна и существуютъ нынѣ о женщинѣ подобныя понятія и воззрѣнія [1].

У всѣхъ дикихъ народовъ Африки, Америки и Австраліи женщинъ, когда онѣ дѣлаются нечистыми, даже изолируютъ отъ остальныхъ людей, удаляютъ изъ селъ въ лѣса, или въ особыя, спеціально для этого построенныя зданія, воспрещали и воспрещаютъ подъ угрозою кары всякое сношеніе и соприкосновеніе съ «нечистыми» женщинами, пока онѣ опять не сдѣлаются «чистыми», существовала и существуетъ нынѣ масса всевозможныхъ обрядовъ, примѣняемыхъ во время нечистоты и очищенія женщины [2].

У нашего простаго народа, никакихъ подобныхъ обрядовъ, кромѣ описаннаго Н. Ѳ. Сумцовымъ обряда „розмывокъ" («Культ. Переж.»), не практикуется, но тѣмъ не менѣе понятіе о женщинѣ, какъ о существѣ въ извѣстное время нечистомъ и вредномъ, вкоре-

[1]) Плоссъ, „Женщина".

[2]) Ibid.

нилось глубоко, и народъ держится этого взгляда и понатія слѣпо. На Волыни народъ повсемѣстно о женщинахъ во время регулъ и послѣ родовъ иначе не скажетъ (и даже женщины о самихъ себѣ), какъ «нечыста». Впрочемъ, по словамъ Н. Ѳ. Сумцова, понятіе о женщинѣ, какъ о существѣ нечистомъ, существуетъ и распространено не только въ Малороссіи, но и у великороссовъ въ Томской губерніи, Нижегородской, Тульской, въ сѣверныхъ и сѣверо восточныхъ губерніяхъ.

По понятіямъ волынскаго простолюдина (наблюденія сдѣланы въ Староконстант. и Заславскомъ уѣздахъ, Волынской губ.) «нечистая» женщина не должна ничего предпринимать или начинать въ работѣ, ибо работа или предпріятіе ей не удастся, не будетъ спориться; не должна печь хлѣба, солить огурцы или капусту, пахтать масло, варить варенье, т. к. все это испортится, скиснетъ или сгніетъ. Подобное же повѣрье, по словамъ Віслоцкаго, существуетъ у цыганъ [1]).

«Нечистая» женщина не должна ни доить коровъ, ни даже прикасаться къ молочнымъ продуктамъ, не должна ходить или прикасаться къ кадкамъ съ огурцами, капустою, банкамъ съ вареньемъ, бочкамъ съ пивомъ, медомъ и квасомъ, т. к. капуста, огурцы, варенье медъ, пиво, квасъ отъ прикосновенія такой женщины скисаетъ. Повѣрье это сходно съ подобнымъ же вѣрованіемъ, издавна существующимъ у германскихъ народовъ, о такомъ же вѣрованіи народа сообщаетъ и Плиній [2]).

Если «нечистая» женщина взлѣзетъ на фруктовое дерево, то фрукты послѣ этого съ дерева осыплются, ихъ поточатъ черви и они быстро погніютъ, самое дерево усохнетъ; «нечистой» женщинѣ нельзя рвать фрукты, овощи, растенія а равно нельзя садить растенія, цвѣты, овощи; вырванное—сгніетъ, а посаженное и посѣянное не будетъ рости и посохнетъ. Съ подобными же вѣрованіями, существовавшими въ древности, знакомитъ насъ все тотъ же Плиній, который разсказываетъ слѣдующее о бѣдахъ, причиняемыхъ «нечистой» женщиною: «Если женщина близко подходитъ къ виноградному суслу, то вино скисаетъ; полевые плоды отъ ея прикосновенія становятся безплодными, привитые побѣги умираютъ; ростки въ садахъ погибаютъ, плоды спадаютъ съ дерева, подъ которымъ она сидетъ»; почти то же пишетъ

[1]) Плоссъ „Женщина“.

[2]) Ibid.

св. Гильдельгарда... Такое же повѣрье существуетъ среди германскихъ народовъ, народовъ Силезіи, Швабіи, Италіи, на Рейнѣ, и т. п. [1])

По вѣрованію нашего народа, если человѣку идущему на охоту, рыбную ловлю или по дѣлу, дорогу перейдетъ нечистая женщина,— то онъ будетъ имѣть полную неудачу въ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Такая женщина легко можетъ сглазить дитя или больного, который отъ ея глаза будетъ еще дольше и сильнѣе болѣть; такой женщинѣ нельзя показывать язвъ и ранъ, которыя отъ ея глаза не скоро заживутъ, долго и сильно будутъ болѣть.

Повѣрье о дурномъ, вредномъ глазѣ «нечистой» женщины несомнѣнно отголосокъ такого же повѣрья, сильно распространеннаго у индѣйцевъ племени сонки, малайцевъ и многихъ другихъ дикихъ народовъ, а также у французовъ, германцевъ, и у жителей Кипра и Кандіи [2]).

Если человѣкъ нечаянно вступитъ въ кровь «нечистой» женщины, то заболѣетъ. Точно такъ же вѣрятъ на этотъ счетъ индѣйцы, малайцы, гванкуры и друг. дикія племена [3]).

«Нечистая» женщина, по понятіямъ нашего народа, иногда бываетъ очень тяжела, такъ что иногда пара лошадей съ трудомъ везутъ ее. Такое же повѣрье существуетъ въ Италіи, въ провинціи Бари [4]).

Если мужчина будетъ имѣть сношеніе съ «нечистою» женщиною, то онъ обязательно отъ этого заболѣетъ. Послѣднее вѣрованіе, какъ то утверждаетъ Плоссъ, [5]) распространено положительно по всему земному шару, у всѣхъ азіатскихъ, африканскихъ племенъ и народовъ и вездѣ въ Европѣ, у магометанъ, итальянцевъ, германцевъ, и т. д. и имѣетъ корнемъ своимъ глубочайшую древность. У Авесты, Зороастра, Магомета, Моисея, можно найти строгія запрещенія и относительно сношенія мужчинъ съ «нечистыми» женщинами, причемъ у евреевъ мужчина за сношеніе съ «нечистою» женщиною подвергался вмѣстѣ съ нею смертной казни. У насъ въ Россіи, въ юго-западной части Тульской губерніи мужчина, имѣвшій сношеніе съ «нечистою» женщиною, самъ дѣлается «нечистымъ» и считается таковымъ до тѣхъ поръ, пока не обольется водой, или не сходитъ въ баню. [6])

---

[1]) Плоссъ, „Женщина".
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.
[6]) „Кіев. Стар." 89 г. октябрь, стр. 36. „Культур. Переж." Н. Ѳ. Сумцова

Въ одной старинной нѣмецкой книгѣ, напечатанной еще въ 1610 году, заключается масса совѣтовъ относительно «нечистыхъ» женщинъ и, между прочимъ, что такая женщина не должна ни цѣловать, ни даже трогать дѣтей, въ кухнѣ ей не слѣдуетъ прикасаться къ кушаньямъ, нельзя ходить въ погребъ, дотрогиваться до бочекъ съ виномъ «въ саду не слѣдуетъ останавливаться возлѣ молодыхъ деревьевъ», и проч.. и проч. [1])

Въ Персіи съ древнихъ временъ существуетъ воззрѣніе, что «нечистая» женщина однимъ взглядомъ своимъ оскверняетъ огонь, воду, растенія, животныхъ и людей [2]); такое-же воззрѣніе существуетъ и у разныхъ дикихъ народовъ [3]).

По глубокому вѣрованію нашего народа, «нечистая» женщина не должна ходить въ церковь, цѣловать иконъ, ходить за крестнымъ ходомъ, а тѣмъ паче, пріобщаться или вѣнчаться, — т. к. это тяжкій, непростительный грѣхъ. Нѣкоторыя дикія индѣйскія племена, а также японцы и турки тоже воспрещаютъ, подъ угрозою кары, своимъ женщинамъ во время регулъ приносить жертвы своимъ богамъ [4]) посѣщать храмы молиться и совершать религіозные обряды. «Нечистая» женщина не должна ни съ кѣмъ цѣловаться, т. к. отъ ея поцѣлуевъ на лицѣ и губахъ того, кого поцѣлуетъ, появятся прыщи или особаго рода сыпь — «вогныкъ». Это воззрѣніе — есть отголосокъ такого же воззрѣнія, существующаго у германцевъ, французовъ и многихъ др. народовъ. Бѣлье «нечистыхъ» женщинъ нельзя мыть съ бѣльемъ другихъ людей. Если въ одномъ домѣ есть сразу двѣ «нечистыя» женщины, то бѣлье ихъ нельзя мыть вмѣстѣ, а каждая должна мыть свое отдѣльно. Это повѣрье находитъ соотвѣтствіе у другихъ народовъ, напр., въ провинціяхъ Беллуно и Тривизо [5]). Изъ всего вышесказаннаго становится очевиднымъ, что понятіе и вѣрованіе народа о женщинѣ, какъ о существѣ въ извѣстное время нечистомъ и вредномъ, есть не болѣе, какъ отголосокъ понятій и воззрѣній, издавна существовавшихъ у древнихъ и нынѣ существующихъ, у многихъ первобытныхъ и культурныхъ народовъ.

Ив. Бѣньковскій.

---

[1]) Плоссъ „Женщина".

[2]) Дилленъ. Дуал. въ Авестѣ, и Плоссъ, „Женщина".

[3]) Плоссъ, „Женщина".

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

Къ исторіи цеховъ. Исторія ремесленныхъ цеховъ въ Малороссіи еще не написана, хотя напечатано уже достаточное количество разныхъ гетманскихъ универсаловъ и полковничьихъ «листовъ», утверждающихъ «новоухваленные» цехи. Какъ извѣстно, ремесленные цехи въ старой Малороссіи обязаны были поддерживать благолѣпіе приходскихъ церквей; это обстоятельство было причиною почему, какъ гетманы, такъ и полковники, очень заботились объ устроеніи и поддержкѣ цеховъ. Какое значеніе цехи имѣли на развитіе ремесленой промышленности въ старой Малороссіи—объ этомъ раскажетъ будущій ихъ историкъ, а пока приводимъ здѣсь два полковничьихъ «листа» съ подтвержденіемъ новоустановленныхъ цеховъ въ мѣстечкѣ Рѣпкахъ, Городницкаго уѣзда, Черниговской губерніи.

I. Василій Бурковскій, полковникъ Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского чернѣговскій.

Вамъ, гончаромъ буянскимъ, приказую властию моею полковницкою, абысте Сави Руденъку, цехмистру гончарскому рѣпицкому, были послушными и в цеху его могли зоставать завъше, яко и иные гончари зостаютъ и послушенство отдають, абысте и вы подъ цехомъ были и належное з себе отдавали (конечне), в чемъ колвехъ по васъ помочи будетъ потребоватъ, не были спречными, и повторе о томъ пилно приказую. З Чернигова, 21 дня июля, 1676 року. (М .П.) Звышъменованый полковникъ черниговскій. (*Съ подлинника* [1]).

II. Его імператорского пресвѣтлого величества Войска Запорожского полковникъ черниговскій Павелъ Полуботокъ.

Всѣмъ обще, кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, а особливе дозорцѣ нашому рѣпицкому и кождому жителеви тамошнему ознаймуемъ, ижъ будучи тутъ въ Чернѣговѣ Александеръ Шиманскій, цехмистръ ремесныковъ рѣпицкихъ, доносилъ намъ, что зъ ухвалы общой ихъ новый учиненъ зосталъ цехъ и канунъ отъ ремесныцкого ихъ дѣла заведенъ на вспоможене церквѣ божественной; толко нѣ-

---

[1]) Подпись писана тѣмъ же писаремъ, который писалъ и весь полковничій „листъ", хотя, какъ извѣстно, Василій Борковскій былъ хорошо грамотный человѣкъ. Отсюда видно, что приложеніе печати на актахъ не только вполнѣ замѣняло подпись, но имѣло и большее значеніе—въ виду рѣдкой въ то время грамотности среди властныхъ лицъ. Интересно, что на печати Борковскаго гербъ изображаетъ не *лебедя* (гербъ Борковскимъ), а—саблю и крестъ. Значитъ, въ это время козацкая старшина еще не заглядывала въ польскіе *гербаржи*, а довольствовалась козацкими эмблемами, употребляя: *кресты*, *сабли*, *луны*, *звѣзды*...

которые ремесники отъ оного уврываючися, едны подъ паномъ Яковомъ Бакуринскымъ, сотныкомъ роискымъ, другіе подъ паномъ Захаріемъ Ліеговичомъ, третіе подъ панею Петровою, сотныковою, бывшию роискою, не хотятъ до цеху належати и оному вспоможеня ку хвалѣ Божой стягаючогося чиныты; того рады просилъ насъ о тое, жебысмо той іхъ новоухваленный цехъ нашымъ ствердиля универсаломъ и повелѣли всякому ремесному человѣкови въ селѣ Рѣпкахъ живючому, чіею бы колвекъ оны мѣли щититися протекціею (кромѣ гончаровъ, у которыхъ особливый здавна естъ цехъ) належати до помянутого цеху и обиклое по пропорціи ремесла чинити до оного вспоможене. Мы прето тое его, цехмистра, прошеніе принавши за слушное, а барзѣй желаючи росширеня хвалѣ Божой, яко вѣдаемъ, же тотъ новоухваленный цехъ не для якихъ иншихъ безпотребныхъ прибытковъ, толко для удоволеня нуждъ церковныхъ естъ учиненъ, такъ ствержаючи оный симъ нашымъ унѣверсаломъ, приказуемъ, абы всякий ремесныкъ, кромѣ вышъназмененныхъ гончаровъ отъ того новоухваленнего цеху не ухилялся и належитое зъ ремесла, по мѣри заробутку, чинылъ оному вспоможене. А если бы хто въ речоныхъ ремесныковъ оказался сему быти противнымъ, то такого всякого позволяемъ ему цехмистру до тоей повинности нахиляти, въ чомъ и дозорца нашъ рѣпицкій повиненъ всякое чинть ему вспоможене приказуемъ. Данъ въ Чернѣговѣ, февр. 19, року 1722. Вышъменованный полковникъ чернѣговскій рукою власною. (М. п.). (*Съ подлинника*).

Старинныя пригласительныя на свадьбу письма (*1729—1735 г.*). «Весельные акты» справлялись у козацкой старшины также публично и съ соблюденіемъ того же ритуала, какъ справляется теперь «весилля» у крестьянъ и мѣщанъ въ Малороссіи. При этомъ на такой „актъ“ приглашались повозможности всѣ родичи и сосѣди, чтобы «приоздобити» брачный пиръ, т. е. совершить его въ возможномъ многолюдствѣ и съ возможнымъ торжествомъ. Приводимъ здѣсь три пригласительныя письма на такіе «весельные акты», посланныя стародубскому богачу, сначала полков. писарю, а потомъ бунчук товарищу Григорію Скорупѣ [1]).

---

[1]) О немъ см. Сулим. Архивъ, стр. XI.

I. Мосцѣ пане Григорій Скорупа, мнѣ велце мосцѣ пане и зичливий племѣннику. Судбами непостижимыми всемогій Богъ доживотного его милость пана Петра Чорнолуского въ домъ мой дочерѣ моей Аннѣ послалъ приятеля, которихъ то я хотѣнію соизволяя, сего на атѣ 26 числа означенний терминъ веселного предлежитъ акту; того ради въ скутость хотя ихъ привести малженства, велце вм. пана со его ж милою панею на предложенный термѣнъ акту веселного прибыть прошу, которихъ в домъ свой благополучного всеусерднимъ хотѣніемъ ожидаю прибытія, будучи вш. м. пану и жичливому племеннѣкови доброжелателний дядко Андрей Миклашевскій.

Октовр. 18 д. 1729. Стародубъ.

Надпись. Моему велце мосцѣвому пану и жичливому племеннѣкови, его милости пану Григорію Скорупѣ, знатному товаришови бунчуковому вручить.

—

II. Мосцѣ пане Григорий Шкорупа, мнѣ велце зичливий приятелю. Froнедѣйствующимъ ізволеніемъ божіимъ и нашимъ родителскимъ благословеніемъ засватали мы милую дщерь нашу Елену за пана Іоана Пѣковця и намѣриваемъ оныхъ милыхъ дѣтей своихъ законному сочетати браку, при обычномъ актѣ веселномъ, слѣдуючого 24 числа, на который то актъ веселний велце прошу вашмосцѣ пана з милою панею прибыти и своею поважною порсоною оный приоздобити приятелно жадаемъ. Вашмосцѣ пану зичливому приятелеви всѣхъ добръ желатель и служить готовъ. Андрей Лизогубъ.

1731. Іюля 20 дня. Конотопъ.

Надпись. Его милости пану Григорію Шкорупѣ, знатному товаришу бунчуковому, моему велце зичливому приятелеви.

—

III. Мосцѣ пане Григорій Скорупа, мой сердечно коханій племяннику. Понеже всеустроевающими судбами божіими дочеръ моя Анастасія сговорена в доживотное сожитіе пану Івану Бороздѣ, которой скуткомъ назначенъ терминъ быть акту веселному сего октоврія 26 д., того ради покорне прошу вм. м. пана з наймилшою панею его на показанній терминъ дочери моей акту веселному в домъ мой прибыть и тамъ вожделѣнною презенціею своею актъ веселній приоздобити, за что вм. м. пану в таковыхъ же случаючихся оккасіяхъ с охотою моею отслужить обдолжаюсь, яко и нынѣ есмъ

вм. м. пана и сердечнекоханого племянника всего добра желателній дядко и служить готовий Андрей Миклашевскій.

1735 году. Октовр. 16 д. Стародубъ.

Надпись. Его милости пану Григорію Скоруппѣ, знатному бунчуковому товаришу, моему велце мосцѣ пану и сердечне коханому племяннику вручить.

—

Къ этимъ письмамъ добавимъ, что Андрей Миклашевскій, женатый на княжнѣ Маринѣ Четвертинской, былъ старшимъ сыномъ стародубскаго полковника Михайла Миклашевскаго (о немъ см. Кіев. Стар. 1882 г., августъ, стр. 249), а Андрей Лизогубъ былъ тоже старшимъ сыномъ черниговскаго полковника Ефима Яковлевича Лизогуба. О Лизогубѣ см. Опис. Стар. Малороссіи, II, 203, а о затѣ его, Иванѣ Пиковцѣ—Чтен. въ Ист. Общ. Нестора-лѣтоп., XI, 108.

А. Л.

Письмо Василія Ивановича Григоровича, 1824 года. Въ первой тетради новаго журнала „Искусство и Художеств. Промышленность" (№№ 1 и 2, 1898 г.) помѣщенъ, между прочимъ, портретъ извѣстнаго секретаря академіи художествъ В. И. Григоровича, по поводу упоминанія объ издававшемся имъ (1823—1825) «Журналѣ изящныхъ искусствъ». Этому В. И. Григоровичу Шевченко, какъ извѣстно, посвятилъ своихъ Гайдамаковъ, «въ память 22 апрѣля 1838 года». Указанный здѣсь день былъ днемъ освобожденія Шевченка отъ крѣпости; отсюда слѣдуетъ думать, что Григоровичъ тоже принималъ участіе въ освобожденіи нашего „Кобзаря", хотя объ этомъ фактѣ у позднѣйшаго біографа его нѣтъ упоминанія. О Григоровичѣ (р. 1786 † 1865) печатныхъ свѣдѣній такъ мало, что считаемъ нелишнимъ привести здѣсь одно его письмо, дающее кое какія о немъ свѣдѣнія. В. И. Григоровичъ былъ женатъ на одной изъ дочерей извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, который въ письмѣ своемъ къ Ив. Р. Марсосу говоритъ о немъ: «Софьюшка, ваша крестница, замужемъ за Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Батюшка его Иванъ Никитичъ и матушка Прасковія Дмитріевна *живутъ въ Пирятинѣ*..." Отсюда видно, что Г—чъ былъ пирятинецъ, а слѣдовательно землякъ Шевченка. По своей близости къ

семьѣ И. П. Мартоса, Григоровичъ былъ знакомъ и съ Ив. Роман. Мартосомъ, къ которому Мартосъ-скульпторъ питалъ теплое чувство [1]). Какъ видно, и Григоровичъ изрѣдка переписывался съ этимъ родственникомъ и крестнымъ отцомъ своей жены. Одно изъ этихъ писемъ мы и приводимъ здѣсь. «М. г. Иванъ Романовичъ! У меня словъ не достаетъ для извиненій въ долгомъ моемъ молчаніи и если-бы я не увѣренъ въ вашемъ къ намъ благорасположеніи, то конечно не смѣлъ бы уже отозваться. Такимъ образомъ приложивъ вину къ винѣ, еще болѣе былъ бы виноватъ предъ вами. Но я знаю, что вы несмотря ни на что, всегда неизмѣнный въ чувствахъ къ роднымъ вашимъ и потому-то осмѣливаюсь писать къ вамъ.

Мы слава Богу здоровы, т. е. я, Софья моя и три сына: Василій, Николай и Константинъ. Всѣ они радуютъ насъ и утѣшаютъ своего дорогого дѣдушку, который забавляется съ ними въ часы весьма немногихъ досуговъ своихъ. Вы знаете, какъ Иванъ Петровичъ любитъ дѣтей и какъ подвиженъ, несмотря на свои лѣта. Объ васъ мы всегда бесѣдуемъ съ нимъ, помнимъ ваши ласки къ намъ и Софья никогда не забудетъ, что вы были для нея и сестеръ. Хлопоты мои, занятія и труды слишкомъ меня обременяющіе, только и были причиною того, что я не писалъ вамъ. Вѣрьте, что другой причины тому не было.

Служба же идетъ впередъ, но изданіе журнала („Изящныхъ Искусствъ“) хотя и не принесло выгодъ значущихъ, но доставило мнѣ нѣкоторое вниманіе людей почтенныхъ и извѣстность. На нихъ, при помощи Божіей, я имѣю надежды и быть можетъ служба моя улучшится. Впрочемъ, чтобы ни было, я покоренъ провидѣнію; имъ былъ я ведомъ доселѣ,—оно управитъ пути мои и въ будущемъ.

Государь императоръ повелѣть соизволилъ продолжать изданіе журнала моего и въ пособіе пожаловало мнѣ девять тысячъ рублей. Такая милость ободряетъ меня къ дальнѣйшему труду и съ января мѣсяца начнется второе годовое изданіе, которое буду имѣть удовольствіе доставлять къ вамъ съ условіемъ неплатить мнѣ за него. Я желаю имѣть позволеніе ваше сдѣлать вамъ сіе малозначущее приношеніе и надѣюсь, что вы мнѣ въ томъ не откажете. Съ симъ же намѣреніемъ я доставлялъ вамъ и первое мое изданіе, но вы не получивъ вѣроятно письма моего, прислали мнѣ деньги, отъ которыхъ признаюсь вамъ я краснѣлъ.

[1]) Кіевск. Стар. 1895 г., іюнь, 345 и слѣд.

7-го пришедшаго ноября бывшее здѣсь наводненіе причинило ужасныя бѣдствія; болѣе тысячи человѣкъ потонуло, чрезвычайное множество скота погибло, домики деревянные разрушены; потери частныя и казенныя неисчислимыя. Въ окрестностяхъ тоже. Въ Кронштатѣ весь флотъ потерпѣлъ, укрѣпленія смыты, но тамъ потеря въ людяхъ простирается до ста человѣкъ не болѣе, а изъ морскихъ ни одинъ не погибъ.

Мы видѣли несчастіе, но Богу угодно было спасти насъ. Изъ нашего семейства никто не потерпѣлъ. Одна только Вѣра Ивановна напугана наводненіемъ до чрезвычайности и такъ какъ она беременна, то мы на счетъ ея имѣемъ опасеніе.

Съ наступающимъ новымъ годомъ и праздникомъ Рождества Христова поздравляемъ васъ, всепочтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, и желаемъ вамъ всѣхъ благъ возможныхъ въ семъ мірѣ.

Мнѣ остается присовокупить еще просьбу: въ новомъ году непомнить старой вины моей и любить такъ, какъ любили насъ прежде.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности неограниченной имѣемъ честь быть вашъ, м. г., покорнѣйшіе и преданнѣйшіе слуги Василій Григоровичъ. Софья Григоровичева.

Вручитель сего письма Александръ Ивановичъ г. Родиславскій хорошій мой пріятель.

19 декабря. 1824. С.-Петербургъ.

Дневникъ Я. И. Костенецкаго. Въ 1885 г. умеръ въ Конотопскомъ уѣздѣ, на 76-мъ году отъ роду, одинъ изъ замѣтныхъ его обывателей—Яковъ Ивановичъ Костенецкій, оставившій послѣ себя замѣчательный дневникъ, по поводу котораго мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Въ воспоминаніяхъ Герцена («Былое и Думы») объ университетской его жизни, послѣ упоминанія объ арестѣ въ 1832 г. студентовъ Костенецкаго и Антоновича, говорится, что «Костенецкій отличился рядовымъ на Кавказѣ и былъ произведенъ въ офицеры. Антоновичъ тоже». Это значитъ, что, послѣ ареста, Костенецкій и Антоновичъ были разжалованы въ солдаты въ кавказскія войска.—И Костенецкій, и Антоновичъ оба были черниговцы, одинъ—конотопецъ, а другой кролевчанинъ (изъ хутора *Курячаго*). Платонъ Александровичъ Ан-

тоновичъ тоже былъ произведенъ въ офицеры и кончилъ свою общественною дѣятельность—попечителемъ кіевскаго округа. Доля Як. Ив. Костенецкаго была скромнѣе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ случилось намъ встрѣтить П. А. Антоновича въ Москвѣ, въ одномъ знакомомъ домѣ. Если не ошибаемся, А—чъ тогда былъ керченскимъ градоначальникомъ. Разговорившись о родинѣ, Антоновичъ спросилъ насъ: а что подѣлываетъ Яковъ Ивановичъ?—Ничего не зная о прежнихъ отношеніяхъ А—ча и К—аго, мы неосторожно отвѣтили, что Я. И. К—ій, занимая въ Конотопскомъ уѣздѣ должность исправника, почему-то *долженъ былъ оставить* службу и живетъ теперь на покоѣ, хозяйствуя. Упоминаніе о томъ, что К—ій *долженъ былъ оставить службу* видимо взволновало А—ча, который послѣ нѣкоторой паузы, пояснилъ, что онъ былъ разжалованъ въ солдаты вмѣстѣ съ Костенецкимъ и первое время, находясь въ какомъ то полку, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Тамани или около, однимъ словомъ, на берегу Чернаго моря. «Здѣсь бывало, сказалъ затѣмъ А—чъ, пойдемъ мы съ К—мъ на берегъ моря,—онъ начнетъ играть на скрипкѣ, а я пла́чу, пла̀чу...»

Я. И. К—ій былъ очень умный и очень практическій человѣкъ. По выходѣ въ отставку, у Я. И. было небольшое имѣніе въ родовомъ селѣ Костенецкихъ Веревкѣ; онъ его продалъ и купилъ взамѣнъ у Н. Н. Константинова, въ с. Подлинномъ, имѣніе по тогдашнему счету *въ сто душъ*, а по теперешнему—около тысячи десятинъ. Н. Н. К—въ былъ холостой и больной чехоткой человѣкъ; собираясь умирать, онъ желалъ передать свое имѣніе нѣжно любимой незамужней сестрѣ Татьянѣ Николаевнѣ († 1885 г.). Узнавъ объ этомъ К—ій убѣдилъ К—ва, что дѣвушкѣ гораздо лучше получить деньги, чѣмъ имѣніе, съ которымъ ей трудно справляться, и предложилъ К—ву купить его имѣніе; К—въ согласился, но такъ какъ Я. И. не желалъ покупать гласно, то имъ придуманъ былъ способъ негласный—покупка не по купчей, а по *улиточной записи*. Такъ и сдѣлали: К—въ выдалъ К—му на свое имѣніе этотъ актъ, который *впослѣдствіи* могъ быть обращенъ въ актъ крѣпостной. Послѣ смерти Н. Н. К—ва, его наслѣдники признавая эту сдѣлку съ Я. И. К—мъ для себя невыгодною и въ тоже время незаконною, начали противъ Кост—аго судебный процессъ, доказывая, что по улиточной записи можно уступать только «открывшееся» наслѣдство, а не полученное ужé. При тогдашней судебной практикѣ вопросъ объ улиточныхъ

записяхъ былъ такъ мало выясненъ, что лишь рѣдкіе юристы-практики кое-какъ понимали смыслъ этого института, заимствованнаго изъ литовскаго статута. Когда споръ этотъ съ К—выми перенесенъ былъ въ сенатъ, то Я. И. К—ій лично отправился въ Петербургъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ и желая пояснить смыслъ улиточной записи въ благопріятномъ для себя смыслѣ, напечаталъ о ней статью въ Журн. Мин. Юст. (кажется, въ 1861 г.). Въ сенатѣ дѣло было рѣшено въ пользу Костенецкаго, при чемъ, очень можетъ быть, что его статья объ улиточной записи оказала тутъ немалую помощь.—Послѣ этого наслѣдники К—выхъ обратились къ высочайшей власти и по любопытному разсказу самого же Я. И. К—аго, императоръ Николай I обратилъ было на это дѣло особое свое вниманіе [1]); но государь вслѣдъ затѣмъ умеръ, К—вымъ еще разъ было отказано и Костенецкій сталъ безспорнымъ владѣльцемъ кругленькаго имѣнія.

Чувствуя приближеніе смерти К—ій въ 1884 г. написалъ завѣщаніе, по которому все свое имѣніе (въ томъ числѣ и «рукописи») завѣщалъ своей дочери (по мужу Глинка); Въ 1885 г. Я. И. К—ій умеръ, а вслѣдъ затѣмъ племянники его начали противъ Пр. Як. Глинки споръ, доказывая недѣйствительность дядинаго завѣщанія, потому что во время написанія завѣщанія К—ій былъ «въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей». Дочь Я. И. К—аго испугалась этого иска и пригласила для защиты знаменитаго адвоката, а судъ (Нѣжинскій), гдѣ производилось дѣло, вызвалъ изъ Кіева не менѣе извѣстнаго психіатра для экспертизы относительно умственныхъ способностей завѣщателя. Но вся эта обстановка была излишнею, такъ какъ никакого не было сомнѣнія ни въ нормальности психики завѣщателя, ни въ личности указанной имъ наслѣдницы. Племянники искъ свой проиграли, но этотъ процессъ былъ поводомъ къ представленію въ судъ *дневника* Я. И. К—аго, какъ матеріала для экспертизы. Дневникъ этотъ представленъ былъ сюда въ *тринадцати томахъ*, причемъ оказалось, что веденъ онъ былъ «почти ежедневно съ 1851 г. по день смерти», т. е. въ продолженіи *тридцати четырехъ лѣтъ* [2]).

---

[1]) См. Разсказы объ императорѣ Николаѣ I, Я. И. Костенецкаго. Историч. Вѣстн. 1883 г., № 6.

[2]) См. Кіевлянинъ, 1888 г., № 29.

Въ дневникѣ этомъ Я. И. К—ій оставилъ замѣчательный памятникъ для исторіи провинціальной жизни второй половины настоящаго вѣка. Это было время *великихъ реформъ*, въ томъ числѣ и освобожденія крестьянъ. Почти во всѣхъ этихъ реформахъ Я. И. К—ій принималъ непосредственное участіе, какъ бывшій владѣлецъ освобожденныхъ крестьянъ, какъ земскій гласный, какъ почетный мировой судья... Всѣ эти реформы, какъ они проявлялись въ глухой провинціи, всѣ они должны были отразиться въ его дневникѣ!—Незауряднною записью долженъ быть этотъ дневникъ умнаго и наблюдательнаго человѣка, обладавшаго къ тому же и литературною жилкою, [1]) а—памятникомъ интересныхъ событій, а потому о сохраненіи этого дневника нельзя не позаботиться. Слѣдуетъ думать, что дневникъ, Я. И. К—аго сохраняется въ семьѣ умершей въ этомъ году его дочери, которая незадолго передъ тѣмъ, продавъ имѣніе свое Н. А. Терещенку, совсѣмъ оставила Конотопскій уѣздъ. Можно пожелать, чтобы дневникъ Я. И. К—го, касаясь главнымъ образомъ Черниговщины, былъ положенъ на сохраненіе въ одну изъ кіевскихъ библіотекъ, публичную или университетскую, такъ какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ можетъ не возбудить должнаго къ себѣ интереса.

А. Л.

Текущія извѣстія.

Постройка зданія музея древностей и искусствъ въ Кіевѣ быстро подвигается впередъ. Согласно съ проектомъ, фасадъ музея будетъ имѣть слѣдующія скульптурныя украшенія: въ трехъугольномъ фронтонѣ, вѣнчающемъ портикъ зданія, будетъ помѣщена большая лѣпная аллегорическая группа, изображающая «Торжество искусства». Эскизъ, составленный скульпторомъ на эту тему, представляетъ въ центральной части богатую, выдержанную въ классическомъ стилѣ

---

[1]) Я. И. К—ій любилъ литературу и самъ въ ней упражнялся. Самою раннею литературною его работою были *Записки объ аварской экспедиціи на Кавказъ 1837 года*, напечатан. въ *Современникѣ* 1850 г., окт. и ноябрь. Затѣмъ извѣстны его *Письма о Пчеловодствѣ*, въ Основѣ 1862 г., и разные мелкіе разсказы, которые К—ій печаталъ въ Историч. Вѣстникѣ.

колесницу, на которой возсѣдаетъ женщина, олицетворяющая искусство. Выѣздъ богини искуства окружаетъ цѣлый сонмъ амуровъ, вооруженныхъ трубами, которыми они и провозглашаютъ искусства. Затѣмъ, на самомъ верху зданія, подъ парапетомъ будетъ поставлена другая аллегорическая группа, состоящая изъ трехъ статуй. Одна изъ статуй изображаетъ живопись, другая—скульптуру, а посрединѣ между ними помѣщается покровитель искусствъ, богъ Фебъ-Аполлонъ, возлагающій руки на головы первыхъ двухъ статуй. На высокихъ выступахъ, по бокамъ громадной лѣстницы, ведущей къ портику музея, будутъ установлены гигантскія изображенія царственныхъ львовъ, помѣщенныхъ на мощныхъ пьедесталахъ. О громадныхъ размѣрахъ этихъ львовъ можно судить по тому, что длина каждаго изъ нихъ будетъ равняться $7^1/_2$ аршинамъ, а вышина составитъ около 4 аршинъ. Вся скульптура будетъ сдѣлана изъ такъ называемаго искусственнаго камня, представляющаго весьма прочный, хорошо противостоящій вліянію атмосферныхъ осадковъ матеріалъ для лѣпныхъ работъ. Недавно также возобновились работы по окончанію постройки музея, которыя рѣшено вести съ такимъ расчетомъ, чтобы къ августу настоящаго года часть зданія была совершенно готова и сюда могли быть переведены назначенныя для музея коллекціи мѣстнаго общества древностей и искусствъ. («Кіевлянинъ»).

Кіевскій отдѣлъ императорскаго географическаго общества. Въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ открытіи отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества въ Кіевѣ, временно закрытаго еще въ царствованіе Императора Александра II. Соотвѣтствующее ходатайство разсмотрѣно въ совѣтѣ географическаго общества и будетъ послано на заключеніе кіевскаго генералъ-губернатора. Лишь послѣ благопріятнаго заключенія вопросъ этотъ можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. (Русск. Вѣд. 1899 г., № 119).

Предполагаемое открытіе въ Екатеринославѣ архивной коммиссіи. По сообщенію газеты «Приднѣпровскій край» (30 апр., № 471) въ

Екатеринославѣ предполагается открытіе ученой архивной коммиссіи. Какъ извѣстно, мысль объ учрежденіи архивныхъ коммиссій, по преимуществу въ губернскихъ городахъ, принадлежитъ покойному Н. В. Калачеву, который представилъ свои соображенія объ учрежденіи ученыхъ коммиссій и историческихъ при нихъ архивовъ съ музеями, тогдашнему президенту академіи наукъ—графу Д. А. Толстому. По разсмотрѣніи этихъ соображеній академіей наукъ, они были внесены въ комитетъ министровъ, и 13 апрѣля 1884 года высочайше соизволено на учрежденіе ученыхъ архивныхъ коммиссій и историческихъ архивовъ, на предложенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ основаніяхъ, заключающихся въ слѣдующемъ: 1) Для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, нетребующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи, учреждаются въ губерніяхъ мѣстные историческіе архивы. 2) Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагается на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную коммиссію. 3) Ученыя губернскія архивныя коммиссіи составляются по взаимному соглашенію директора археологическаго института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ, какъ изъ служащихъ, такъ и не состоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, могущихъ быть полезными коммиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть непремѣнный попечитель такой комиссіи. 4) Предсѣдатель и правитель дѣлъ ученой коммиссіи, а въ случаѣ надобности, и помощникъ предсѣдателя, избираются самою коммиссіею, въ первое ея засѣданіе. 5) На обязанности ученой коммиссіи лежитъ: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ, б) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ описей и указателей и в) расположеніе ихъ въ таковомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій. 6) Копіи съ упомянутыхъ выше описей и указателей и годовые отчеты о своихъ занятіяхъ ученыя коммиссіи представляютъ въ концѣ года директору археологическаго института, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія академіи наукъ, въ видѣ отчета о трудахъ за истекшій годъ по архивному дѣлу въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ учреждены такія коммиссіи. 7) Ученыя ком-

миссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ памятниковъ старины. 8) Расходы, необходимые на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ коммиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи директора археологическаго института и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки. Изъ приведеннаго законоположенія видно—какъ много пользы могутъ сдѣлать архивныя коммиссіи для сохраненія разнаго рода письменныхъ памятниковъ.

Сообщая о предполагаемомъ открытіи архивной коммиссіи въ Екатеринославѣ, газета говоритъ, что этотъ городъ и его губернія представляютъ для трудовъ архивной коммиссіи очень широкое и благодарное поле дѣятельности, какъ во всемъ касающемся славнаго царствованія императрицы Екатерины II, такъ и по богатству памятниковъ «дней славныхъ» Запорожской Сѣчи. Къ этому добавимъ, что главное условіе для успѣшной дѣятельности архивныхъ коммиссій заключается въ наличности *преданнаго* дѣлу «правителя дѣлъ», безъ котораго эти «ученыя коммиссіи» влачатъ жалкое существованіе... Полагаемъ, что одною изъ первыхъ заботъ екатеринославской архивной коммиссіи, если она будетъ открыта, будетъ—возвращеніе въ Екатеринославъ того *запорожскаго архива*, который оттуда былъ вывезенъ А. А. Скальковскимъ. (См. Кіевск. Стар. с. г., февр. 85—87).

Работы по реставрированію Великой лаврской церкви. По сообщенію мѣстной газеты («Кіевлян.», № 118) недавно въ Великой лаврской церкви возобновлены работы по реставрированію этого величественнаго храма. Главныя работы въ настоящее время сосредоточены на изготовленіи разныхъ моделей. Такъ, теперь одновременно изготовляются помощниками академика архитектуры Фартусова модели двухъ мраморныхъ сѣней надъ мощами князя Владиміра и митрополита Михаила, помѣщающимися въ нишахъ на концахъ солеи, мраморныхъ папертныхъ иконостасовъ и такихъ же иконостасовъ на хорахъ, мраморныхъ стѣнныхъ кіотовъ, мраморныхъ клиросовъ главнаго квадрата и, кромѣ того, изготовляется модель желѣзной баллюстрады на солеѣ. Что-же касается главнаго иконостаса, который также будетъ сдѣланъ изъ мрамора, то модель правой его половины

въ настоящее время совершенно готова. Судя по этой модели, сдѣланной въ натуральную величину, иконостасъ обѣщаетъ быть чрезвычайно красивымъ и изящнымъ. Вышина его составляетъ 4 сажени, а въ средней части, надъ царскими вратами, болѣе 5 саженей. Онъ будетъ украшенъ многими колоннами и полуколоннами, сдѣланными изъ мрамора различныхъ цвѣтовъ. По сторонамъ царскихъ вратъ проектированы 2 довольно большихъ малахитовыхъ колонны. Надъ царскими вратами оставлено мѣсто для чудотворной иконы Успенія Божіей Матери. Мѣстныя иконы для проектируемаго иконостаса предложено взять изъ стараго иконостаса. Одновременно съ изготовленіемъ моделей теперь производятся работы по постройкѣ мраморной баллюстрады для хоръ, взятыя съ подряда Фартусовымъ. Необходимый для этого мраморъ получается изъ Италіи, черезъ Одессу, и уже здѣсь надъ нимъ производится теска, рѣзьба, полировка и пр. Живописныя работы также возобновлены, пока, впрочемъ, только г. Поповымъ, главнымъ помощникомъ В. П. Верещагина».

Какъ ни великолѣпны будутъ эти дорогіе мраморы, прибавимъ мы, но сильно жаль уходящей при этомъ изъ достопамятнаго храма еще *болѣе дорогой—старины*...

О сохраненіи памятниковъ народнаго творчества. Мы уже упоминали (февраль II, 88) объ изготовленномъ черниговской губ. земской управой докладѣ—«о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества.» Предполагавшееся разсмотрѣніе этого доклада въ прошлую серію губ. земскаго собранія несостоялось (недошла очередь), но о важности этого доклада мы встрѣтили на страницахъ Спб. Вѣд. (№ 115) слѣдующую интересную замѣтку. Сказавъ о значеніи памятниковъ народнаго творчества вообще, авторъ замѣтки продолжаетъ:

«Вотъ почему заслуживаетъ симпатіи каждый новый шагъ, направленный къ возможно большему сохраненію этихъ остатковъ.

Такой шагъ, между прочимъ, сдѣлало недавно черниговское земство, обратившее вниманіе на одинъ существенный пробѣлъ въ этой области и поспѣшившее его восполнить. Прошедшее Черниговской губерніи,—говорится по этому поводу въ докладѣ черниговской губ. земской управы послѣднему очередному собранію,—яркими красками отразилось въ быту ея населенія. Доисторическая Русь, удѣль-

ный періодъ, войны съ половцами, поляками и татарами, козачество...—все это, пока, еще выдѣляется на общемъ фонѣ народнаго быта. Но не подлежитъ сомнѣнію, что все это, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, переработается и исчезнетъ. Можно предвидѣть что уже не далеко время, когда только въ музеяхъ и на сценѣ будетъ показываться національный женскій костюмъ, какъ пережитокъ. Древнія сказки, обрядовыя пѣсни и думы быстро выходятъ изъ народнаго обихода. А, между тѣмъ, произведенія малороссійской народной литературы, по многочисленности, художественному достоинству и силѣ выраженія, занимаютъ едва-ли не первое мѣсто среди славянскихъ народныхъ литературъ, которыя, въ свою очередь, изъ всѣхъ европейскихъ литературъ наиболѣе богаты образцами устнаго народнаго творчества...

Историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ народной пѣсни. Малорусская мелодія имѣетъ своеобразныя художественныя достоинства. Она, ближе къ природѣ, выражаетъ энергію массъ, умѣреннѣе эксплуатируетъ голосовыя средства; нѣтъ той роскоши регистра, но болѣе теплоты и естественности; если она и стремится къ тѣмъ же художественнымъ результатамъ, какъ итальянская и нѣмецкая, то, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свое содержаніе и выражаетъ его иными способами. Открывая самостоятельные пути для творчества, наряду съ мѣстнымъ національнымъ, малороссійская мелодія, очевидно имѣетъ художественное общечеловѣческое достоинство. Одного этого достаточно, чтобы обратить на нее вниманіе художника и сохранить для будущаго. Но всѣмъ извѣстно, насколько, въ настоящее время, наши народные мотивы,—въ томъ числѣ и малороссійскіе,—портятся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ фабричной и солдатской жизни, съ другой—потому, что въ самомъ народѣ теряется художественное чутье,—потому что и сами интеллигентные исполнители, не имѣя хорошихъ образцовъ, теряютъ способность художественнаго выполненія. Если такъ будетъ продолжаться, то скоро въ Малороссіи нельзя будетъ услышать хорошаго исполненія малороссійскихъ мотивовъ, и какъ теперь археологамъ приходится возстановлять древнегреческіе гимны, такъ, можетъ быть, со временемъ, придется возстановлять, напримѣръ козацкую пѣснь о Морозенкѣ и далеко ѣздить, чтобы услышать ея хорошее исполненіе. Съ этой точки зрѣнія, допустить уничтоженіе старинныхъ мотивовъ было бы не только нашимъ нерадѣніемъ, но чѣмъ то болѣе ошибочнымъ. Это былъ бы художе-

ственный вандализмъ,—новое потопленіе корабля съ произведеніями античнаго искусства. Управа справедливо полагаетъ поэтому, что эти мотивы, какъ художественно-національные, въ видахъ, какъ настоящаго мѣстнаго, такъ и будущаго общечеловѣческаго развитія, должны быть не только по возможности сохранены, но и разработаны для будущаго. Подобно тому, какъ теперь, по Высочайшему повелѣнію при «императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ» особая коммиссія заботится о гармонизаціи собранныхъ пѣсенъ и о распространеніи ихъ въ народѣ, надо позаботиться объ этомъ и для другого остатка славянской старины—мотивовъ малорусскихъ. Подобно тому, какъ «Этнографическій отдѣлъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи» разыскиваетъ великорусскія пѣсни и возстановляетъ ихъ исполненіе,—желательно то же сдѣлать и для малорусскихъ. Для достиженія этой цѣли является безусловно необходимымъ основаніе мѣстныхъ хоровъ и пѣвческихъ обществъ, подобно существующимъ обществамъ финскимъ, шведскимъ (въ Финляндіи), эстскимъ и латышскимъ. Засимъ замѣтка Спб. Вѣд. приводитъ уже напечатанные нами «пункты» доклада губ. земской управы.

Крестьянскій театръ. Въ апрѣльской книгѣ К. С. мы сообщили о томъ спектаклѣ, который былъ данъ въ с. Проценкѣ, (подъ Ромномъ), актерами-крестьянами. Теперь корреспондентъ Полтавск. губ. вѣд. сообщаетъ (№ 97), что въ томъ же селѣ Проценкѣ, въ апрѣлѣ, мѣстными любителями-крестьянами было дано еще два спектакля. Шли оперетки: одна, «Пошылысь у дурни», а другая—«Чорноморци». Корреспондентъ говоритъ: «Обѣ оперетки были сыграны крестьянами села Проценки. Составъ любителей-крестьянъ, выступавшихъ въ первыхъ народныхъ спектакляхъ, пополнился новыми силами, изъ которыхъ особенно выдавались двѣ молодыя крестьянки.—«Пошылысь у дурни»,—живая и остроумная комедія оперетка, была сыграна вполнѣ удовлетворительно. Исполнители заглавныхъ ролей Гарасько (Кукса) и Павлюкъ (Дранко) довольно ярко изобразили два діаметрально противоположные типа, не рѣдко встрѣчающіеся въ глухихъ захолустьяхъ нашихъ хуторовъ, во всей своей первобытной простотѣ и безыскусственности. Малороссійскій юморъ, искрящійся почти въ каждой фразѣ «мирошника» и «коваля», часто вызывалъ въ слушателяхъ

громкій смѣхъ и восторженные аплодисменты. Осмысленная игра Гараська и Павлюка воочію убѣдила зрителей, въ значительномъ количествѣ собравшихся на спектакль, какъ простой «неученый» крестьянинъ не только правдиво понимаетъ характеръ изображаемаго лица, но и выдерживаетъ этотъ характеръ въ своей игрѣ отъ начала до конца. «Черноморцы» прошли менѣе удачно. Видно, что исполнители оперетки не совсѣмъ твердо знали свои роли.—Большая часть зрителей на обоихъ спектакляхъ состояла изъ крестьянской молодежи, которая съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за игрой своихъ собратовъ. Во время антрактовъ на лицахъ крестьянъ было замѣтно особенное оживленіе; многіе съ увлеченіемъ дѣлились впечатлѣніями по поводу видѣнной сцены, перекидываясь фразами выхваченными изъ пьесы. По всему видно, что эти спектакли доставляютъ зрителямъ, крестьянамъ великое удовольствіе, особенно при небогатой разнообразіемъ ихъ жизни. Поэтому отмѣчая живое участіе и энергію иниціатора нашихъ народныхъ спектаклей В. И. Камнева, равно какъ и лицъ, способствовавшихъ постановкѣ ихъ, нельзя не пожелать, чтобы эти спектакли, имѣющіе столь важное воспитательное значеніе среди полезныхъ народныхъ развлеченій, сдѣлались для крестьянъ болѣе доступными. Сборъ съ обоихъ спектаклей поступилъ въ число суммъ роменскаго попечительства о народной трезвости на народныя развлеченія».

Эмиграція въ восточной Галиціи. Если и у насъ, въ Россіи, переселенческое движеніе, благодаря темнотѣ народной, сплошь и рядомъ ведетъ крестьянъ къ напрасному разоренію, то во сколько разъ гибельнѣе для народа оказывается это движеніе въ восточной Галиціи, гдѣ крестьяне такъ же темны, какъ и у насъ, но гдѣ они не пользуются правительственною опекою, путемъ исключительныхъ мѣръ и узаконеній, оберегающею ихъ интересы! Тамъ народъ срывается съ мѣста и бредетъ въ невѣдомыя страны не потому только, что «тамъ, говорятъ, земли сколько хошь» и щедро раздаютъ лѣсъ, скотъ и деньги поселенцамъ; нѣтъ, въ Галиціи сверхъ того открыто оперируютъ легіоны спеціальныхъ агентовъ, которые безсовѣстнымъ образомъ мутятъ крестьянъ, подбивая ихъ къ выселенію то въ Россію, то въ Бразилію или въ Канаду, а евреи пользуются случаемъ и за-

безпѣвокъ скупаютъ ихъ земли и усадьбы. Недавно въ газетѣ «Kraj» (№ 19) помѣщена корреспонденція К. Солтана-Абгаровича, ярко рисующая, съ одной стороны, народное легковѣріе, а съ другой—еврейскую эксплуатацію. Еще въ то время, когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, галицкіе крестьяне со слѣпа устремились въ Россію, г. Солтанъ, по порученію Бучацкой повѣтовой рады, ѣздилъ по селамъ и старался отговорить народъ отъ необдуманной эмиграціи. Крестьяне отнеслись съ полнымъ недовѣріемъ къ его убѣжденіямъ и даже не хотѣли вступать съ нимъ въ разговоръ. Лишь одинъ, лично хорошо его знавшій, крестьянинъ, въ интимной бесѣдѣ объяснилъ, что именно побуждаетъ крестьянъ переселиться въ Россію. Съ таинственнымъ видомъ показалъ онъ новый желѣзный ключъ и сказалъ: «Видишь, пане, этотъ ключъ? Его продалъ мнѣ жидъ за тридцать гульденовъ, а я не отдамъ его и за тысячу. Съ этимъ ключемъ я поѣду къ царскому губернатору въ Каменецъ и какъ только покажу его, губернаторъ немедленно дастъ мнѣ «бумагу» и безплатный билетъ на проѣздъ въ „Амурскую губернію", которая находится тотчасъ за Подольскою, близъ Одессы. Бумагу эту я покажу амурскому губернатору, и мнѣ немедленно дадутъ подводу и отвезутъ на мѣсто, гдѣ меня ожидаетъ полное хозяйство: дворъ, хата, стайни, стодолы и всякія постройки. Все ограждено каменною стѣною, съ дубовыми кованными воротами. Этотъ ключъ и есть отъ тѣхъ именно воротъ». Нужно замѣтить, что эту нелѣпицу говорилъ не какой-нибудь пропойца, а солидный крестьянинъ, владѣлецъ 12-ти морговъ земли, перешедшей затѣмъ въ еврейскія руки, и сколько его ни старались убѣдить въ томъ, что это глупая сказка, выдуманная евреями себѣ на корысть, а крестьянину на погибель, онъ не повѣрилъ, не назвалъ и имени еврея, продавшаго ему волшебный ключъ, а все твердилъ: «То вѣрно, что ни попы, ни паны не отдали бы намъ этихъ ключей, а послали бы туда своихъ людей». А вслѣдъ затѣмъ толпы галицкихъ эмигрантовъ прибыли въ Каменецъ и таборомъ расположились за городомъ. Мѣстная администрація не знала, что дѣлать съ ними: кормиться имъ было нечѣмъ, а наниматься на работы они не хотѣли и настойчиво требовали, чтобъ ихъ отправили въ «Амурскую губернію» для водворенія на пожалованные имъ, по царской милости, участки. Впослѣдствіи они, голые и босые, вернулись домой и, кормясь милостыней, все искали «адвоката», который написалъ бы въ Петербургъ жалобу на губернатора, что онъ-де продалъ ихъ участки другимъ.

Съ тѣхъ поръ галицкіе крестьяне не стремятся въ Россію, но эмиграція въ Америку нисколько не ослабѣваетъ. Нынѣшнею весною тотъ-же корреспондентъ встрѣчалъ на каждой почти станціи жел. дороги многочисленныя толпы переселенцевъ, отправлявшихся въ Канаду. Изъ разспросовъ выяснилось, что каждая семья везла съ собою около тысячи гульденовъ, вырученныхъ отъ продажи земельныхъ участковъ и имущества. Покупателями были, конечно, евреи. Они же провожали переселенцевъ на станціи, всаживали въ вагоны и при этомъ безжалостно издѣвались надъ своими кліентами, со смѣхомъ увѣряя ихъ, что они берутъ съ собою малыхъ дѣтей только затѣмъ, чтобы кормить ими акулъ въ океанѣ.

Вообще, по словамъ корреспондента, современная эмиграція въ восточной Галиціи болѣе всего вызывается и поддерживается систематическимъ обманомъ и безсовѣстной еврейской эксплуатаціей народной темноты. Агентами являются чаще всего евреи-спекулянты, но есть между ними и гминные писаря, и дьячки, и даже будто бы народные учителя. Мѣстная администрація не преслѣдуетъ ихъ, такъ какъ въ австрійскихъ законахъ нѣтъ постановленія, въ силу котораго подговоръ къ переселенію считался бы наказуемымъ проступкомъ. Галицкій сеймъ легко могъ бы провести такой законъ, но польскую шляхту будто бы удерживаетъ отъ этого опасеніе, какъ бы ее не заподозрили, что она стремится стѣснить народную свободу въ видахъ пониженія заработной платы.

Князь Н. Д. Долгоруковъ. (*Некрологъ*). 8-го мая умеръ въ Черниговѣ тамошній губернскій предводитель дворянства князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Рѣдки общественные дѣятели, смерть которыхъ порождаетъ общую и единодушную скорбь всѣхъ ихъ знавшихъ. Къ числу этихъ рѣдкихъ дѣятелей несомнѣнно принадлежитъ князь Н. Д. Долгоруковъ. Всѣ черниговцы, всей губерніи, всѣхъ сословій и всѣхъ состояній, знавшіе кн. Н. Д. Д—ва, *всѣ*,—выражаютъ горячую скорбь объ этомъ безвременно умершемъ человѣкѣ. Въ чемъ же причина этого общаго сожалѣнія? Въ томъ только, что умершій былъ честный, прямой и любвеобильный человѣкъ. Онъ шелъ на помощь всякому общественному дѣлу и всякой частной нуждѣ, лишь бы это дѣло было живое и чистое и лишь бы нужда становилась ему извѣстною.

Князь Н. Д. Д—въ умеръ безвременно: ему было всего сорокъ лѣтъ. Окончивъ московскій университетъ въ 1881 году кандидатомъ словесныхъ наукъ, ученикъ Буслаева и Тихонравова близкій человѣкъ П. Н. Милюкова и Ф. Д. Самарина, кн. Долгоруковъ, явился общественнымъ дѣятелемъ въ Черниговщинѣ случайно: онъ женился на княжнѣ М. П. Голицыной, единственной дочери кн. П. П. Голицына,[1]) которому, при раздѣлѣ съ братьями наслѣдственными румянцевскими имѣніями, досталось въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Топальское имѣніе. Эта женитьба повела къ тому, что кн. Н. Д. былъ выбранъ новозыбковскимъ уѣзднымъ представителемъ дворянства. Не смотря на молодость, кн. Г—въ какъ-то необыкновенно скоро пріобрѣлъ въ уѣздѣ общую любовь и общее уваженіе не только мѣстнаго дворянства и чиновничества, но и мѣстнаго своеобразнаго раскольничьяго мірка.[2]) Эта любовь, это уваженіе къ прямотѣ и добротѣ кн. Д—ва сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей губерніи. Степень этой ранней извѣстности лучше всего видна изъ слѣдующаго обстоятельства: когда вслѣдъ за смертью губ. предводителя Неплюева, черниговскому дворянству на выборахъ 1890 года предстояло избрать новаго предводителя, то уже тогда *общій голосъ всѣхъ партій* съѣхавшихся на выборы дворянъ—назвалъ кандидатомъ на эту должность тринадцатилѣтняго кн. Н. Д. Д—ва, не смотря на наличность другихъ кандидатовъ. Но кн. Д—ву тогда мѣшали его домашнія дѣла (какъ онъ самъ говорилъ) отвѣчать согласіемъ на общій призывъ и онъ на выборы 1890-го года не поіѣхалъ. На выборахъ 1893-го года кн. Н. Д. Д—въ тоже не баллотировался, и согласился на избраніе лишь въ 1896-мъ году, съ котораго времени и занялъ должность губ. предводителя.

Не долго кн. Н. Д. несъ *трудныя* обязанности этой должности, но несомнѣнно, что за эти три года онъ пріобрѣлъ прочное уваженіе и теплую любовь всей губерніи. Въ своей общественной дѣятельности кн. Н. Д. неуклонно шелъ по тому пути, на которомъ и для дворянства и для земства—одинаково—онъ сталъ желаннымъ представите-

---

[1]) Кн. П. П. Голицынъ, младшій братъ черниговскаго губернатора кн. С. П. Голицына (1861—1870), былъ между прочимъ членомъ черниг. губ. земской управы въ первое ея трехлѣтіе (1865—1868).

[2]) Въ Новозыбковскомъ уѣздѣ раскольники составляютъ замѣтную часть населенія.

лемъ: и дворянство, и земство—увидѣло въ немъ человѣка, на помощь котораго, и на помощь энергическую, всегда можно было твердо разсчитывать. Безконечно заботливъ былъ умершій о всякихъ нуждахъ, которыя онъ встрѣчалъ въ сферѣ своей дѣятельности. До какой степени кн. Д—въ не упускалъ изъ виду общественныхъ нуждъ, указываетъ незначительный, повидимому, но близкій задачамъ нашего журнала слѣдующій случай: видя заминку въ дѣятельности новооткрытой черниговской архивной коммиссіи, кн. Д—въ усердно искалъ еще и въ послѣднее время человѣка, который сталъ бы у ея руля съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ нему, и велъ переписку объ этомъ съ людьми вовсе ему чужими.

Помяная съ болью въ сердце безвременно умершаго кн. Н. Д. Д—ва, мы не сомнѣваемся, что память о немъ также долго будетъ жить въ Черниговщинѣ, какъ живетъ память объ одномъ изъ его предшественниковъ—Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ (1832—1838 [1]), который былъ такимъ же прямымъ, отзывчивымъ и любвеобильнымъ дѣятелемъ, какъ и князь Н. Д. Долгоруковъ.

---

[1]) См. о немъ Кіевск. Стар. 1897 г., январь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Черниговская памятка. *Справочная книжка на $189^8/_9$ годъ. Съ рисунками, таблицами въ текстѣ, календаремъ, адресъ-календаремъ, картою губерніи и двумя планами г. Чернигова. Черниговъ 1898. 16°, 268+428+92+24+517+32 стр.*

Подъ приведеннымъ заглавіемъ издана толстая книжка, объемомъ почти въ три раза больше «Черниговской памятки» на $189^6/_7$ годъ, о которой былъ данъ отзывъ въ Кіевской Старинѣ 1897 года (№ 4). Это увеличеніе объема отчасти обусловивается тѣмъ, что въ книгѣ помѣщено много такого, что не имѣетъ никакого отношенія къ Черниговской губерніи, причемъ помѣщены напр. рѣчи, произнесенныя разными высокопоставленными лицами и не имѣющія повидимому никакого отношенія къ Черниговской губерніи, какъ то: рѣчи министровъ, финляндскаго генералъ-губернатора, товарища оберъ-прокурора святѣйшаго синода и проч.

Но независимо отъ этого, не идущаго къ памятной книжкѣ Черниговской губерніи матеріала, книга, кромѣ календарныхъ и справочныхъ свѣдѣній, даетъ значительное количество статистическихъ и историческихъ свѣдѣній о Черниговской губерніи. Опуская изъ нихъ мелкія свѣдѣнія и замѣтки, укажемъ болѣе крупныя статьи и матеріалы историческаго характера.

1. *Былое Черниговской земли*, очеркъ А. К. Ярыгина. Статья представляетъ пересказъ извѣстныхъ событій, написанный по довольно случайно составленному собранію пособій. Такъ изъ списка источниковъ, которыми авторъ пользовался, видно, что онъ руковод-

ствовался «Исторіей Государства Россійскаго» Карамзина, а въ «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева не заглядывалъ; изъ историческихъ трудовъ Костомарова авторъ пользовался только одними «Лекціями по русской исторіи»; незнакомъ онъ со многими сочиненіями, спеціально посвященными мѣстной исторіи, какъ „Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи" Филарета, «Исторія Сѣверной земли» Голубовскаго и Багалѣя, и другія. Очеркъ посвященъ преимущественно исторіи удѣльныхъ князей; о козачествѣ и гетманщинѣ авторъ говоритъ всего на двухъ страницахъ, причемъ незнакомство его съ этимъ предметомъ видно изъ слѣдующихъ строкъ, въ которыхъ авторъ характеризуетъ время, предшествовавшее Богдану Хмельницкому: оно (т. е. козачество) иногда возводило въ гетманы людей честолюбивыхъ, наивно мечтавшихъ о возможности самостоятельнаго, среди все болѣе и болѣе усиливавшихся государствъ Европы, существованія Украины; лица эти глубоко не вникали въ послѣдствія удѣльно-вѣчеваго періода старой Руси и не замѣчали новаго міроваго закона—племенной *борьбы за существованіе*, который выдвигался историческими событіями Европы». Авторъ какъ будто не подозрѣваетъ того, что законъ борьбы за существованіе, теоретически обоснованный Дарвиномъ и Іоллесомъ, которые и ввели этотъ терминъ въ біологію и съ трудами которыхъ гетманы не только до Богдана Хмельницкаго, но и послѣ него, не могли быть знакомы, не былъ созданъ какими либо историческими событіями Европы, а существовалъ всегда и всюду, гдѣ есть органическая жизнь, и что между племенами борьба за существованіе началась также не со временъ козачества.—2. *Краткій историческій очеркъ Черниговской епархіи*, на основаніи изслѣдованій Діева и архіеп. Филарета Гумилевскаго—составленъ А. Л. Ковалевскимъ по сочиненію «Черниговская епархія послѣ Батыя, именуемая Брянскою», Москва 1892. Извлеченіе это сдѣлано слишкомъ торопливо, и потому мѣстами отличается не совсѣмъ удобопонятнымъ изложеніемъ [1]).

[1]) Какъ видно напр. изъ слѣд. строкъ. „Указомъ 1 сентября 1797 г.", говоритъ авторъ, „Новгородсѣверская епархія *была закрыта* и опять соединена съ Черниговскою, а Кондратовскій (Илларіонъ, бывшій епископъ новгородсѣверскій) перемѣщенъ въ Могилевъ. *При этомъ открытіи* Новгородсѣверскою каѳедрою былъ учиненъ Новгородсѣверскій Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ ранѣе жили Лазарь Барановичъ и Арсеній Могилянскій". Послѣднею фразою авторъ хотѣлъ сказать, что, когда Новгородсѣверская епархія была открыта, то существо-

Въ статьѣ приведенъ интересный указъ 10 апрѣля 1786 г., которымъ между прочимъ повелѣно было обратить Троицкій-Ильинскій монастырь «для помѣщенія университета, въ семъ городѣ учреждаемаго.» 3. *Краткое повѣствованіе о Михаилѣ князѣ Черниговскомъ* и бояринѣ его Ѳеодорѣ—извлечено изъ брошюры, изданной черниговскимъ братствомъ св. Михаила. 4. *Описаніе хранящагося въ Черниговскомъ историческомъ музеѣ стариннаго серебрянаго барельефа* (пожертвованнаго А. В. Гудимъ-Левковичемъ), изображающаго казнь черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора [1]). 5. *Грамота св. Ѳеодосія*, данная мельнику Пархому Ивановичу на устройство гребли и водяной мельницы на рѣчкѣ Смолинкѣ,—съ объясненіемъ къ ней П. М. Добровольскаго. Въ грамотѣ говорится, что «господари монастыря Елецкаго черниговскаго умыслили на рѣчкѣ Смолинцѣ, въ грунтахъ монастырскихъ, межъ селомъ Надиновкою и Копачевымъ, гдѣ обыдва береги монастырскіи, греблю засыпаты и млынъ на ней построити,—до котораго построеня приняли собѣ за ремесленика и мелника Пархома Івановича», и далѣе приведены условія соглашенія съ Пархомомъ Ивановичемъ. Села Надиновки и Копачевъ находятся въ Остерскомъ уѣздѣ, но въ настоящее время, какъ удостовѣряетъ г. Добровольскій, между ними нѣтъ ни мельницы, ни рѣчки Смолинки, а также нѣтъ въ этой мѣстности и никакихъ владѣній Елецкаго монастыря. 6. *Нѣкоторыя подробности, касающіяся учрежденія Малороссійской (Черниговской) губерніи* въ 1796—1797 г. (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). А. Л. Ковалевскаго. 7. *Посѣщеніе Чернигова и Черниговской губерніи Высочайшими особами* въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Составилъ А. Л. Ковалевскій. 8. *Извлеченіе изъ сборника А. Л. Ковалевскаго*: «Освободительная реформа императора Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губерніи». Сборникъ этотъ былъ составленъ, по порученію черниговскаго губернатора, ко дню откры-

вавшій тамъ Спасо-Преображенскій монастырь сдѣлался новгородсѣверскою каѳедрою, но онъ выразилъ это въ такой формѣ, что несвѣдущій читатель можетъ задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ Новгородсѣверская каѳедра могла „учинить“ Спасо-Преображенскій монастырь, когда этотъ монастырь существовалъ и раньше; притомъ писавши послѣднюю фразу, авторъ забылъ, что передъ нею онъ говорилъ не объ открытіи, а о закрытіи Новгородсѣверской епархіи...

[1]) Не кіевская ли это поддѣлка, которыхъ теперь можно много встрѣтить на Подолѣ, въ родѣ барельефа—„Царь Петръ В. послѣ полтавскаго сраженія“? *Ред.*

тія въ Черниговѣ 30 августа 1897 г. памятника императору Александру II. Напечатанное въ «Черниговской памяткѣ» извлеченіе изъ сборника заключаетъ въ себѣ слѣдующіе матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ въ Черниговской губерніи: адресъ черниговскаго дворянства на имя министра внутр. дѣлъ, 8 мая 1858 г. со всеподданнѣйшею просьбою о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на открытіе комитета для составленія проекта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Черниговской губерніи,—Высочайшій рескриптъ на имя начальника Черниговской губерніи 18 мая 1858 г.,—отношеніе министра внутр. дѣлъ къ тому же начальнику отъ 20 мая 1858 г.,—описаніе открытія черниговскаго комитета для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ (изъ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей 1858 г.),—постановленіе перваго засѣданія означеннаго комитета 22 іюля 1858 г.,—краткія свѣдѣнія о дѣятельности того же комитета и закрытіе его засѣданій (изъ тѣхъ же Вѣдомостей),—рѣчи, сказанныя на прощальномъ обѣдѣ членами того же комитета: А. И. Покорскимъ-Жоравко, Н. П. Бороздною, В. И. Лизогубомъ, А. И. Ханенкомъ, В. О. Подвысоцкимъ, Г. П. Галаганомъ, П. А. Васильчиковымъ, А. И. Лизогубомъ, и В. Д. Дунинъ-Борковскимъ,—депеша и донесеніе управляющаго Черниговской губерніей объ обнародованіи въ Черниговѣ манифеста 19 февраля 1861 г. 9. *О возникновеніи черниговской ученой архивной коммиссіи*—перепечатано изъ 1 го выпуска трудовъ этой коммиссіи. 10. *Черниговскій театръ* (1854—1897). И. Н. Лагоды. Небольшая статья, которая между прочимъ даетъ не безъинтересныя для исторіи театральнаго дѣла свѣдѣнія о томъ, какъ въ Черниговѣ оперетка была насаждаема губернаторомъ С. П. Голицынымъ, благодаря поддержкѣ котораго «Прекрасная Елена» была поставлена въ Черниговѣ раньше, чѣмъ въ Петербургѣ.

Изъ помѣщенныхъ въ «Памяткѣ» статистическихъ данныхъ любопытны свѣдѣнія въ замѣткѣ: «Что читаютъ Въ Черниговѣ». (Изъ отчета черниговской общественной библіотеки). Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что любимѣйшимъ въ Черниговѣ писателемъ является Д. Л. Мордовцевъ, сочиненія котораго въ теченіе года были взяты для чтенія 859 разъ, тогда какъ сочиненія Л. Толстаго требовались 645 разъ, Тургенева—557, Гоголя—271, Щедрина—270, Гончарова—216, Достоевскаго—214, Пушкина—91, Лермонтова—57. Изъ другихъ малорусскихъ авторовъ чаще требовались сочиненія Квитки,

Левицкаго и Карпенка-Карого. Изъ историковъ наибольшимъ успѣхомъ пользовался Костомаровъ.

Къ «Памяткѣ» приложены: а) изображеніе святителя св. Ѳеодосія, —б) факсимиле вышеупомянутой грамоты его,—в) видъ черниговскихъ соборовъ,—г) видъ Троицкаго монастыря,—д) видъ дома Мазепы на черниговскомъ валу,—е) снимокъ съ барельефа, изображающаго казнь черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора,—ж) изображеніе памятниковъ, воздвигнутыхъ въ Черниговѣ императорамъ Александру II и Александру III,—з) два плана Чернигова—конца XVIII вѣка и современный и и) карта Черниговской губерніи.

Н. Ш.

Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Н. И. Теодоровича.* Томъ IV. Староконстантиновскій уѣздъ. Почаевъ, 1899 г., 928+IV стр.

Губерніи Юго-Западнаго края принадлежатъ къ числу наименѣе изслѣдованныхъ; они не имѣютъ ни списковъ населенныхъ мѣстъ, какія составлены обществами генеральнаго штаба для восточныхъ губерній, ни такого описанія, какому подвергнуты земскія губерніи; существованіе въ началѣ 70-хъ годовъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества давало надежду на такое всестороннее изслѣдованіе, но этой надеждѣ не суждено было сбыться вслѣдствіе закрытія Отдѣленія. Эта задача, хотя и входитъ въ кругъ обязанностей губернскихъ статистическихъ и историко-статистическихъ епархіальныхъ комитетовъ, но она разрѣшается ими или односторонне, или слишкомъ поверхностно, и причина этому лежитъ въ неудовлетворительности постановки изученія матеріала и въ ограниченіи его. Тѣмъ болѣе эта задача изученія края тяжела для единичныхъ силъ; не смотря, однако, на трудности, отдѣльныя лица берутъ на себя исполненіе этой задачи и дѣлаютъ возможное для нихъ; благодаря имъ, мы имѣемъ, хотя и устарѣвшее уже, описаніе Кіевской губерніи («Списки населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи»); такое же описаніе Подольской губерніи начато уже печатаніемъ («Описаніе церквей и приходовъ Каменецкаго уѣзда» о. Е. Сѣцин-

скаго). Описаніе Волынской губерніи ведется теперь преподавателемъ Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичемъ; въ настоящемъ году имъ изданъ уже IV-й томъ, I-й же томъ вышелъ въ 1888 году; онъ обнимаетъ собой уѣзды: Житомирскій, Новгородъ-Волынскій и Овручскій; II й томъ, вышедшій въ 1889 г., обнимаетъ уѣзды: Ровенскій, Острожскій и Дубенскій; III-й томъ, вышедшій въ 1893 г., обнимаетъ уѣзды: Кременецкій и Заславскій; наконецъ, IV-й томъ посвященъ Староконстантиновскому. Такимъ образомъ въ теченіе 10—12 лѣтъ г. Теодоровичемъ описано девять уѣздовъ. По мѣрѣ описанія, программа автора значительно расширяется; въ I-мъ томѣ, излагая свѣдѣнія о какомъ-либо селѣ, онъ располагаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: мѣстоположеніе села и разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и станцій почтовыхъ и желѣзно-дорожныхъ; время основанія храма, престольный праздникъ; состояніе построекъ и священническихъ домовъ, количество населенія, количество церковной земли, жалованье причту, время метричныхъ книгъ и исповѣдныхъ вѣдомостей; свѣдѣнія о школѣ и число учениковъ; имена священниковъ и причетниковъ. При случаѣ имъ перечисляются заслуживающія вниманія и хранящіяся въ церкви: иконы, рукописи и старопечатныя книги; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведены указанія древнихъ актовъ касающіяся исторіи селъ и на переходы его отъ одного владѣльца къ другому. Исторія городовъ изложена г. Теодоровичемъ столь же подробно, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія имѣются въ исторической литературѣ, а о владѣльцахъ ихъ сообщаются біографическія свѣдѣнія и генеалогія; когда у автора имѣется въ рукахъ неизданный матеріалъ, онъ приводитъ его въ переводѣ на современный русскій языкъ, чѣмъ, конечно, придаетъ еще большую цѣну описанію. Во II-мъ томѣ эти же свѣдѣнія излагаются большими подробностями, а съ III-го тома описаніе становится уже обильнѣе новыми фактами: авторъ старается обрисовать и народную жизнь, сообщая описаніе обычаевъ, народныхъ вѣрованій и преданій, записывая пѣсни, пословицы и проч. Какъ постепенно расширяется описаніе, видно между прочимъ и изъ того, что авторъ въ I-мъ томѣ каждому уѣзду отводитъ среднимъ числомъ около 145 страницъ; во II-мъ—около 230, въ III-мъ—около 345, а въ IV-мъ одинъ уѣздъ описывается уже на 790 страницахъ; вводимыя въ него авторомъ подробности касаются описанія зданія храма, живописи, церковной утвари, одеждъ, книгъ богослужебныхъ, духовно-нравственнаго содержанія, а метри-

ческихъ, изъ которыхъ г. Теодоровичъ извлекаетъ цифровыя данныя о ростѣ населенія села или города съ половины прошлаго вѣка и до послѣднихъ годовъ, давая, такимъ образомъ, матеріалъ и для статистическихъ работъ при перечисленіи именъ настоятелей церквей онъ сообщаетъ и біографическія данныя и перечисляетъ литературные труды, если таковые печатались священниками; но особенно обиленъ IV-й томъ этнографическими подробностями. Кромѣ особенностей, касающихся народныхъ вѣрованій и повѣрій, авторъ отмѣчаетъ народные религіозные и бытовые обычаи, пѣсни, пословицы и поговорки, народную медицину, представляетъ по мѣстамъ экономическое положеніе села, его промыслы, торговлю и проч. Отсюда мы видимъ, какъ широко старается авторъ поставить дѣло описанія Волыни, съ каждымъ новымъ томомъ и какъ цѣнны сообщаемые имъ факты, если же мы примемъ во вниманіе, что оно ведется однимъ человѣкомъ, вдали отъ центровъ, гдѣ можно имѣть подъ руками нужныя пособія и совѣты опытныхъ людей, то къ труду г. Теодоровича должно отнестись съ глубокимъ уваженіемъ и полной снисходительностью къ слабымъ сторонамъ; и это не наше только личное мнѣніе; гораздо раньше труды г. Теодоровича оцѣнены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и рекомендованы для библіотекъ средне-учебныхъ заведеній кіевскаго и виленскаго учебныхъ округовъ. Такое же распоряженіе сдѣлано и свят. синодомъ.

Ив. Каманинъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

— *Описаніе Черниговской губерніи.* Составлено по порученію губернскаго земства А. А. Русовымъ. Изд. ред. «Земск. Черниг. губ.» Черниговъ. 1898. 8 д. л. Томъ I. XI+97+437+123 стр. Прилож. 19 картъ въ текстѣ и особо—почвенная карта Черниговской губерніи, на 2-хъ больш. л. л. *Содержаніе:* предисловіе, территорія губерніи, оро-гидрографическій очеркъ, климатъ, геологическій очеркъ, почвы губерніи, распредѣленіе площади по угодьямъ, землевладѣніе, лѣса и запасная площадь, кормовая площадь, пищевая площадь и—полеводство и скотоводство, и приложенія.—Книга г. Русова, печатавшаяся первоначально въ «Земск. сборникѣ Черниг. губ.», представляетъ собою результатъ громаднаго труда, и нѣтъ сомнѣнія, что въ

русской статистической литературѣ оно займетъ выдающееся мѣсто. Второй томъ «Описанія» начатъ печатаніемъ въ апрѣльск. книги «Земск. сборника».

— *Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. А. А. Шахматова.* Журнал. М. Нар. Пр., апрѣль, 325—374. По обилію затронутыхъ вопросовъ статья академ. Шахматова въ высшей степени любопытна. Между прочимъ здѣсь мы читаемъ: «Мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время; мы должны признать ихъ такими же первоначальными поселенцами Россіи, какъ признали кривичей или вятичей. Но малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ...» «Изученіе современныхъ малорусскихъ говоровъ приводитъ насъ къ заключенію объ исконномъ дѣленіи малорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное поднарѣчіе; существованіе цѣлаго рода смѣшанныхъ говоровъ между обоими этими поднарѣчіями ясно указываетъ на продолжительныя столкновенія между южными и сѣверными малоруссами; столкновенія эти имѣли слѣдствіемъ появленіе южно-малорусскихъ говоровъ на сѣверно-малорусской территоріи, что особенно убѣдительно доказываютъ угро-русскіе и галицкіе говоры, сохранившіе свои сѣверно-малорусскія черты тамъ, гдѣ не такъ скоро могла ихъ ассимилировать южно-малорусская волна... Въ сторонѣ отъ этихъ столкновеній оставались наиболѣе южныя племена малорусскія, которыя, какъ видно изъ событій XIII вѣка не вполнѣ втянулись и въ общую политическую жизнь прочихъ племенъ, послѣ колонизаціоннаго движенія, охватившаго сѣверныхъ ихъ сосѣдей, которые заняли южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, наступила очередь и для этихъ южныхъ племенъ, жителей древняго Понизовья, сидѣвшихъ между Бугомъ и Днѣстромъ: они заняли Слободскую Украину и южныя степи, перенеся туда свой древній языкъ, малопотерпѣвшій отъ столкновеній съ родственными племенами. Оставленныя ими въ Заднѣпровьѣ мѣста были заняты сѣверными сосѣдями, сидѣвшими между ними и сѣверными малороссами — полѣхами".

— *Dr. Alfred Halban. Zur Geschichte des deutschen Rechtes in der gebieten von Tschernigow und Poltawa.* 1898. 8 д. л. 15 стр. Отдѣльн. оттискъ изъ «Zeitschrift der Savigny Stiftung» (t. XIX).

Рѣчь идетъ повидимому о «магдебурскомъ правѣ», практиковавшемся, по словамъ автора, въ «судахъ козацкихъ». (Kraj, № 19).

— *Mar. Dubiecki. Obrazy i studia historyczne.* Serya II. Warszawa. 1899. 8 д. л. Въ этомъ выпускѣ отмѣчаемъ двѣ статьи: „Zawiązki dziejów Siczy Zaporozkiey“ и „Zarysy institucyi Zaporoża“.

— *Къ исторіи народнаго орнамента.* Художника Е. М. Марковскаго. «Искусство и Художественная Промышленность», апрѣль, 540—5. Рѣчь идетъ объ узорахъ *писанокъ* на Волыни, причемъ помѣщены рисунки 25-ти писанокъ.

— *Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в).* Историческая справка. А. Панкова. Съ февраля мѣсяца печатаются въ Русск. Вѣстн. статьи подъ этимъ заглавіемъ, причемъ здѣсь упоминается и Малороссія. Для общаго очерка прихода въ старой Малороссіи авторъ пользуется извѣстною статью Еф. Крыжановскаго «О малорусск. церковномъ приходѣ», помѣщенною въ «Руководствѣ для сельскихъ пастыр.» за 1861 г., а для времени, относящемся къ царствованію императрицы Екатерины II. (Р. В., май, 20—38) руководящимъ источникомъ г. Панкову служитъ извѣстная рукопись— *Пункты сочиненныи по указу 1 сент. 1767 г. изъ святѣйш. правит. синода о принадлежащихъ духовенству, епархіи Кіевскія какъ о владѣніи грунтовъ, такъ и о прочихъ ихъ выгодностяхъ.* [1]) Здѣсь, между прочимъ, авторъ говоритъ, что при Екатеринѣ II былъ «разрушенъ институтъ свободныхъ церковныхъ ктиторовъ и вольнаго дьячества“, вслѣдствіе чего послѣдовало «полное растройство въ сложныхъ церковныхъ дѣлахъ и хозяйствѣ, причемъ уходъ дьячковъ и пономарей, обучавшихъ въ школахъ, которыми тогда была усѣяна Малороссія, повлекъ за собою ихъ полный упадокъ... «Послѣднее заключеніе автора никакими данными не подкрѣплено и едва ли вѣрно. Румянцовская Опись застаетъ *приходскія* церковныя школы въ прежнемъ ихъ видѣ и количествѣ. Исчезли приходскія школы въ Малороссіи, повидимому, въ нач. XIX вѣка, [2]) причемъ причину ихъ исчезновенія нужно искать отчасти въ утвердившемся въ это время крѣпостномъ правѣ, а отчасти въ томъ бюрократическомъ гнетѣ, которому подвергся общественный бытъ малороссійскихъ козаковъ и государственныхъ крестьянъ послѣ отдачи ихъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ...

---

[1]) О ней см. Кіевск. Стар. 1896 г., іюнь, II, 88.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1896 г., апрѣль, II, 8.

— *Двадцатипятилѣтіе историческаго общества Нестора-лѣтописца.* Историческая записка, составленая поч. чл. Н. П. Дашкевичемъ. Кіевъ. 1899. 8. д. л. 98 стр. и три потрета: М. А. Максимовича, М. А. Тулова и А. А. Котляревскаго. Портретъ М. А. Тулова изданъ впервые. Желательно, чтобы кто нибудь изъ близко знавшихъ этого человѣка людей написалъ о немъ воспоминанія и такимъ образомъ обрисовалъ личность М. А. Т—ва, который не долженъ быть забытъ за его горячее отношеніе къ мѣстнымъ общественнымъ интересамъ.

— *Святый благовѣрный князь Домонтъ псковскій.* Въ память 600-лѣтія со дня его кончины. 1299—1899. Спб. 1899. 8 д. л. 24 стр. (Безплатное народное изданіе Е. В. Богдановича). — Отмѣчаемъ эту брошюру потому, что въ ней помѣщенъ портретъ генеральнаго судьи Ивана Домонтовича [1]) († 1683 г.) и рисунокъ иконостаса главнаго храма батуринскаго Крупицкаго монастыря, котораго ген. судья Домонтовичъ былъ «фундаторомъ» (т. е. строителемъ). Портретъ ген. судьи Д—ча помѣщенъ здѣсь потому, что авторъ брошюры въ черниговскихъ Домонтовичахъ видитъ «потомковъ свят. благовѣрнаго князя Домонта» (стр. 22). Никакихъ впрочемъ доказательствъ этого происхожденія въ брошюрѣ не указано, да и найти ихъ, замѣтимъ мы, невозможно. Если черниговскіе Домонтовичи, (потомки генер. судьи) и производятъ себя отъ псковскаго князя Домонта, то разумѣется безъ всякихъ къ тому документальныхъ основаній, а лишь потому, что Домонтовичи могутъ происходитъ отъ *Домонта.* Но въ такомъ случаѣ случаѣ Домонтовичамъ вѣроятнѣе было бы вести свой родъ отъ ихъ земляка—черкасскаго земянина князя Василія Домонта, о которомъ вспоминаетъ черкасская люстрація 1552 г. (Арх. Юг.-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 89). Но и съ этимъ княземъ нѣтъ у нихъ ничего общаго... Первымъ извѣстнымъ Домонтовичемъ былъ Иванъ (будущій ген. судья) котораго впервые встрѣчаемъ на урядѣ Слабинскаго сотника въ 1659 г., когда гетманъ Выговскій далъ ему универсалъ на два черниговскія села—Смолинъ и Màксимъ. [2]) Можно думать, что

[1]) Оригиналъ этого портрета хранится въ батуринскомъ Крупицкомъ монастырѣ и давно заслуживалъ изданія.

[2]) „. . . Маючи особливый взглядъ на значніе въ Войску Запорозкомъ пана Ивана Домонтовича, сотника Слабинского, заслуги которій во всякихъ при случающихся военнихъ оказѣяхъ отважне ставаючи, иннимъ до неустрашолого былъ поводомъ статку наданія оному и симъ унѣверсаломъ надаемъ двѣ села смолинъ и Максимъ називаніе, лежачіе во воеводствѣ и полку Чернѣговскомъ“...

Иванъ Домонтовичъ былъ выходцемъ изъ золотоношскаго мѣстечка Домонтова и отсюда получилъ свое названіе; а также можетъ быть, что этотъ Иванъ былъ сыномъ какого нибудь слабинскаго козака по имени Домонта, родившагося 20 мая, а потому и получившаго имя князя-святителя псковскаго, память котораго церковь празднуетъ въ этотъ день. Вотъ здѣсь связь Домонтовичей съ псковскимъ святымъ Домонтомъ возможна, если только впрочемъ память святителя Домонта была уже отмѣчена въ южно-русскихъ святцахъ первой полов. XVII в.

— *Pamiętniki Sadyka-Paszy Michała Czaikowskiego. Tłomaczył na polskie A. P. Lwów. 1898.* Переводъ этотъ сдѣланъ съ русскаго перевода, печатающагося съ 1895 г. въ «Русской Старинѣ». Насъ нѣсколько удивило, что изданъ переводъ съ перевода при существованіи польскаго оригинала. Правда, ред. «Русск. Старины», какъ сообщаетъ г. Равита-Гавронскій въ львовскомъ Przewodnik'ѣ, обезпечила непоявленіе въ печати оригинала раньше напечатанія перевода—неустойкой въ 2000 р. Во всякомъ случаѣ изданіе польскаго перевода показываетъ, что польское общество интересуется мемуарами Чайковскаго. Польскій переводъ этихъ мемуаровъ вызвалъ замѣтки въ Przewodnik'ѣ naukow'омъ i literack'омъ (1898 г., 942—946 стр.) г. Гавронскаго и въ «Газетѣ Львовской» (№№ 43 и 45), Мих. Ролле, при чемъ здѣсь указываются слабыя стороны воспоминаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчается и интересъ ихъ, какъ матеріала для характеристики виднаго въ свое время дѣятеля. Ред. «Кіевск. Старины» уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось высказать свое мнѣніе о мемуарахъ Чайковскаго. Печатая въ переводѣ тѣ части изъ находившагося въ распоряженіи редакціи объемистаго оригинала, которыя имѣли отношеніе къ Малороссіи, т. е. воспоминанія о молодыхъ годахъ автора, редакція замѣчала: «воспоминанія изъ дней юности, повидимому, утратили въ умѣ покойнаго свою первоначальную свѣжесть, и пробѣлы памяти иногда пополняются поэтому нѣсколько поспѣшно, но самыя ошибки эти представляютъ нѣкоторый интересъ для характеристики настроенія писателя, жизнь котораго сложилась столь необычнымъ образомъ». (Кіевск. Старина 1891, № 1, стр. 44—45).

— *Борьба Польши съ козачествомъ во втор. пол. XVII и нач. XVIII вѣка. В. В. Волка-Карачевскаго. Кіевъ. 1899. 8 д. л. 359 стр.* Книга эта заключаетъ въ себѣ работу студента, писанную на медаль. Къ этого рода работамъ требованія должны быть особыя, между

прочимъ и потому, что темы ихъ принадлежатъ не авторамъ. Но во всякомъ случаѣ, отъ *медальныхъ сочиненій* необходимо требовать *подробнаго обслѣдованія фактовъ по первоисточникамъ*. Такъ, повидимому, смотрѣлъ на свою работу и самъ авторъ названной книги, предпославшій ей длинный списокъ источниковъ съ ихъ краткою, но не всегда точною и ясною характеристикою [1]). Кромѣ первоисточниковъ, авторъ называетъ и «сочиненія уже обработанныя», и между ними на первомъ мѣстѣ ставитъ труды Костомарова, замѣчая что въ критику этихъ трудовъ онъ не станетъ пускаться, потому что „они достаточто извѣстны". Дѣйствительно, въ *медальномъ* сочиненіи можно не пускаться въ критику указанныхъ здѣсь трудовъ Костомарова по исторіи Малороссіи, но *фактическую ихъ сторону* провѣрять было необходимо. Извѣстно, что ссылки на источники у Костомарова иногда приводятъ читателя въ недоумѣніе. Да притомъ же Костомаровъ не пользовался всѣми источниками, еще и при жизни его обнародованными. Приводимъ примѣръ, почему факты Костомарова провѣрять слѣдуетъ. Говоря объ осадѣ Глухова королемъ Яномъ Казиміромъ въ 1664 г., г. В. Карачевскій замѣчаетъ: «мы не станемъ останавливаться на этой осадѣ; она оч. подробно и *обстоятельно* описана у Костомарова», а затѣмъ сказавъ, что осада Глухова была снята въ виду приближенія Брювецкаго съ Ромодановскимъ,—авторъ продолжаетъ: „Рѣшили оставить осаду Глухова и готовиться къ бою. Бой этотъ произошелъ, по свидѣтельству Величка, 30 января и окончился полнымъ пораженіемъ поляковъ... Польское войско отступило къ Н.-

---

[1]) Вотъ примѣры: „*Матеріалы Судьенка* (разумѣется „Матер. для отечеств. истор.") заключаютъ въ себѣ переписку съ Мазепой разныхъ лицъ, стоявшихъ близко къ Петру I и сообщаютъ свѣдѣнія о событіяхъ въ правобер. Украинѣ въ нач. XVII ст." Если XVII-й вѣкъ здѣсь и опечатка, то во всякомъ случаѣ *никакой переписки съ Мазепою въ указанной книгѣ—нѣтъ*.—Называя томы III и IV Исторіи Малороссіи Маркевича, авторъ говоритъ: „здѣсь сведены всѣ документы (?), начиная съ гетманства Хмельницкаго до конца гетманства".—Непонятно.—*Климактеры*—Коховскаго—„*все сочиненіе написано по латыни, исключая* IV-го тома, *переведеннаго* на польскій". На какомъ же языкѣ написанъ IV-й томъ? спроситъ читатель и отвѣтитъ: тоже по латыни.—Свѣдѣніе о написаніи сочиненія Коховскаго на латинскомъ языкѣ—заключается въ самомъ его заглавіи (Annalium Poloniae Climacteres), а для читателя интереснѣе было бы заключеніе автора—о степени достовѣрности этого источника... „Przezdiecki—Podole, Wołyn y Ukraina—описаніе въ беллетристической формѣ упомянутыхъ въ заглавіи мѣстностей .." Никакой беллетристики здѣсь нѣтъ, а есть описаніе археографическаго путешествія.

Сѣверску. На пути къ этому городу, при переправѣ черезъ Десну, у с. Пироговки, Брюховецкій съ Ромодановскимъ догнали отступавшее польское войско и сильно побили его". (Стр. 118). Такъ и у Костомарова (XV, 33) но съ оговоркою, что онъ не рѣшается принять за «достовѣрную историческую правду» описаніе битвы 30-го января, п. ч. источникъ передающій подробности этой битвы нерѣдко является не вѣрнымъ, а «другихъ описаній этой битвы, говоритъ Костомаровъ, ни въ русскихъ, ни въ польскихъ источникахъ онъ не нашелъ». Дѣйствительно, указаніе на битву 30-го января подъ Глуховомъ—не вѣрно, п. ч. *этой битвы вовсе не было*. Была только одна «битва» (короля съ Ромодановскимъ и Брюховецкимъ)—около Пироговки. Это видно изъ короткаго, но точнаго описанія «Самовидца» («кн. Ромодановскій рушилъ просто къ табору королевскому (подъ Глуховъ) и король собою стривоживши, *въ-подъ Глухова вступилъ на Н.-Сѣверскій*, зъ которымъ (королемъ) кн. Ромодановскій и гетм. Брюховецкій *мѣлъ потребу въ Пероговци....*»), а еще яснѣе это видно изъ мемуаровъ участника въ королевскомъ походѣ—шляхтича Почобута, напечатанныхъ въ Варшавѣ, въ 3-мъ томѣ Bibliotek'и ordynacyi Krasinskich, (въ 1877 году, т. е. болѣе 20-ти лѣтъ назадъ). Несомнѣнно, что описаніе осады Глухова, сдѣланное Костомаровымъ требовало провѣрки. Провѣрка эта требовалась и отъ медальнаго сочиненія.... Если автору послѣдняго былъ неизвѣстенъ Почобутъ, то съ *Самовидцемъ* нужно было познакомиться обстоятельнѣе.

— ***Каталогъ книгъ кіевской городской публичной библіотеки отдѣла имени Вл. М. Юзефовича.*** Кіевъ. 1899. 8 д. л. 303 стр. Какъ извѣстно, собраніе книгъ (13887 том.) умершаго лѣтъ шесть назадъ Вл. М. Юзефовича подарено братомъ его—кіевск. гор. публичной библіотекѣ Покойный владѣлецъ этого собранія, говорятъ, былъ большой книголюбъ и потому въ его библіотекѣ можно было предполагать какой нибудь систематическій подборъ, но такого подбора нѣтъ: это собраніе самое разнообразное, въ которомъ старое и цѣнное соединено съ новѣйшими произведеніями московскаго рынка, въ родѣ: «Два кинжала или черное домино» (1866 г.) «Чертово раздолье или месть жидовки» (1861 г.) и т. под. Наиболѣе важенъ тутъ отдѣлъ періодическихъ изданій. Здѣсь есть очень рѣдкія вещи изъ старинныхъ русскихъ журналовъ, напр. Аглая Шаликова, Адская Почта, Атеней 30-хъ годовъ, Благонамѣренный Измайлова, Всякая Вся-

чина 1764 г., Галатея Раича, Геній Временъ 1807—8 г. г., Духъ Журналовъ 1815—19 гг., Европеецъ 1832 г. Живописецъ, Зеркало Свѣта, Зритель, Иппокрена, Иртышъ, Муза 1796 г., Невинное Упражненіе 1763 г. и друг. Обращаетъ на себя вниманіе въ б—кѣ Юзефовича *множество* дефектныхъ экземпляровъ среди новыхъ журналовъ, напр. Вѣстника Евр. Стасюлевича—имѣется всего четыре непослѣдовательныхъ года и изъ нихъ одинъ только годъ полный, а то —лишь по нѣсколько номеровъ; тоже самое и въ другихъ новѣйшихъ журналахъ... Количество книгъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи въ собраніи Юз—ча очень невелико и ничего замѣтнаго между ними нѣтъ. Описаніе книгъ въ каталогѣ сдѣлано не всегда точно и не по установившейся уже формѣ, а произвольно, напр., число страницъ указывается въ срединѣ заглавія, а не въ концѣ его, а иногда и вовсе не указывается.—Собраніе В. М. Ю—ча во всякомъ случаѣ пополнило кіевскую публичную б—ку значительнымъ количествомъ цѣнныхъ книгъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ стоятъ старинные русскіе журналы, между которыми не мало есть «рѣдкостей». Думается, что г. Кіеву слѣдовало бы почтить память покойнаго В. М. Ю—ча помѣщеніемъ, напр., его портрета въ библіотекѣ.

— *O bazylianach w Humaniu* przez *Wyłyniaka.* (Дунинъ-Карвицкій?) Przew. nauk. i lit., май, 456—464. Начало статьи.

— Gazeta Lwówska (№ 125) извѣщаетъ о выходѣ въ свѣтъ двухтомнаго сочиненія г. Гавронскаго—„Historya ruchów haidamackich», «основаннаго на обширномъ рукописномъ матеріалѣ».

Присланы въ редакцію для отзыва:

1. *Памятная книжка г. Смоленска.* Истор.—соврем. очеркъ, указатель и путеводитель. С. П. Писарева. Смоленскъ. 1898. 8 д. л. 202 стр. и планъ.

2. *Письмо перваго самозванца* къ папѣ Клименту VIII. С. Л. Пташицкаго. Спб. 1899. 8 д. л. 48 стр. и 8-мъ снимковъ.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ.

Засѣданіе Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда. 17-го мая состоялось въ присутствіи большого числа членовъ засѣданіе Отдѣленія подъ предсѣдательствомъ пріѣхавшей въ Кіевъ по дѣламъ съѣзда гр. П. С. Уваровой. Между нѣкоторыми другими вопросами, говорить о которыхъ, до ихъ рѣшенія, мы считаемъ пока преждевременнымъ, разсматривался вопросъ о выставкѣ при съѣздѣ. Дѣло это рѣшено поставить слѣдующимъ образомъ. Въ университетѣ, гдѣ будутъ происходить засѣданія съѣзда, устраивается выставка, состоящая изъ одѣловъ: 1) первобытныхъ древностей, 2) картъ и историческихъ портретовъ и 3) рукописей и старопечатныхъ книгъ. Въ отдѣлъ первобытныхъ древностей вошла богатая каллекція университетскаго музея, приведенная уже въ порядокъ, и поступаютъ частныя каллекціи и отдѣльные предметы; для этой части выставки изготовленъ каталогъ, котораго напечатано уже 11 листовъ. Организацію отдѣла географическихъ картъ взялъ на на себя В. А. Кордтъ, благодаря энергіи послѣдняго и этотъ отдѣлъ составленъ довольно полно. Затѣмъ, Кіевское общество древностей и искусствъ устраиваетъ самостоятельную выставку въ одной изъ залъ строющагося музея, гдѣ идутъ спѣшныя работы по отдѣлкѣ ко времени съѣзда хотя одной части этого большого зданія; на эту выставку поступятъ каллекціи, принадлежащія Обществу и нѣкоторыя частныя, какъ напр. коллекція первобытныхъ древностей г. Хвойки. Кромѣ того, для членовъ съѣзда будутъ открыты другія собранія,

находящіяся въ Кіевѣ: Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи, собраніе украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго, собраніе древностей и предметовъ искусства Б. И. Ханенка и собраніе І. А. Хойновскаго Для завѣдыванія хозяйственной частью съѣзда въ этомъ засѣданіи были произведены выборы членовъ хозяйственнаго комитета, куда рѣшено пригласить и представителей городского самоуправленія; въ виду ожидаемаго пріѣзда многочисленныхъ ученыхъ, м. п. и изъ заграницы, очень желательно, что бы эта сторона дѣла съѣзда встрѣтила поддержку со стороны кіевской думы, т. к. средства предварительнаго комитета ограничены, да и личный составъ его очень не великъ, хлопотъ-же чисто хозяйственнаго характера будетъ не мало. Тотъ-же недостатокъ средствъ имѣлъ вліяніе и на вопросъ объ экскурсіяхъ настоящимъ лѣтомъ, поднятый въ концѣ засѣданія; такихъ эксурсій предвидится всего три: г. Василенко—въ гг. Полтаву и Черниговъ для осмотра архивовъ, г. Истомина—въ г. Холмъ и г. Бѣляшевскаго—въ Кіевскую губернію для производства археологическихъ изслѣдованій и въ частности для раскопокъ на мѣстѣ Зарубскаго монастыря, разрушеннаго въ XIII вѣкѣ.

Сообщаемъ кстати свѣдѣнія о картахъ, изготовляемыхъ къ съѣзду: археологическія карты Волынской губ.—проф. Антоновича и Подольской губ.—св. Сѣцинскаго—уже готовы, ко времени-же открытія съѣзда будетъ готова историческая карта лѣвобережной Малороссіи, составленіемъ которой занято въ настоящее время нѣсколько лицъ.

Изслѣдованія и раскопки.

Полеолитическая стоянка на Черноморьѣ. Давно уже посѣщающему Россію французскому путешественнику барону де Бай (de Baye) удалось во время его прошлогодняго пребыванія на Кавказѣ открыть очень интересную въ теоретическомъ отношеніи палеолитическую стоянку *въ станицѣ Ильской*, къ югу отъ Новороссійска. [1]) Никогда не пропуская случая воспользоваться обнаженіями или выемками древ-

---

[1]) Первыя свѣдѣнія объ этой раскопкѣ были сообщены уже въ „*Материялах до українсько-руської этнольогіи*“ издав. Науковим Товар. Ім. Шевченка во Львовѣ (т. 1. стр. 221)

нихъ слоевъ почвы для ихъ археологическаго обслѣдованія и остановившись съ этой цѣлью возлѣ буровыхъ скважинъ, пробиваемыхъ въ тамошнихъ мѣстонахожденіяхъ нефти, г. де Бай обратилъ вниманіе на осколки кремня и обломки костей въ получившихся при копаніи нефтяныхъ колодцевъ отбросахъ глины. Сдѣланныя тутъ-же раскопки обнаружили въ пластѣ глины съ голубоватыми прожилками, залегающемъ подъ нѣсколькими слоями наноснаго песка и гравія, несомнѣнное присутствіе костей мамонта и умышленно-расколотыхъ по длинѣ костей нѣкоторыхъ другихъ животныхъ (гл. обр. *Bos primigenius*), вмѣстѣ съ которыми было найдено и нѣсколько каменныхъ орудій съ довольно большимъ количествомъ осколковъ. Орудія эти (изъ кремня и кажется кварцита), между которыми особенно обращаютъ на себя вниманіе очень хорошее скребло (racloir) и довольно хорактерное остріе, позволяютъ съ извѣстной вѣроятностью отнести эту находку къ ***мустьерской*** эпохѣ, одной изъ тѣхъ древнѣйшихъ эпохъ древне-каменнаго вѣка, которыя до сихъ поръ еще ниразу не были найдены въ Европейск. Россіи. Всѣ добытые бар. де Баемъ предметы находятся въ настоящее время на выставкѣ всѣхъ его коллекцій, вывезенныхъ изъ прошлогодняго путешествія по Россіи, въ одной изъ залъ музея Guiemet въ Парижѣ, а затѣмъ поступятъ вѣроятно въ антропологическую галлерею парижскаго «музеума», куда уже переданы предметы добытые тѣмъ же путешественникомъ въ палеолитической стоянкѣ той же мустьерской эпохи возлѣ Красноярска, описанной впрочемъ ранѣе г. Савенковымъ. Открытіе бар. де Бая въ Ильской ст. показываетъ намъ еще разъ необходимость серьезныхъ наблюденій и раскопокъ мѣстными силами, при чемъ и добытыя древности не будутъ по крайней-мѣрѣ уходить отъ насъ за границу. Въ особенности-же слѣдовало-бы обратить на это вниманіе кіевскихъ геологовъ, которые въ концѣ концовъ не имѣютъ ни малѣйшихъ научныхъ основаній чуждаться свѣдѣній о постпліоценовомъ человѣкѣ.

Ѳ. Волковъ.

—

Раскопки на Верхней Юрковицѣ въ г. Кіевѣ. Нагорная площадь, занятая Верхней Юрковицей, раздѣлена со стороны Кирилловской улицы нѣсколькими оврагами очень давняго происхожденія, образованными стокомъ атмосферныхъ и подпочвенныхъ водъ; на планѣ этотъ край площади имѣетъ видъ нѣсколькихъ мысовъ, вдающихся въ долину Днѣпра. Одинъ изъ такихъ мысовъ, раздѣленный

оврагомъ отъ другого, на которомъ расположено кладбище Іорданской церкви, и былъ мѣстомъ раскопокъ. На этомъ мѣстѣ съ весны начаты работы по устройству кирпичнаго завода (Лурье и Левина); въ концѣ апрѣля приступлено было къ спланировкѣ площади и уже при началѣ работъ обнаружены нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что мѣстность эта представляетъ интересъ въ археологическомъ отношеніи. На нихъ было обращено вниманіе живущей по близости г-жей Скриленко, интересующейся мѣстными древностями,— не будь этого обстоятельства, очень возможно, что и эта мѣстность, какъ и многія другія въ чертѣ Кіева, осталась-бы не обслѣдованной въ научномъ отношеніи. А. А. Скриленко любезно подѣлилась съ нами своими наблюденіями и въ теченіи всего истекшаго мая принимала живое участіе въ раскопкахъ, ближайшее наблюденіе надъ которыми взялъ на себя составитель настоящей «Лѣтописи».

Мысъ, о которомъ мы говоримъ, занимаетъ площадь приблизительно въ сто квадратныхъ метровъ; на сѣверо-восточномъ краю его находятся 3 кургана—одни изъ послѣднихъ, уцѣлѣвшихъ на территоріи Кіева. Съемка земли производилась на всемъ пространствѣ этого мыса, съемка шла глубоко, захватила собой не только поверхностный слой чернозема но и довольно большой слой материка; приходилось только внимательно слѣдить за работами, въ нужныхъ случаяхъ пріостанавливать ихъ и самимъ изслѣдовать тотъ или другой пунктъ.

Раскопки показали, что весь этотъ мысъ былъ заселенъ въ неолитическую эпоху каменнаго вѣка. Слѣды первобытной жизни сосредоточивались главнымъ образомъ по краямъ мыса; здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружены т. н. сорныя кучи, имѣвшія видъ разуглубленій и ямъ, наполненныхъ рѣчными раковинами, костями различныхъ животныхъ и рыбъ, углями и черепками отъ сосудовъ ручной лѣпки.

На сѣверо-зап. откосѣ встрѣтились также остатки очага, состоявшіе изъ пережженной глины; другой очагъ, съ массой лежавшихъ возлѣ него костей животныхъ, открытъ въ центральной части мыса.

Собранная здѣсь коллекція этой эпохи является довольно разнообразной и полной. Мы имѣетъ тутъ нѣсколько представителей каменныхъ орудій: кремневый топорикъ—клинъ съ шлифованнымъ лезвеемъ, кремневое остріе со вторичной подправкой, части отбивныхъ ножиковъ; нѣсколько издѣлій изъ рога и кости: 2 роговыхъ топорика, костяное долотцо и шило. Особенно-же богатъ отдѣлъ ке-

рамики: кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ сосудовъ, добытыхъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, коллекція заключаетъ въ себѣ нѣсколько сотъ черепковъ отъ сосудовъ разной величины, формы и толщины стѣнокъ, безъ орнамента и покрытыхъ разнообразнымъ орнаментомъ изъ углубленій, шишекъ, нарѣзовъ, бороздокъ и т. д.; у многихъ изъ черепковъ сохранились ушки, у болѣе тонкихъ изъ нихъ обжигъ прошелъ насквозь, болѣе-же толстые имѣютъ въ срединѣ плохо обожженную прослойку. Что сосуды служили для приготовленія пищи, на это указываетъ найденная часть одного сосуда, на днѣ котораго сохранился слой рыбьихъ костей. Изъ другихъ глиняныхъ предметовъ найдено нѣсколько пряслицъ, пока еще не объясненные предметы въ видѣ четыреугольныхъ съ вытянутыми углами пластинокъ съ утолщеніемъ посрединѣ и часть грубо вылѣпленной человѣческой фигурки.

Культура, открытая въ данной мѣстности, не представляетъ изъ себя ничего новаго: подобнаго-же рода находки были сдѣланы въ другихъ мѣстахъ, по той-же нагорной сторонѣ Кирилловской улицы; впервые она обнаружена въ 1876 г. проф. Антоновичемъ, изслѣдовавшимъ здѣсь пещеры въ лессѣ, относящіяся къ тому-же времени. Послѣдующія недавнія раскопки г. Хвойки дали новый обильный матеріалъ, такъ что наши находки прибавляютъ къ нему сравнительно немного, и только слѣдуетъ пожелать, чтобы добытыя раньше данныя были обработаны и стали полнымъ достояніемъ науки, пока-же онѣ извѣстны лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ.

Изъ трехъ, находящихся здѣсь, кургановъ вполнѣ раскопанъ пока лишь одинъ—самый большій, расположенный ближе всего къ краю мыса. Окружность его у основанія—болѣе 40 метровъ, высота-же около 2-хъ метр. Въ первоначальномъ видѣ курганъ былъ несомнѣнно выше, испортили его кладоискательскія раскопки, отъ которыхъ остались слѣды въ видѣ довольно глубокаго колодца въ вершинѣ кургана. Изслѣдованіе этого кургана дало слѣдующіе результаты. Подъ насыпью оказалась четыреугольная могильная яма, длиной по направленію съ сѣв.-вост. на юго-зап. $4^1/_2$ метр., шириной 3 м. 15 стм., ко дну ямы, лежавшему приблизительно на $1^1/_2$ м. ниже горизонта, бока ея немного суживались; яма выкопана въ желтой глинѣ, дно-же ея составлялъ слѣдующій подъ желтой слой бѣлой, очень твердой глины. Нетронутой оказалась юго-зап. часть могилы; здѣсь, почти у самой стѣнки ямы, лежалъ въ вытянутомъ положеніи ске-

летъ человѣка, головой на юго-востокъ; при верхней части скелета не оказалось почти никакихъ предметовъ, если не считать найденнаго въ области груди небольшого плоскаго камушка — голыша, жилки котораго, перекрещиваясь, образуютъ какъ-бы крестъ, присутствіе его скорѣе всего можно считать случайнымъ. У лѣвой руки скелета найдены 3 стекляныя бусы, изъ которыхъ двѣ изъ разноцвѣтной стекляной массы, и бронзовая круглая пуговка. Большинство-же находокъ сосредоточивалось у нижнихъ конечностей: у ступни правой ноги лежала желѣзная шпора, состоящая изъ дужки съ острымъ стержнемъ у вершины, бронзовое литое кольцо и части какого-то желѣзнаго предмета, почти совсѣмъ уничтоженнаго ржавчиной. Подъ правой ступней, почти совсѣмъ на бѣлой глинѣ, найденъ предметъ изъ распиленной вдоль широкой части лосьяго рога, 19½ стм. длиной, съ выемкой съ одной стороны, украшенный рѣзной звѣриной головкой и снабженный сквозными дырочками—б. м. часть налучья; рядомъ съ этимъ предметомъ лежали кости какого-то мелкаго животнаго. Между нижними частями ногъ найдена желѣзная пряжка, здѣсь-же стоялъ деревянный точеный сосудъ въ видѣ чашки, совершенно конечно истлѣвшій, сохранилась лишь въ нетронутомъ видѣ серебряная оковка чаши, состоявшая изъ тонкой полоски серебра, прикрѣпленной къ чашѣ серебряными же гвоздиками; у чаши повидимому была и ручка, т. к. и для нея имѣется широкая, частью вызолоченная, оковка; кромѣ того, тутъ-же находились 3 небольшія четыреугольныя серебряныя пластинки съ гвоздиками для прикрѣпленія, изъ нихъ одна прорѣзная; діаметръ верхней части чаши—14 стм. Какъ скелетъ, такъ и всѣ найденные возлѣ него предметы добыты изъ твердой, плотно слежавшейся земли. Характеръ почвы остальной части могильной ямы былъ иной—сюда повидимому проникли кладоискатели, земля здѣсь рыхлая и содержимое ямы представляетъ полный безпорядокъ. На разной глубинѣ тутъ найдены остатки повидимому трехъ скелетовъ; кромѣ костей, встрѣтились и нѣкоторые предметы: въ сѣверномъ углу ямы, подъ находившимся здѣсь черепомъ, лежала желѣзная шпора, подобная предыдущей, и возлѣ нея желѣзный окислившійся предметъ—б. м. подковка отъ сапога; въ этой-же части ямы, найдена бронзовая прорѣзная ручка отъ кресала, въ видѣ двухъ птицъ, соединившихъ клювы надъ помѣщенной въ срединѣ человѣческой фигуркой; въ центральной части могилы, на самомъ днѣ, найдена маленькая слез-

ничка изъ зеленаго стекла—благодаря плотности почвы и тонкости сосудика, его не удалось добыть въ цѣломъ видѣ. Таково содержаніе кургана. Характеръ предметовъ и отчасти способъ погребенія указываютъ на славянскую языческую эпоху, такъ что могилу эту можно отнести къ IX—X в. Очень интересными представляются нѣкоторыя детали погребальнаго ритуала, служащія дополненіемъ какъ къ письменнымъ, такъ и археологиченнымъ даннымъ по этому вопросу, въ частности, раскопки этого кургана приносятъ свою долю и въ исторію древняго Кіева.

Раскопки двухъ остальныхъ кургановъ еще не закончены, но, судя по нѣкоторымъ признакамъ, они не обѣщаютъ того, что далъ первый курганъ, и даже могутъ оказаться не могильными насыпями, такъ какъ, не смотря на произведенную уже сравнительно большую съемку земли, признаковъ могильныхъ ямъ пока не обнаружено.

Съ юго-западной стороны кургановъ встрѣчено 3 погребенія безъ наружныхъ признаковъ, но относящихся къ той-же эпохѣ, что и курганъ. Скелеты помѣщались въ ямахъ, глубиной въ 1—$1^1/_2$ м., головой на западъ, съ вытянутыми ногами и съ руками, скрещенными на груди; погребенія здѣсь совершались въ гробахъ, такъ какъ при каждомъ изъ скелетовъ найдены желѣзные гвозди и порошокъ отъ истлѣвшихъ досокъ гроба; находки предметовъ незначительны: на правой рукѣ одного скелета находилось серебряное кольцо, украшенное чернью, у другого на рукѣ найдено подобное-же кольцо, а у головы стеклянная и серебряная бусинки, у третьяго костяка возлѣ правой ноги стоялъ небольшой сосудъ съ волнообразнымъ орнаментомъ; погребенія такого рода встрѣчались и раньше по близъ лежащимъ возвышенностямъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о цѣломъ рядѣ открытыхъ здѣсь-же могилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ снабженныхъ склепами изъ кирпича-сырца; по сохранности могилъ, характеру кирпича и нѣкоторымъ находкамъ, ихъ можно отнести къ новѣйшему времени—къ XVII—XVIII в.

Ограничиваемся пока этимъ бѣглымъ отчетомъ, который будетъ еще дополненъ по окончаніи раскопокъ.

Предметы, добытые раскопками, требуютъ еще болѣе детальнаго изученія и опредѣленія (какъ напр. масса костей животныхъ изъ сорныхъ кучъ каменнаго вѣка); предназначены они для будущаго кіевскаго музея.

Раскопки въ с. Ромашкахъ, Васильковск. у. Кіевской губ. Весной текущаго года В. В. Хвойкой было вскрыто нѣсколько кургановъ, расположенныхъ у с. Ромашекъ. Встрѣченныя въ курганахъ погребенія относятся къ двумъ эпохамъ, раздѣленнымъ очень большимъ промежуткомъ времени. Погребенія двухъ кургановъ можно отнесть къ II—III вѣк. по Р. Х. Въ первомъ курганѣ, въ могильной ямѣ, глубиной около 2-хъ метровъ, лежалъ костякъ, головой на юго-западъ; при лѣвомъ плечѣ его находилась бронзовая фибула римскаго типа и стояла глиняная миска, приготовленная на гончарномъ кругѣ. Во второмъ курганѣ при костякѣ найдена подобная-же фибула, часть другой фибулы, бронзовая шпилька и также плоская глиняная миска. Курганы этого типа еще очень мало обслѣдованы, не выяснено еще и ихъ географическое распространеніе, поэтому важенъ каждый новый фактъ; въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ собощить, что три миски, подобныя вышеуказаннымъ, найдены при распахиваніи кургановъ у с. Иржавца, Каневскаго у., и находятся въ нашемъ собраніи. Очень цѣнной, въ смыслѣ даты, является находка еще одной такой миски—въ с. Ольшанкѣ, Васильковскаго у., миска эта заключала въ себѣ кладъ римскихъ монетъ II—III в. по Р. Х., находится она въ собраніи г. Хвойки.

Остальныя открытыя погребенія, находившіяся подъ небольшими насыпями, гораздо болѣе поздняго происхожденія; судя по найденнымъ при скелетахъ предметамъ, ихъ можно пріурочить къ XIII—XIV вв. Предметы эти типичны для древностей юга Россіи княжескаго періода; это серебряныя височныя кольца, ручныя кольца изъ витой проволоки, пряжки, бусы съ зернью и т. п. Особенно интересными оказались раскопки одной могилы, выдававшейся среди другихъ по своимъ размѣрамъ. Въ насыпи могилы встрѣчено нѣсколько погребеній; изъ нихъ, при мужскомъ скелетѣ найденъ желѣзный ножикъ, остатки сафьяновыхъ сапогъ, съ двумя желѣзными подковками и куски шелковой матеріи отъ платья съ очень оригинальной бахромой, состоящей изъ плетенаго шнурка съ подвѣшенными плетеными-же шариками; у женскаго скелета на груди найденъ бронзовый крестикъ-тѣльникъ, у висковъ-же—серьга съ привѣской въ видѣ небольшой лунницы и повидимому другая серьга, плохо сохранившаяся, состоящая изъ нанизанныхъ на проволоку буссъ.

Очень желательно, чтобы г. Хвойка опубликовалъ болѣе подробное описаніе произведенныхъ имъ раскопокъ.

Съ начала настоящаго іюня Б. И. Ханенко и В. В. Хвойка предполагаютъ производить раскопки кургановъ *у с. Райгорода, Черкасскаго у. Кіевск. губ.*

—

Дача Кіево-Братскаго монастыря Церковщина. Проф. П. А. Лашкаревъ въ № 3 «Трудовъ Кіевск. Духовн. Академіи» помѣстилъ подъ вышеприведеннымъ названіемъ небольшую статью, вышедшую въ настоящее время и отдѣльно, гдѣ обращаетъ вниманіе на одну изъ ближайшихъ къ Кіеву мѣстностей, очень мало извѣстную кіевлянамъ, но отличающуюся красивымъ мѣстоположеніемъ и имѣющую за собой цѣлый рядъ историческихъ преданій. Мѣстность эта лежитъ верстахъ въ двадцати отъ Подола, ниже Китаевской пустыни, у с. Лѣсники; окрестное населеніе называетъ ее Церковище или Церковщина. Имѣющаяся здѣсь пещера, частью уже обрушившаяся, по преданіямъ связана съ именемъ св. Θеодосія Печерскаго; затѣмъ, въ печерскомъ патерикѣ урочище это—«село монастырское» или «село Богородици» упоминается двукратно по поводу впечатлѣнія, какое оно произвело на покушавшихся разорить его «злодѣевъ» и половцевъ. Но ни въ лѣтописяхъ, ни въ патерикѣ печерскомъ, говоритъ проф. Лашкаревъ, нѣтъ указанія, когда въ этомъ селѣ святой Богородицы устроился монастырь. Нѣтъ даже намековъ на существованіе тамъ монастыря въ періодъ до-татарскій и татарскій. Съ первой половины XVI столѣтія мѣстность эта является въ актахъ, какъ мѣстность бывшаго монастыря «святое Пречистое Гнилецкаго», запустѣвшаго послѣ нашествія татаръ». Прослѣдивъ затѣмъ дальнѣйшую исторію этого урочища до перехода во владѣніе Братскаго монастыря, авторъ замѣчаетъ: «При отсутствіи указаній на существованіе Гнилецкаго монастыря лѣтописныхъ, естественно предположеніе, что въ періодъ расцвѣта монастыря святой Богородицы Печерскаго «село святое Богородици», сдѣлалось центромъ загороднаго монастырскаго хозяйства, вызвало постройку тамъ церкви съ образованіемъ при ней, для занятой хозяйственными работами братіи, монастырскаго общежитія въ видѣ отдѣленія «монастыря святое Пречистое», т. е. самого Печерскаго монастыря». Это предположеніе подтверждается и археологическими данными, указывающими на существованіе здѣсь церкви въ до-татарскій періодъ. Хотя, по словамъ пр. Лашкарева, въ настоящее время разрушеніе древней церкви нужно признать, повидимому, полнымъ. «Мѣсто, на которомъ стояла она, представляется по

всѣмъ направленіямъ изрытымъ и выдѣляется изъ остального, бывшаго подъ монастыремъ, пространства только кучами строительнаго щебня, которыми покрыто. Дѣланныя нами одно время попытки наслѣдить по крайней мѣрѣ фундаментъ древняго зданія оказались безуспѣшными. Кромѣ перерытаго кладоискателями изъ окрестныхъ деревень кирпичнаго лома и перемѣшанныхъ съ землею цемента и костей, мы не встрѣтили ничего. Но по болѣе значительнымъ кускамъ кирпича, которые намъ удавалось находить, видно, что первоначальною своею постройкою церковь относилась къ періоду великокняжескому. Преобладающая масса кирпича имѣла обычную въ древнихъ кіевскихъ сооруженіяхъ форму плитъ отъ 6 до 7 или 8 вершковъ въ длину и ширину и до вершка въ толщину. Но вмѣстѣ съ кирпичемъ этой древнѣйшей формы въ довольно значительномъ количествѣ встрѣчался кирпичъ и формы тождественной съ тѣмъ, который мы находили въ развалинахъ древней церкви на Кудрявцѣ, употребленнымъ несомнѣнно въ болѣе позднее время для необходимыхъ поправокъ древняго зданія, и который употребленъ также въ перестройку южнаго абсида Великой лаврской церкви. Кирпичъ этотъ имѣетъ 6 вершковъ длины на $2^2/_3$ вершка ширины и $1^2/_3$ верш. толщины и желабчатыя, съ одной стороны широкой поверхности, полосы. Присутствіе кирпича такой формы, по нашему мнѣнію, служитъ указаніемъ, что построенная еще до нашествія татаръ церковь поддерживалась и поправлялась и послѣ разгрома Кіева Батыемъ, и если запустѣла окончательно «отъ татаръ», то уже послѣ нашествія на Кіевъ Едигея въ 1416 году, или Менгли-Гирея въ 1480 г.»

Случайныя находки.

За истекшій мѣсяцъ *городище Княжа гора* дало сравнительно немного находокъ. Объясняется это тѣмъ, что значительная часть площади городища занята посѣвами, и кладоискательскій пылъ захватыхъ «копачей» очень энергично умѣряется владѣльцами засѣянныхъ участковъ. Хотя, все таки, за это время были доставлены въ Кіевъ три небольшія партіи древностей, заключавшія въ себѣ по большей части предметы, уже раньше извѣстные. Какъ на интересную новинку укажемъ на привѣску или скорѣе амулетъ, состоящій изъ зуба ископаемой акулы, вдѣланнаго въ серебряную оправу съ

ушкомъ для привѣшиванія. (Почти всѣ предметы этихъ партій поступили въ Университетскій музей).

—

Настоящей весной, при рытьѣ канавы *въ окрестностяхъ г. Канева, Кіевск. г.*, сдѣлана находка, представляющая оченъ интересный типъ погребенія съ сожженіемъ. Именно, здѣсь найденъ сосудъ довольно большихъ размѣровъ, грубой ручной лѣпки, наполненный золой и пережженными человѣческими костями, между которыми находились 2 мѣдныя и 7 желѣзныхъ круглыхъ бляшекъ, 5 стм. діам., украшенныхъ орнаментомъ изъ штампованныхъ точекъ; бляхи эти повидимому служили наборомъ для пояса. Вмѣстѣ съ сосудомъ найденъ и узкій обоюдоострый желѣзный мечъ, 61 стм. длиной; перекрестья у меча нѣтъ, его замѣняютъ расположенныя наискось 2 миндалевидныхъ утолщенія, напоминающія таковыя-же скифскихъ кинжаловъ; желѣзная рукоятка меча, составляющая одно цѣлое съ клинкомъ, заканчивается двумя отогнутыми рожками. (Находка эта также поступила въ Университетскій музей).

Музеи и собранія древностей.

Для будущаго *Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ* переданы на дняхъ изъ Археологической Комиссіи слѣдующіе предметы и коллекціи. Четыре бронзовые топора—клина и 6 бронзовыхъ слитковъ, найденные у с. Сосновки, Чигиринскаго у. Кіевск. г.; бронзовая бляха въ видѣ головки козла, мѣдный топорикъ и каменный молотокъ, найденные въ предѣлахъ Кіев. губ. Затѣмъ коллекція предметовъ изъ раскопокъ въ бассейнѣ р. Случи, возлѣ м. Мирополя, Новоградъ-Волынск. у., произведенныхъ въ 1896 г. С. С. Гамченко; коллекція эта характеризуетъ поразительную бѣдность волынскихъ кургановъ; раскопано ихъ было 32 и почти всѣ находки, встрѣченныя у костяковъ, исчерпываются небольшими сосудиками, черепками отъ сосудовъ, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены клейма, желѣзными гвоздями отъ гробовъ, желѣзными ножиками, серебряными колечками и серебряными и стеклянными бусами. Однако, какъ ни незначительны эти предметы сами по себѣ, они все таки даютъ представленіе о культурѣ языческаго славянскаго населенія данной мѣстности и заслуживаютъ сохраненія наряду съ цѣнными въ мате-

ріальномъ и художественномъ отношеніи предметами, коковые несомнѣнно найдутъ себѣ мѣсто въ Кіевскомъ музеѣ; для науки важенъ каждый черепокъ и зачастую послѣдній гораздо интереснѣе какого-нибудь предмета изъ золота или серебра.

Кромѣ этой коллекціи, для музея передана также коллекція изъ раскопокъ проф. Кулаковскаго въ Таврической губерніи; область эта выходитъ за раіонъ, которому посвящена наша «Лѣтопись», и потому мы подробно говорить объ этой коллекціи не будемъ, замѣтить лишь что она состоитъ изъ нѣсколькихъ сосудовъ и черепковъ, добытыхъ въ курганахъ.

—

Собраніе Н. П. Чернева въ Кіевѣ. Въ дѣлѣ научнаго собранія предметовъ древности большое значеніе имѣютъ коллекціи, строго спеціализированныя; если даже такія коллекціи и не отличаются большимъ количествомъ предметовъ, то за то строгій подборъ предметовъ, ихъ несомнѣнная подлинность и точно установленное мѣсто происхожденія дѣлаютъ такія коллекціи очень интересными какъ для любителя, такъ и въ особенности для ученаго, могущаго всегда найти въ нихъ новый матеріалъ. Къ числу такихъ собраній и относится коллекція Н. П. Чернева. Коллекція началась составляться лишь съ конца осени прошлаго года; эпоха, которой она касается— княжескій періодъ; раіонъ, который обнимаетъ—Кіевская земля. Но не всѣ предметы великокняжеской эпохи поступаютъ въ коллекцію,— она спеціализирована на металлическихъ, каменныхъ и глиняныхъ образкахъ, крестикахъ—тѣльникахъ, привѣскахъ и перстняхъ. Большинство предметовъ происходитъ изъ городища на Княжей Горѣ. Въ прежнихъ выпускахъ нашей «Лѣтописи», въ отдѣлѣ случайныхъ находокъ, мы упоминали о болѣе выдающихся предметахъ, поступившихъ въ собраніе Н. П. Чернева, поэтому мы не будемъ здѣсь перечислять содержанія собранія, скажемъ лишь, что подборы иконокъ и крестиковъ-тѣльниковъ, а также отчасти и привѣсокъ, представляютъ единственныя въ своемъ родѣ собранія. Часть коллекціи Н. П. Чернева будетъ выставлена на предстоящемъ съѣздѣ, снимки же съ нѣкоторыхъ предметовъ будутъ помѣщены въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ нашей «Лѣтописи».

Разныя извѣстія.

Археологическіе институты въ Москвѣ и Кіевѣ. Въ послѣднемъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества обсуждался проектъ объ открытіи въ Москвѣ и Кіевѣ археологическихъ институтовъ. Вотъ сущность этого проекта. Археологическіе институты имѣютъ своею цѣлью приготовить ученныхъ архивистовъ для архивовъ, завѣдывающихъ библіотеками и хранителей общественныхъ и правительственныхъ музеевъ. Курсъ обученія въ институтахъ двухгодичный. Въ слушатели археологическаго иститута принимаются, безъ всякихъ пріемныхъ испытаній, лица, окончившія полный курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи. Во время пребыванія въ институтѣ слушатели обязаны посѣщать институтскія лекціи и, подъ руководствомъ профессоровъ, совершать обозрѣніе государственныхъ архивовъ, музеевъ и библіотекъ и предпринимать другія археологическія экскурсіи. По удовлетворительномъ выдержаніи выпускныхъ экзаменовъ по предметамъ институтскаго курса, слушатели получаютъ дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена института и права государственной службы въ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ. Во главѣ управленія институтомъ стоятъ директоръ и совѣтъ профессоровъ. Директоръ назначается Высочайшимъ приказомъ и состоитъ въ IV классѣ по должности, предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и слѣдитъ за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла въ институтѣ. Профессоровъ избираетъ совѣтъ изъ лицъ, заявившихъ себя учеными трудами по той или иной отрасли археологическаго знанія. Экзаменаціонная коммиссія для производства выпускныхъ испытаній слушателямъ ежегодно назначается совѣтомъ изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ директора. Въ московскомъ археологическомъ институтѣ преподаются: архивовѣдѣніе, дипломатика и сфрагистика, славяно-русская палеографія и, кромѣ того, исторія и хронологія. Въ кіевскомъ археологическомъ институтѣ читаются тѣ же науки, что и въ московскомъ, и сверхъ того польско-литовскія древности. При каждомъ археологическомъ институтѣ издается свой историко-археологическій журналъ и имѣются свои: канцелярія, музей древностей и библіотека, для завѣдыванія которыми состоятъ секретарь совѣта, хранитель музея и библіотекарь, пользующіеся правами учебной службы и соотвѣтствующимъ классомъ по должности. На содержаніе московскаго археологическаго института,

если его учредить при архивѣ министерства юстиціи, гдѣ для него есть свободное помѣщеніе, потребуется въ годъ до 15,000 р., а на содержаніе кіевскаго до 17—18 т. рублей ежегодно.

Какъ бы ни былъ еще далекъ этотъ проектъ отъ осуществленія, но хорошо и то, что мысль объ упорядоченіи дѣла архивовъ и о сохраненіи и изученіи памятниковъ старины, путемъ подготовки въ болѣе широкихъ размѣрахъ спеціалистовъ, уже поднята. Существующій въ Петербургѣ Археологическій институтъ, только недавно ставшій на твердыя ноги, является недостаточнымъ, сама-же жизнь настоятельно показываетъ, какъ назрѣли у насъ эти вопросы и какъ далеки еще мы отъ той постановки этого дѣла, какая давно уже существуетъ на Западѣ.

вишни срывать очеретяными *липками,*—все это было вполнѣ къ моимъ услугамъ.

Но боль всего, по крайнѣй мѣрѣ осязательнѣе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать, даже дружба, съ самимъ Ивасемъ. Это былъ не разлучный спутникъ во всѣхъ моихъ забавахъ, шалостяхъ и похожденіяхъ, а прежде всего—онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не примирилъ, можетъ быть, вполнѣ моей души съ этою школьною жизнію,—по крайней мѣрѣ по возможности сдѣлалъ сноснымъ ея бремя.

Но безкористна, впрочемъ, была ко мнѣ дружба Ивася! Играемъ, бывало, съ нимъ гдѣ-нибудь *у булки,* или шляемся по горамъ и выслѣживаемъ зайцовъ,—просто, только бы найти, спугнуть и потомъ *потюкать,*—вдругъ: „Стой!... Будемо, Васютко, на кулачки бытьця!“ Такая ужъ проклятая у него страсть была! Отнѣкиваюсь, бывало, отговариваюсь;—нечего дѣлать, умолитъ! и „братику“, и „голубчику!“. И такъ согласишься, бывало, такъ и разгорятся глазки! прыснетъ въ сторону, надвинетъ шапку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебѣ въ животъ,—и начнетъ какъ мельница работать руками... и по головѣ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы... Самъ, бывало, плачетъ, какъ увидитъ, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что будешь дѣлать!.. И на другой день—опять тоже... Я: впрочемъ, скоро умудрился, какъ съ нимъ быть. Какъ обуяетъ, бывало, его демонъ кулачокъ: „Добре!“ говорю, „согласенъ; тильки дай свій кожушокъ!..“ А надобно вамъ знать, что кожушокъ у него былъ сдѣланъ изъ кожуха его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ олійницѣ,—замасленный, затужавѣлый,—словомъ, какъ желѣзный, да еще и покрытъ толстою пестрядью, закутаюсь хорошенько, и, сколько душѣ угодно, пусть колотитъ. И что жъ бы вы думали? Какой бы ни былъ морозъ, сниметъ съ себя и дастъ! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!..

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасемъ, но заступничество его было для

меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивася. Другой этотъ заступникъ прозывался Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами,—да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классѣ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой—своего рода кліентство, водившіяйся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь,—только въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнустныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такимъ образомъ удовлетворять своему тщеславію и самолюбію, а при случаѣ и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ послугами,—какъ напримѣръ, сбѣгать на базаръ и купить *бубликивъ*, сбѣгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому нибудь другому сильному „дурня" и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патронатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслѣ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всѣмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всѣмъ очевиднѣе, придумалъ такое средство. Станетъ бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги:—„А ну", говоритъ, „Билокопытенко!.. Дивитця, дивитця!" И всѣ школяры *дывлятця*, а я сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходилъ греческій корабль на всѣхъ парусахъ межъ ногъ колосса родосскаго... И если я бывало пройду между Денисен-

ковыхъ ногъ, не задѣвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напустить его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется....

Не правда ли, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ нимъ! Ужъ на роду, вѣрно, написано всѣмъ сильнымъ имѣть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался—да оно, впрочемъ, не слишкомъ-то послѣ и нужно мнѣ было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти всѣ сильные.... Напроказили ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумали поучиться уму-разуму хоть послѣ, коли прежде, въ свое время, этого не успѣли сдѣлать,—не знаю; но только они какъ-то всѣ, говорю, у насъ исчезли,—скоро послѣ поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извѣстно:—сильныхъ въ школѣ нѣтъ, безсильные въ покровительствѣ не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротимся снова назадъ

Недѣли черезъ двѣ послѣ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнѣ отецъ. Пріѣхалъ онъ очень рано, еще передъ разсвѣтомъ,—изъ чего, зная его обычаи, я тотчасъ догадался, что дома случилось что-то необыкновенное. Дѣйствительно, тамъ случилось важное событіе: въ мое отсутствіе помовлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ,—отецъ пріѣхалъ въ городъ за покупками,—свадьба должна быть чрезъ недѣлю.

Дождавшись разсвѣта, отецъ велѣлъ мнѣ одѣться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поѣхалъ со мною въ лавки. Что онъ тамъ покупалъ и какъ,—не буду разсказывать, потому что не намѣренъ разсказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако не передать сцены, бывшей при покупкѣ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покупщика, и купца, какъ продавца, черты обнаружившіяся по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покупщиковъ и продавцовъ и теперь еще не рѣдкость.

Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дѣлать покупки и особенно не терпѣлъ разнаго мѣрянья, прицѣнки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ человѣкъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непремѣнно, напримѣръ ситцу, что ли; и нужно, положимъ, десять аршинъ. „Дайте", говоритъ, „такого и такого ситцю! Та небагато: мени треба десять аршинъ!" и какъ подастъ купецъ цѣлую штуку, и понравится ситецъ: „Гарный [1])! говоритъ: а скильки тутъ аршинъ?... Та годи мирить—такъ кажить!

— Тридцять!

„Тридцять! А стôитця що?

— Симнадцять!

„Симнадцять!... Не симнадцать, а пятнадцать?

Словомъ, почнется торгъ на глазомѣръ, за цѣлую штуку, или, говоря точнѣе не торгъ, а съ одной стороны; *пятнадцять, пятнадцять*; а съ другой: „Ну, безъ золотого!... Ну, безъ копи (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)..." Потому что, надобно знать если старикъ сказалъ цѣну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкѣ. Развѣ бы сказалъ свою цѣну такъ себѣ, чтобы *довидаться ума у молодого крамаря* [2]), или чтобы обмѣняться шутками съ старымъ знакомымъ....

— И то гроши!—скажетъ купецъ....

„Чомъ же не гроши? хороши гроши! карбованци—не жидивски обризанци, а повни [3]),—бумажки зъ свитомъ!"

И купилъ старикъ такимъ образомъ ситцу цѣлую штуку, купитъ, раззадорившись, еще штукъ нѣсколько; купитъ и другихъ разныхъ разностей! Найметъ потомъ *тригубого* жида Гершка, съ бродячею его труппою, на нѣсколько недѣль, и обошьетъ всѣхъ лѣтъ на нѣсколько! И сдѣлаетъ въ заключеніе старикъ генеральную ревизію: „Глядить же мени, бережить, шкодуйте [4])

---

[1]) Хорошій. [2]) Купца.—[3]) Полные, т. е. необрѣзанные.—[4]) Жалѣйте.

бо це вже", говоритъ, „годи [1])! годи гроши марно [2]) тратить на прокляти ганчирки [3])! Всѣ улыбнутся, выслушавъ такую рѣчь:—есть новые наряды... а вмѣстѣ и вздохнутъ, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всѣмъ навѣрное безъ обновокъ.... И обратитъ потомъ старикъ рѣчь къ Гершку: А ты, „говоритъ", Гершку, и въ двиръ бильше не заглядуй; бо далеби [4]), саломъ нагодую"! Усмихнется Гершко своею добродушною *тригубою* улыбкою, приподниметъ правою рукою съ правой стороны яломокъ, поскребетъ надъ правымъ *песикомъ* „Гм, ню!. А къ великодню робота буде?" Проведетъ послѣ этого старикъ ладонью крѣпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: „Проноза, молъ, ти жидивська!"—„Буде жъ", говоритъ, „буде робота, якъ саломъ тебе нагодую!" И закончитъ онъ свои похожденія, по нелюбимымъ имъ *палестинамъ* покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, *покропить* съ Гершкомъ новое платье, чтò тамъ еще покроено и пошито...

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дѣлахъ! не любилъ, крѣпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицѣниванья къ товарамъ, и такъ далѣе и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскорѣе.

Такъ онъ хотѣлъ поступить и при покупкѣ свадебныхъ лентъ. Но не тутъ-то было! Купецъ, у котораго старикъ дѣлалъ закупки, былъ изъ тѣхъ украинцевъ-купцовъ, которые, увы! начинаютъ уже переводиться. Это былъ человѣкъ аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любилъ все дѣлать отчетливо, не спѣша. Онъ любилъ *добрáть* свой процентъ и твердо на этомъ стоялъ, но никогда ни позволялъ ни себѣ, ни своимъ прикащикамъ, никакихъ *недомиривъ*, *недовискивъ*, не позволялъ *заганять* и *завертать* цѣны, брать съ покупателя *лишню копійку*... Потому-что ему хотѣлось *одному* отправиться на тотъ свѣтъ, а не

---

[1]) Полно!—[2]) На пустяки, напрасно. [3])—Тряпки.—[4]) Божба «Ей!»

въ сопровожденіи этихъ *недомиркивъ, недовискивъ, лишнихъ копіекъ*, и чтобы эти *недомирки, недовіски и лишни копійки* не выступили впередъ на страшномъ судѣ и не засвидѣтельстовали предъ лицемъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, „мы вонъ какіе и вонъ какіе; что, молъ, я къ тому-то долженъ бы пойти, а я у того-то остаться, но что человѣкъ сей, на томъ, человѣческомъ, свѣтѣ, купцомъ Рудею звавшійся, не довѣсилъ насъ, не домѣрилъ, сорвалъ..." И чтобы, выслушавъ эти свидѣтельства, Богъ не велѣлъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы вѣчно руки мѣрить раскаленными аршинами, а несытую *пельку* [1]) набивать раскаленными копейками и горящими недомирками и недовисками.

— Покажить ще мени,—говоритъ отецъ, накупивъ у купца разныхъ разностей:—стричокъ весильнихъ [2]), стёжокъ!

Купецъ досталъ огромный пукъ пунцовыхъ и розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттѣнковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвѣтовъ, отецъ взялъ, повертѣлъ въ рукахъ: „Та тутъ", говоритъ, „есть и невесильни... Однакъ дарма [3]), въ хозяйстви пригодятся! А що стоитця [4]) сей жмутъ [5])? та скорише, будьте ласкови, бо николы!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болѣе или менѣе на память мѣру своихъ товаровъ, тутъ рѣшительно воспротивился продажѣ глазомѣромъ.

— Якъ можна—скорише!—говоритъ:—тутъ треба помирить: не напамятуесся [6]) всёго!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мѣрить, безъ мѣры дѣло пойдетъ скорѣе; а тотъ—что безъ мѣры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужимъ воспользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дѣло кончилось тѣмъ, что купецъ предоставилъ отцу взять ленты,—тамъ ихъ, дома у него, помѣряютъ, а поторгуются и разсчи-

---

[1]) Глотку. [2]) Свадебныхъ. [3]) Но ничего! [4]) Стоитъ. [5]) Пукъ. [6]) Нельзя помнить.

таются, когда отецъ пріѣдетъ на маслянскую ярмарку... А купцу отецъ былъ не то, что называется знакомый покупщикъ,—это я положительно знаю!

Отецъ согласился на сдѣлку, но заставилъ купца взять, въ обезпеченіе уплаты, *билу бумажку* (25 р. асс.)... И отцу купецъ тоже былъ не то, что называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!..

Этотъ случай, котораго я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, не знаю почему, привелъ мнѣ на память обычай, бывшій, конечно въ низшихъ слояхъ общества, у насъ повсемѣстнымъ въ старину, какъ разсказываютъ наши старожилы,—именно обычай, въ слѣдствіе котораго тяжущіеся обыкновенно ѣздили *въ судъ* вмѣстѣ и на одной повозкѣ, то-есть, на одной повозкѣ и истецъ и отвѣтчикъ, пожалуй и съ свидѣтелями обѣихъ сторонъ.... Ѣдучи вмѣстѣ, ѣли и пили водку, толковали о своей тяжбѣ, высказывая свои шансы и ожиданія.... Разсказывавшіе мнѣ про этотъ стародавній обычай, старожилы наши всегда присовокупляли, что, въ слѣдствіе такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяетъ тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, по замѣчанію старожиловъ, часто случалось, и особенно, при участіи въ поѣздкѣ и свидѣтелей, что, доѣхавъ до какого нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за *полуднемъ* или за *сниданнямъ* по двѣ, по три чарки, веселящей сердце человѣческое, *тіеи гаспидьскои, розгуторятця*, объяснятся, обнимутся, поцѣлуются и воротятся домой, плюнувши туда, назадъ, на свой слѣдъ: „Нехай, мовъ, западутця вони, тіи позви, зъ судами ему и со всимъ!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нимъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло, врученныхъ ему заѣзжимъ кулакомъ въ сибиркѣ, т. е., не глядя на него прехладнокровно сунулъ въ карманъ,—только не въ задній карманъ

и не своего *сюртука*, а въ находившійся съ боку карманъ синяго *каптана*....

Послѣ этого, отецъ отвезъ меня въ училище и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дѣйствительно, чрезъ часъ пріѣхалъ онъ проститься и, прощаясь, объявилъ мнѣ, что въ пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, пришлетъ за мною лошадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой пятницы!.. А вечеръ наканунѣ!... Случалось ли вамъ самимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислушиваетесь,—авось сегодня еще пріѣдутъ!... А тутъ и урокъ еще назавтра: „Что есть покаяніе?... Покаяніе есть. А жилетикъ!“ вскрикиваете, вспомнивъ, что̀ его-то и не уложили...

И такъ вы отъ связки съ вещами къ книгѣ, отъ книги къ связкѣ.... а тамъ къ дверямъ: кажись въ сѣняхъ что-то стукнуло...

А эти томительныя ночи наканунѣ, помните ли? Сонъ не идетъ, думаете, что̀ тамъ дома будетъ,—мать....

— А ну, забудутъ или прислать лошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на мысль:—или лошади захворали?... „Нѣтъ“, отвѣчаете рѣшительно: не забудутъ „не захромали?...“

— Однако? и переворачиваетесь на другой бокъ.—Или смотритель скажетъ... Ну, что же онъ скажетъ: Ну скажетъ не ѣзди, да и полно!...“ Или--*Арапъ билый прыйде*?..

Переворачиваетесь снова.

— Нѣтъ, *загаддю*! наконецъ рѣшаете вы—надо же этимъ несноснымъ предположеніямъ положить конецъ!...

„И поднявшись на постелькѣ, вертите указательными пальцами и потомъ ихъ сводите,—со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Мимо!..

Да вѣдь нужно три раза загадать!...

Снова вертите, снова сводите, зажмуривъ глаза,—какъ-будто въ темнотѣ можно что увидѣть... Попали!

„Я такъ и думалъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло мимо, гадаете *трижды-три*, на томъ основаніи, что вы не думали, о чемъ гадаете... а думать непремѣнно надо...

И такъ волнуется и волнуется ваша дѣтская душа—долго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькѣ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечаянно-нежданно, какъ нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не успѣло смѣниться другимъ... не налетитъ и какитъ-то тяжелымъ угаромъ не прикуетъ къ подушкѣ накалившуюся отъ безсонницы и тревожныхъ мыслей вашу голову, а раскаленную вашу фантазію не пуститъ на свободу: пусть молъ, пока! И во снѣ ему разные *Бѣлые Арапы* пальцами вертятъ подъ носомъ: „не пришлютъ по тебѣ лошадей,—отецъ забылъ,—захромали, и ты—въ школу, въ школу"!.. И такъ—долго, долго, пока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнетъ обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послѣ такого сна!.. Остался только день, только одинъ день!.. И сколько хитростей вы употребляете потомъ съ этимъ днемъ, чтобъ онъ ушелъ себѣ поскорѣе... Вы ужъ обзавелись на квартирѣ собственнаго изобрѣтенія солнечными часами: дойдетъ тѣнь отъ коморы до этого мѣста—*такая* пора дня, дойдетъ сюда—*такая*; а знаете навѣрное—не смотрѣть на тѣнь, день уходитъ скорѣе....

„Ну", говорите, „не буду смотрѣть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возлѣ оборочу тысячу разъ, ну, потомъ... и посмотрю!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ... стараетесь дѣлать это какъ можно медленнѣе, а между тѣмъ, несносная тѣнь—ну, какъ нарочно!...

Впрочемъ, на этотъ разъ судьба была благосклонна... Дѣло вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавкѣ у *покуття*). Хома—за *верстаттю*, свѣча подъ *начиннямъ*,—словно мальчишка на веревочной качелѣ,—ярко освѣщаетъ заднюю стѣну, нагнувшуюся надъ *роботою* [1]) соломенную Хомину покрышку.

Хома тчетъ: човникъ [2]) играетъ, *начиння* танцуетъ, *шайда* въ ладоши похлопываетъ... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами,—носомъ, губами, соломенною покрышкою... работаетъ, противъ воды будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатью, въ полумракѣ, словно въ темной влагѣ рѣчныхъ зыбей...

Возлѣ Хомы, у печки на лавкѣ, лысиною въ хатѣ,—такъ знаете, по домашнему,—съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго столѣтія,—цивки сўче... Забывъ про свое военное и унтеръ-офицерское званіе, и отложивъ, такъ сказать въ сторону и свой, никуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина,—предается со всею любовью преданой души, проведшей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею внимательностью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и при томъ имѣющей предъ собою такого знатока-судью, каковъ Хома... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды,—все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, съуживается... превратилось въ какое-то мышиное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвернувшееся лакомство... или какъ-будто, вмѣсто головы у героя браней, рука съ пятью пальцами, и эти пять пальцевъ протянулись къ станку, *пучечкою* [3])... что-

---

[1]) *Робота*—работа; но въ ткацкомъ дѣлѣ, *робота*—основа на верстати,—словомъ, то, что тутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумѣнія картины, что верстать у насъ помѣщается обыкновенно за печкою, гдѣ бываетъ *пиля*, переднею частію къ хатѣ.—

[2]) Челнокъ.

[3]) *Пўчки*—оконечности пальцевъ. Взять *пўчкою*, *пучками*.—взять оконечностями пальцевъ, и большею частью—взять осторожно; взять *пучечкою*, *пучечками*—очень осторожно нѣжно.

то снять съ него хотятъ... но что-то сзади мѣшаетъ, толкаетъ подъ локоть... Станокъ гудетъ, клубокъ въ *обичайци* [2]), словно двадцать чертей гонятъ его кнутами,—мечется какъ угорѣлый, скачетъ, кувыркается...

За спиною у героя торчатъ съ печки ноги Усти, а надъ лысиною—рыжій котъ свѣсилъ съ *комина* [3]) голову, и внимательно слѣдилъ за работою...

Въ сторонѣ отъ героя, предъ истопленною жарко печью,—хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ докрасна: сидитъ на скамейкѣ, беретъ одинъ за другимъ лежащіе возлѣ, на столѣ, на чистыхъ подушкахъ *буханци* [4]), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку...

Всторонѣ отъ хозяйки, въ темномъ углу *кто-то* изъ деревни вѣрно... вѣрно, дрова хозяйкѣ привезъ, муку... или, можетъ кто изъ родичей хозяина заѣхалъ... должно быть дремлетъ,—то и дѣло, кланяется хозяйкѣ и печкѣ...

Я зѣвнулъ—о-хо-хо-хъ! славно, молъ, выспался!.. потянулся и поднялся на постели... При моемъ зѣвкѣ все въ хатѣ притихло, а рыжій насторошилъ уши... и удостовѣрившись, что они его не обманули, перекинулся на спину и протянулъ ко мнѣ свои лапы...

„А що,—говоритъ Хома, отводя въ сторону свѣчку съ качелею и выставилъ свое добродушное лицо:—А що,—говоритъ,—тоби снилось?...

— Ничого!

„Якъ—ничого? Може, снилось, що прислали?...

— Ну,—подхватилъ герой бранeй, выпуская съ руки *сучо́къ* [3]), насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя,—знакъ, что былъ въ очень сильномъ юмористическомъ настрое-

---

[1]) *Обичайка*—обручъ у сита или у *рѣшета*. Въ *обичайку* кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

[2]) *Ко́минъ*—верхняя часть печки.— [4]) Булки.

[5]) Ручка, которою приводится въ движеніе сукальный станокъ.

нiи:—Ни,—говоритъ,—ему снилось, що не буде зъ нами обидать!... безъ обиду буде!..

„Безъ обиду не буде!“ перебиваетъ хозяйка: „я ему бухавецъ дамъ...“

Рыжiй, тѣмъ временемъ—съ *комина*, на печку... царапнулъ мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герою—„Брысь! тьфу!“—на верстать, на лаву, и ко мнѣ на колѣни... тернулся разъ головою и бокомъ мнѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая меня по лицу и по носу, и опрокинулся вверхъ ногами...

„Довго-жъ ти спишъ Васильку!—отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

— Грицько!..

И я—съ постели, на полъ, къ Грицьку на колѣни и принялся цѣловать его въ усъ, въ *чупрйну*, въ щоки...

И всегда такъ случалось со мною въ дѣтствѣ: Радости и печали приходили ко мнѣ какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, или не тогда, когда онѣ должны бы, по моему разсчету, прiйти. Расчеты мои, въ этомъ отношенiи, всегда какъ-то оказывались невѣрными. Въ одномъ только расчетъ мой всегда былъ вѣренъ: если я предполагалъ, что радость мнѣ не пройдетъ даромъ, что позже или раньше я долженъ порядочно за нее поплатиться. Впрочемъ, у меня оказывался вѣрнымъ еще слѣдудощiй расчетъ: если, бывало, мнѣ приснятся ночью вьюны, и на самомъ этованiи я разсчитывалъ на *пáли* [1])—непремѣнно сбывалось!..

[2]) Нацѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся распрашивать, ка̀къ и что̀. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ прiѣхалъ съ *шинкаремъ* и двумя саньми—нашими *глáбцями* и шинкаревыми *дренджолятами*; что шинкарь прiѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: „тильки де ёму! го-

---

[1]) Удары линейкою по рукѣ.

[2]) Основа 1861 г., iюнь, 1—18.

ворить:—въ сему дили, здаетця, ничого не тямить" [1])! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шинкарь не тотъ, что прежде былъ, а другой, новый. „Винъ", говоритъ „такий, отъ якъ бы й вони, му́ндырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина:—тилько зъ оставни́хъ... И такий же то бидовий и кумедний,—самъ побачишъ!..." Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно настаивала обождать, пока *буханци* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь,—лошади выпряжены, возлѣ *ре́птуха* [2]), а Му́ндырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелюхахъ* изъ собачьяго мѣха, сидитъ на *дренджолятахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимому, упражняется въ искусствѣ смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *глабиямъ*, къ лошадямъ, а я къ Му́ндыру, „здоровъ бувъ" сказать и посмотрѣть, что это за *бидовий* и *кумедный чоловикъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бидовий* и *кумедный чоловикъ!..*

Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько позднѣе, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя физіономія такихъ личностей—не берусь разсказывать, мудрено! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Физіономіи такихъ личностей—т. е. наружныя физіономіи—какъ-будто не раждались на свѣтъ Божій, какъ

[1]) Не смыслитъ.

[2]) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

раждались всѣ остальныя физіономіи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже:—тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ—два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ,—и физіономія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножемъ—будетъ чѣмъ рявкнуть! „Уши бы", думаетъ тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ:—но изъ-за *бракенбаровъ* не тово, *авось* сбредетъ!. „А брови, мошенникъ!"—„Виноватъ, ваше благородіе! на счетъ бровей пе приказывали!"

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго-раскрѣпкаго... изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготовлялась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣлили слѣдующей пословицей: „ти, москáлю, и добрый чоловичъ, та шенелія твоя злодій [1])!"

И какъ выведутъ бывало такого мýндыра и пустятъ его въ свѣтъ—и Боже, какъ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и неказеннымъ физіономіямъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшными казались всѣмъ его дубовые кулаки! Кáкъ мýндыръ кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, какіе мýндиры....

Мундыръ сидѣлъ, говорю, на саняхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здоровъ бувъ! говорю.

Мундыръ очнулся.

— Что тѣ надо?

---

[1]) Воръ.

— Здоровъ бувъ, кажу!

— Къ чорту убирайся съ своимъ „зда-ровъ-бувъ!..“ Спрашиваю что надо?

— Та мени жъ и нада „здоровъ бувъ!“

— Шутишъ ты, чертеновъ, что ли?—выпрямился, ощетинился, какъ разъяпный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ!—заревѣлъ и, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ еслибъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою крѣпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхалъ); вѣрно, моему кожушку, а можетъ быть и чему другому, крѣпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватитъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Що ты, що ты!—крыкнулъ Грицько, бросаясь между насъ:—чи не сказывся ты!?

Мундыръ оторопѣлъ, увидавъ Грицька—онъ теперь только его замѣтилъ.—А!—говоритъ:—ты ужъ здѣсь!.. А привелъ!—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ:—не привелъ развѣ?..

Очевидно, въ паклѣ Мундырѣ никакъ не могло помѣститься, чтобы сынъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулубчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельскаго „хохленка“...

Хрицько растолховалъ ему въ чемъ дѣло,—и какое превращеніе!—Виноватъ!—говоритъ и вытянулся предо мною въ струнку:—виноватъ!—даже *благородіемъ* меня назвалъ...

— Та перестань!—перебилъ его Грицько:—тамъ зъ батагомъ, а се зъ „благородіями!“ Бачъ, якъ засоромывъ [1])!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи непринадлежавшее мнѣ „благородіе“ это такъ меня сму-

---

[1]) Сконфузилъ

тило и сконфузило, что я не зналъ, что съ собою и дѣлать куда дѣваться... Я подошелъ къ вороно́му и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнавшаго на меня неловкимъ „благородіемъ". Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундыръ съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Ка̀къ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронымъ. Знаю только, что и Грицько, и Му̀ндыръ, *нализались* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что́—я не понялъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волочо́къ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ, груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ—вонъ-оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ—*вкравъ*: „вкравъ", говоритъ, „вкравъ, вкравъ!" а Мундыръ вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ:—„врешь, врешь, спряталъ!"

Наконецъ бочка *коропскои* [1]) куплена и скочена на *глабци* куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ—*сущикивъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали,—Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундыръ больше уже не говорилъ мнѣ „благородіе"...

---

[2]) Коропъ—заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся нѣкогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавались и въ Полтавской губерніи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.